Д. Е. СКОБЦОВ

Три года революции и гражданской войны на Кубани

ПАРИЖ

Д. Е. СКОБЦОВ

Три года революции и гражданской войны на Кубани

ПАРИЖ

ВВЕДЕНИЕ.

Краткие сведения из истории Кубани.

Площадь Кубанского Края до захвата его большевиками равнялась 94.904 квадратным километрам (83.401 кв. версты, или 8.687.170 дес.). Размером своей территории он, следовательно, превосходил из старых европейских государств Данию, Бельгию, Швейцарию, Голландию и Португалию, а количеством населения — Данию и Норвегию.

Жителей в 1914 г. в крае числилось — 3.122.905 душ.

С севера Кубанский Край граничил с Землей Всевеликого Войска Донского, с северо-востока — с Ставропольской губернией, с востока — с Терской областью, с юга — с Кутаиской губернией и Сухумским округом, с юго-запада — с Черноморской губернией, с запада же омывался Черным и Азовским морями.

Так территориально оформился и населился указанным количеством жителей Кубанский Край в течение СТА ДВАДЦАТИ ПЯТИ лет со дня прихода туда казаков Черноморского Войска, части бывшего Запорожского Войска. 17.021 мужчин и около 8.000 женщин переселились с прежнего своего временного местожительства (между Бугом и Днестром) во главе со своим Кошевым Правительством, конными и пешими полками, со своей флотилией, при вооружении не только ружьями, но и пушками (малого калибра).

Войсковой Судья А. А. Головатый, возглавлявший особую от Войска делегацию, получил от правительства Императрицы Екатерины II «жалованную грамоту» на «вечное владение, пользование и распоряжение землей и всеми состоящими на пожалованной земле всякого рода угодьями, на водах же и рыбными ловлями». Назначалась при этом Черноморскому Войску служба: «бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских». Определялся годовой бюджет из государственной казны: «20.000 рублей на год»... «Мы предоставляем», — говорилось в грамоте, — «пользоваться свободной внутреннею торговлею и вольною продажею

вина на войсковых землях». Устанавливалась при этом преемственность Черноморского Войска от Войска Запорожского: «возвращались» ему «знамя войсковое и литавры Запорожской Сечи с подтверждением права Войска Черноморского ими соответственно пользоваться, как равно и другими знаменами, БУЛАВОЙ, перначами и войсковой печатью».

При выходе Войска или частей его и отдельных казаков по служебным делам за пределы войсковой территории дальше ста верст от ее границы, устанавливалось дополнительное денежное и материальное довольствие, для лошадей фураж, для услужающих людей возмещение харчевых и других расходов.

Пограничные кордоны по реке Кубани были устроены в две линии в количестве до 26 кордонов. На поддержание всегдашней боевой готовности на этой кордонной линии требовалось постоянных занятых службой до двух тысяч человек старшин и рядовых казаков.

Иностранец на русской службе в должности Херсонского Военного губернатора дюк де-Рищелье, побывавший в расположении черноморцев, отмечал: «На всем протяжении кордонной линии были плавни и болота, покрытые непроходимыми камышами и другими болотными растениями, заражавшими гнилью воздух и порождавшими неизбежные болезни и смертность. В такой-то убийственной местности, наполненной мириадами комаров и мошек, беспощадно жаливших всякое живое существо, черноморцы проводили кордонную жизнь...».

Но службой на кордонной линии не исчерпывались обязанности черноморцев. Не успели они закончить свое устройство на новом месте, как пришло распоряжение атаману З. А. Чепиге отправиться с двумя пятисотенными полками в Польшу. Суворов, которому принадлежало там командование русскими силами, еще во вторую турецкую войну, хорошо ознакомился с боевыми качествами черноморцев и лично с атаманом Чепигой, как их военачальником, поэтому не преминул его вызвать с казаками в Польшу.

Через короткий срок пришло новое распоряжение другим двум пятисотенным полкам черноморцев отправиться в г. Баку, по тому времени, в «Персию». Полки повел Войсковой Судья А. А. Головатый. В этой «персидской войне» главное командование армией принадлежало бездарному графу В. Зубову. Прежде всего из рук вон плохо была организована в войске продовольственная и санитарно-лечебная часть. Много людей погибло от голодовок и болезней — малярии и пр. С похода вернулось не больше половины казаков. На обратном пути этого «персидского» похода скончался и начальник отряда А. А. Головатый. Случилось так, что еще раньше смерти А. А. Головатого в Екатеринодаре умер 27 января 1797 г. вернувшийся с польского похода Кошевой Атаман З. А. Чепига и казаки, собравшиеся в Екатеринодаре, поспешили избрать на его место Кошевым Атаманом А. А. Головатого, о смерти ко-

торого в Екатеринодаре еще не знали... Получился сложный и острый кризис войсковой власти: сошли со сцены в тяжкий момент войсковой жизни Чепига, верный старым традициям Запорожья безбрачник, добрый воин «без страха и упрека», и Головатый — мудрый устроитель войсковых дел [1]). Оставался, правда, третий член выборного Кошевого правительства — Т. Котляревский, войсковой писарь, но он оказался много ниже тех первых двух и по своему духовному росту, по верности старым запорожским традициям и чувству «товарисства». В вину ему прежде всего нужно поставить принижение значения Войскового (Кошевого) правительства.

Вызванный в С.-Петербург на коронацию Павла I-го он принял от последнего «назначение» на выборную должность Войскового Атамана и по возвращении в Войско не только не сложил с себя этого звания перед всем Войском, что, казалось, должен был сделать, а, наоборот, упорно держался его. Между тем, вернулись с «персидского» похода казаки и без того раздраженные за перенесенные невзгоды и неоправданные потери и лишения в походе. Был учинен бунт, казаки «персидского» похода вышли на площадь с оружием в руках, к ним присоединились и другие казаки. Котляревский обратился за помощью к находящемуся поблизости общеимперскому большой силы отряду. «Бунт» был подавлен. В результате не мало черноморцев было подвергнуто публичному телесному наказанию и сосланы в Сибирь. Кто успел, бежали... «накивали пьятами»... к запорожцам За-Дунай...

Император Павел I выдал черноморцам, по примеру Екатерины II, особую «жалованную грамоту», по содержанию, однако, существенно отличавшуюся от екатерининских двух «грамот»; в титуле Атамана была выпущена основная его особенность: наименование Атамана в грамоте приводилось без основного его почетного звания «Кошевой», «Войсковой», т. .е. сам титул лишался общевойскового объединяющего значения. Главной же особенностью было помещение в грамоте пункта ПЯТОГО:... «соизволяем, чтобы и управление дел до оного (Войска) относящихся восприняло лучший образ...», «повелеваем учредить ВОЙСКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ», т. е. вместо прежнего «Войскового Правительства» учреждалась именно «канцелярия», а в ней повелевалось присутствовать от Войска Черноморского атаману, двум членам, а сверх того, «особам», «каковых мы заблагорассудим назначить»... «для дел криминальных, гражданских и тяжбенных»... «сыскного начальства»... «Экспедиции сии, производя дела, приговоры свои на оные должны вносить на утверждение войсковой канцелярии и определенной от НАС в оную ДОВЕРЕННОЙ ОСО-

---

1) Сохранилась о Головатом поговорка на всякий затруднительный случай: «...Знає об тім тільки Бог та Головатий Антін...».

БЕ и доколе утверждены не будут, исполнять своих положений не долженствуют...». «Доверенная» эта «особа» становилась, по значению, выше Атамана, обладала бо́льшими полномочиями, а вместе с тем ее взаимоотношения с Атаманом не были ясно разграничены. С первых же шагов начались между ними трения, приведшие к тому, что в июле того же года (Грамота была дана 16/2 1801 г.) из Петербурга был прислан в Екатеринодар для расследования дел и водворения порядка в Черноморском Войске уполномоченный генерал (Дашков) и в результате расследования «доверенная особа» была отрешена от должности, а в феврале 1802 г. и сама должность была упразднена.

В «жалованной грамоте» Императора Александра I не упоминалось уже о какой-либо «особе», контролирующей Войско. В ней подтверждались права Черноморского Войска на «вечное и неотъемлемое владение» пожалованными ему землями со всеми состоящими на земле угодьями, «на водах же с рыбными ловлями», а также и другие права Войска материального порядка, но никакого намека на автономные права в войсковом управлении в грамоте нет, сказано просто: «Войско Черноморское получает от нас повеление через военное начальство, как об устройстве оного, так и о нарядах на службу, которые обязано исполнять с точностью и поспешностью...», «по делам войсковым должно оно (Войско) зависеть от инспектора крымской инспекции, а по части гражданской состоять в ведомстве таврического губернского начальства».

В дальнейшем вся первая половина XIX века для казаков Черноморского Войска прошла в большом военном напряжении. Уже по указу 13 ноября 1802 года они должны были выставлять 10 конных и 10 пеших полков. Кордонная боевая служба тоже требовала большого напряжения. Смертность от болезней и военных потерь катастрофически уменьшала общее количество войскового населения. Естественный прирост его не давал нужных пополнений. Установилось обыкновение со стороны войскового правительства просить о пополнении в порядке переселения с украинских губерний. В период 1809-1811 г. г. в Черноморию было переселено из Полтавской и Черниговской губерний 41.534 человек, из коих мужчин 22.205. В 1821-1825 г. г. из тех же губерний еще 48.627 человек из них 25.627 мужчин. Но в Турецкую войну 1828-29 г.г. были мобилизованы даже престарелые казаки. В результате в куренных селениях остались только женщины и дети. В 1848-49 г.г. на пополнение Черноморского Войска было произведено новое переселение недостаточное по моменту, всего 14.227 душ, из них мужчин — 7.767, тоже с Украины, из губерний — Харьковской, Черниговской и Полтавской.

...Во время Крымской компании от черноморцев в Севастопольской обороне принимали участие два пластунских батальона, покрывших себя славой в боях на 4-м бастионе, и еще сводный конный полк...

Таким образом, всегда в военном напряжении до предела, с большими потерями в людях, при отсутствии времени заняться благоустройством семейно-хозяйственной жизни, прошли для Черноморцев годы конца 18-го и первой половины 19-го в. в.

———

В то время, как черноморцы, начиная с 1793 - 94 г. г., стали «держать кордонную линию» по нижнему течению реки Кубани до устья реки Лабы, для охраны границы вверх по Кубани были предназначены распоряжением Екатерины II, согласно проэкту главного Кавказского Командования (графа Гудовича) шесть донских полков, которые, однако, не сразу выполнили распоряжение о переселении. Но уже в 1794 г. от Донского Войска на верховье Кубани было послано 1000 семейств, к ним были присоединены еще 125 семейств из бывшего Волгского казачьего войска. Бытописатель того времени генерал В. Гр. Толстов так рассказывает об этом зачине образования СТАРОЙ ЛИНИИ:[1]).

«Достигнув речки Калалы... казаки бросили жребий — кому и куда итти, — и затем группами направились на назначенные места и осели в станицах: Воровсколесской, близь реки Курсавки, — Темнолесской, в 25 верстах от Ставрополя к югу, — Прочноокопской, на правом берегу р. Кубани, — Григорипопольсской, в 26 верстах вниз по Кубани, — в Кавказской, тоже вниз по Кубани, в 38 верстах от предыдущей, и в Усть-Лабинской, близ крепости того же имени, в 80 верстах от Кавказской, — всего на протяжении около 300 верст вдоль границы... Переселенцам при этом выдавалось пособие «по 20 рублей серебром на каждый двор и головой отмер провианта (муки и крупы) на каждого члена семьи. Кроме того выдано на каждую станицу по 500 рублей на постройку церквей».

Тогда же казакам линейцам был определен и земельный надел на каждого по 30 десятин, а старшинам по 60-ти десятин. Полковая земля простиралась лентою вдоль границы, шириною до 20-ти верст, со всеми находящимися на ней земельными, водными и лесными угодьями... К зиме эти переселенцы окончательно устроились, а с началом 1795 г. из них был сформирован «Кубанский» конный полк в числе 18 старшин и 550 человек пятидесятников (урядников) и казаков. Этот пятисотенный полк уже 5-го марта, как доносило Кавказское начальство в Военную Коллегию, — заступил на полевую службу по охране Кубанской границы, связавши собой сторожевые участки: с запада с Черноморским Вой-

---

[1]) См. Ген. Толстов: «Краткая историческая памятка». Кубанский Сборник» № 4, стр. 6—7. Изд. В. Гр. Науменко, Нью-Иорк.

ском и на востоке с участком Хоперского полка, поселенного близ Ставрополя в 1777 г.

..Широкие промежутки между кубанскими станицами не могли, однако, способствовать прочному прикрытию границы, а поэтому, когда в 1802 г. на Кубань пришли «Екатеринославские казаки», то они были поселены в указанных промежутках и образовали станицы Темижбекскую, Казанскую, Тифлисскую и Ладожскую — все вместе составлявшие Кавказский полк. (Для удобства командования и несения пограничной службы станица Усть-Лабинская была перечислена из Кубанского полка в Кавказский, а станицу Темижбекскую перевели в Кубанский полк).

В 1833 г. были отчислены от Ставропольской губернии 31 село. К Кубанскому полку отошли отсюда селения Ново-Александровское, Расшеватское, Успенское, Ново-Покровское, Новотроицкое, Каменнобродское и Дмитриевское. Селения эти образовались в период 1785 - 1825 г. г. из переселенцев из России, из числа казенных крестьян и отставных солдат Кавказской армии и разных «вольных людей», которые поселились в тылу казачьих станиц, в полосе черкесских набегов, и давно усвоили казацкие порядки, а потому перевод их в казачье линейное войско казался естественным.

В 1825 - 27 г. г. на Кубань был переселен Хоперский полк, получивший свое начало от выходцев с Запорожья и Дона, осевших на реке Хопре, но оттуда разогнанных за участие в Булавинском бунте, и через 6 лет вновь собранных. В 1778 - 79 г. г. они были переселены на Кавказскую линию в район Ставрополя, а оттуда переселились на Кубань и образовали станицы Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую, Барсуковскую, и на реке Куме — станицы Бекешевскую и Суворовскую.

На Кавказской линии казаки сначала жили отдельными полками, которые непосредственно подчинялись общему командованию этих линий. Станицы их селились около укреплений. Жизнь этих станиц была более тревожной, «но зато», — отмечается в старой хронике, — «состоя на службе, казак мог заниматься своим хозяйством, оно у линейцев быстрее налаживаось, и обычно линеец жил зажиточнее черноморца». Вообще же жизнь в этих полках протекала, как и на Черномории, в беспрерывной борьбе с горцами. Но у черноморцев в данном отношении всегда оставалось свое преимущество: они действовали, как отдельное казачье войско, имея свою конницу, пехоту и артиллерию и находились под командой своих атаманов.

Поселившись на Кубани, казаки (и черноморцы и линейцы) стали с первых же дней непосредственно лицом к лицу с воинственными закубанскими горцами.

«Из них абадзехи, беслинеи, темиргои, махоши были самыми

многочисленными и воинственными для казаков противниками по неукратимому стремлению к разбою, грабежу, всякому злодеянию и насилию... В своих отважных беспрерывных набегах на Линию, черкессы крупными и мелкими партиями, а то и в одиночку, проникали далеко вглубь пограничных станиц и селений, поджигали жилища, грабили имущество, угоняли рогатый скот и лошадей и уводили в плен жителей, чтобы продать их в рабство или у себя закабалить на вечное рабство». (См. там же).

Упомянутый уже выше В. Гр. Толстов свидетельствует, что «в своих горных областях и на лесных равнинах, черкесы занимались скотоводством и коневодством, немного пахали и сеяли кукурузу и просо, но все это в таком масштабе, что не обеспечивало их жизненные нужды». Черкесы говорили:

«Война и военная добыча наше ремесло, как у русских хлебопашество и торговля, и если мы прекратим это ремесло, то должны будем погибнуть от нужды и голода». (Там же).

Создалась жизнь на «Линии», когда «день и ночь казаки зорко и бдительно несли сторожевую службу то на постах, то в резервах, то в разъездах и секретах, то в кровопролитных схватках..., то в обороне под натиском врага...». По пословице «с волками жить, по волчьи выть», кубанцы уже в 20-х годах XIX века, присмотревшись к нравам и обычаям своих воинственных соседей, переняли от горцев одежду, вооружение и некоторые боевые приемы и уже, в свою очеред, «задавали абадзехам кровавые уроки»... И не только мужская половина населения «Линии» и «Черноморья» была втянута в тяжелую порубежную жизнь казаков, но и женщина - казачка; у нее была очень тяжелая доля. «Она покоила стариков, выращивала и воспитывала детей, пахала и сеяла, вела полевое и домашнее хозяйство, имея в подростках единственных помощников в трудах и единственное утешение...». «Только темные ночи знали, сколько вздохов, слез и скорби стоили казачке эти подчас непосильные труды и заботы».

«Изредка, и то не надолго, удавалось самому казаку вырваться на побывку домой, чтобы посмотреть свое хозяйство, приласкать детей, посоветоваться с женой. А когда кровавая война разлучала мужа с женой навеки, казачка с удвоенной силой должна была войти в свое хозяйство и держать семью, пока не подрастали сыновья, предмет тревоги материнского сердца... А в 20 лет и они, молодые казаки, садились на коня и шли на пожизненную службу». (См. там же, стр. 10-11).

А вот образец песни - флирта того времени, она сохранилась по записи покойного Ф. А. Щербины, почтенного историка Кубани и Кубанского Войска:

Как молодец девку исподманывал,
Исподманывал, подговаривал:
Ты пойдем, девка,
К нам на линию жить!
У нас да на линии
Что Курджуп да река
Вином потекла,
А река Лаба
Медом потекла.
По горам-то у нас, по горам
Лежат камушки драгоценные,
Драгоценные, неоцененные.

***

Уж ты, молодец, девку не подманывай,
Я сама там была,
И сама-то видела,
Про все слышала,
Что Курджуп да река
Кровью потекла,
А река-то Лаба —
Горючей слезой...
По горам-то, по горам
Лежат головы,
Все казацкие, молодецкие...

Некоторые авторы-кавказцы в своих работах о прошлом времени освоения Кавказа русскими стремятся сгустить краски, чтобы показать жестокость русских «завоевателей». Разное было и разное случалось. Те горские племена, те жители горских аулов и других кавказских поселений, которые оказывали склонность перейти на мирное положение, те получали возможность поселения в плоскостной открытой местности, но в отношении тех горцев, которые считали, как выше было отмечено, «войну и военную добычу своим ремеслом», в отношении тех ответные меры не могли не быть достаточно суровыми. В борьбе России и Турции за утверждение каждою своей власти на Кавказе (и одновременно для России велась борьба за обладание «теплыми морями») значительная часть черкесских народов, наиболее воинственная, стала на сторону Турции, и около 500.000 душ их эмигрировали в Турцию [1]).

---

1) На 1-ое января 1915 г. в России горцев числилось 133.000 душ.

В 1860-м году было образовано КУБАНСКОЕ ВОЙСКО. В него вошло Черноморское Войско и вместе с ним вошли шесть бригад Кавказского Линейного Войска. (Из остальных 4-х бригад Кавказского Линейного Войска было образовано Терское Войско). Одновременно с этим была произведена и гражданская реорганизация казачьих войск. Поскольку до того в организации Черноморского Войска сохранялся элемент особенности, некоторого вида автономности, теперь в гражданском отношении была произведена определенная доля нивелировки «гражданской» жизни казаков. Образовались Кубанская и Терская области, производилось в административном отношении сближение с обычным того времени губернским режимом.

Численность Кубанского Войска в том 1860 году после объединения, не превышала 160.000 душ. Но несмотря на сравнительную незначительность этого числа, Войско поставляло на службу (всегда для того времени — военно-действующую) — 22 конных полка, 13 пеших батальонов, 5 батарей и еще гвардейский дивизион. В «Кубанском Сборнике» (издание В. Г. Науменко, Нью-Иорк) отмечается: «Первые четыре года существования Кубанского Войска прошли в напряженной борьбе с горцами и в заселении Закубанья и побережья Черного моря».

Рескриптом на имя Евдокимова Император Александр II, 24 июня 1861 г., приказал сообщить Кубанскому Войску, что за постоянное доблестное его служение ему «предоставляются в ПОЛЬЗОВАНИЕ земли в предгорьях Западного Кавказского хребта...» Примечательно здесь то, что самый рескрипт был дан за три года до того времени, когда земли эти оказались свободными от ушедших в Турцию горских племен. Всего в пользование Кубанского Войска, дополнительно к прежде занятым им землям, присоединялось 3 миллиона десятин земли. На ней предполагалось поселить в течение 6-ти лет 17.000 семейств из Войска Кубанского, Азовского и Донского, а также государственных крестьян и нижних чинов Кавказской армии. Допускались переселенцы из Терского, Новороссийского и Уральского войск. Эти новые поселенцы образовали в Закубанье 96 новых станиц. Из новых поселенцев этих станиц были сформированы 7 конных полков и один (Шапсугский) батальон.

Но потом произошло изменение: «в 1869 году было изъято из состава Кубанской области Черноморское побережье. Казакам, поселившимся здесь, было предложено или перейти на крестьянское положение, или — при несогласии на это — выселиться в пределы Кубанской области», а «12 организованных там станиц были обращены в села, Шапсугский батальон был расформирован». (См. там же, стр. 15). Исторический соблазн выявился здесь в том, что воевали с турками и с горскими племенами преимущественно кубанские казаки и части других казачьих войск, а когда дело дошло до образования здесь «ривьеры», казакам было предложено уда-

литься... Стали строить дачи и виллы на Черноморском побережье или представители денежной буржуазии, или люди из так называемого «высшего общества...».

До этого войсковая служба отправлялась, преимущественно, там же, где жили казаки, а с замирением «Западного Кавказа» первоочередные части (военные) Кубанского Войска были отправляемы в Закавказье и в Закаспийскую область, чтобы там оберегать границы государства Российского. В случае же европейской войны, туда могли быть посланы «льготные» части, а для быстроты их готовности... были учреждены кадры второочередных полков... «В дальнейшем количество кубанских войсковых частей увеличилось»... «В период с 1887 по 1900 г. г. увеличено число пластунских батальонов в мирное время на 6 и в военное на 18»... «Говоря же вообще о военной службе Кубанского войска, надо отметить, что оно принимало участие во всех войнах России, в обеих экспедициях в Закаспийской области, в Турецкой войне 1877—1878 годов, в Русско-японской войне и в 1-ой Мировой войне, когда Кубанское Войско дало максимум напряжения и, как то видно из отчетов штаба Походного Атамана всех казачьих войск, все людские запасы Кубанского Войска были исчерпаны». (См. «Кубанский Сборник» № 1, стр. 15, изд. В. Гр. Науменко, Нью-Йорк).

Отбывание военной службы для первоочередных кубанских частей в трущобных местах пограничного с Турцией и с Персией Закавказья или в пустынях Закаспия было большим испытанием и для молодых казаков и молодого офицерства. Выход последних в офицеры генерального штаба и на другую службу повышенной квалификации в процентном отношении по сравнению с другими войсками (даже с такими, сравнительно, малыми, как Терское и Оренбургское) был значительно ниже. Почему эта суровая доля была предопределена для кубанцев, а не разделена между другими братскими войсками, судить трудно.

Ой, Боже наш, Боже милостивій!
Уродились ми в світі нещасливі...
Служили вірно в полі и на морі
Да-й засталися убогі, босі и голі...

Это четверостишие из песни старого А. А. Головатого сближает долю пращуров с потомками — от славного Запорожья до наших дней.

...В 1860 году было образовано Кубанское Войско, а в отноше-

нии гражданском — Кубанская область. Первым Наказным Атаманом был ген. Иванов 13-й, назначенный в августе 1861 г. До этого обязанности атамана исполнял Кусаков 1-ый... Имена, к слову сказать, как на-подбор, псевдо-казачьи...

Через недолгий промежуток времени установится обыкновение со стороны центральной государственной власти назначать кубанским атаманом непременно генерала, — не казака-кубанца... Исключение было сделано лишь для последнего атамана М. П. Бабыча...

При 11 первоочередных конных полках, при семи пластунских батальонах и при 4 батареях, Кубань до 1917 г. так и не дождалась открытия у себя нормального военного училища, даже больше того, — Ставропольская Юнкерская школа, в которой получали военное образование почти исключительно кубанские казаки, была закрыта. Кубанцы должны были ездить в Оренбург, Елисаветград, Тифлис, Чугуев и др. места для поступления в военное училище. Донцы имели свой кадетский корпус. Для кубанских детей, преимущественно на кубанские деньги, был открыт корпус во Владикавказе и еще при такой особенности: определение кадетов на кубанские степендии зависело от усмотрения наместника на Кавказе.

Земледельческая Кубань до революции не имела своей даже средней сельскохозяйственной школы.

Та же тенденция центральной государственной власти наблюдалась и в других областях общественного устроения, даже в церковном, в деле устройства суда и пр. В российских губерниях с православным населением в один-полтора миллиона учреждалась самостоятельная епархия, а Кубань при ее свыше двух миллионов православных людей лишь незадолго до революции получила «викарного» архиерея. На Дону суд был организован с законным установлением, чтобы половина судей была из донских казаков, к Кубани такой порядок не относился. Донские мировые судьи поступали в должность по выбору участкового населения, на Кубани они просто назначались... На Кубани не было своей Контрольной палаты. Кубань должна была отчитываться перед Ставропольской Контрольной Палатой.

Представители высшей центральной власти не хотели забыть некоторых вольнолюбивых движений старого Запорожья и в отношении его наследователей — кубанских казаков — никак не могли отделаться от старых приемов установления государственного единства: «держать и не пускать».

Главнокомандующий Кавказской армией кн. Барятинский в 1861 году писал военному министру: — «В бывшем Черноморском войске, хранящем предания Запорожской сечи... отдельность принимает вид национальности... Слияние бывшего Черноморского войска с Кавказским может действовать против этого особенно вредного в настоящее время начала, но необходимо, чтобы сли-

яние это было не только административным, а проникало и в самый быт казаков»[1]).

Внедрение в быт кубанских казаков объединения «без поблажек» считалось, по видимому, наиболее действенным средством приручения их к общероссийскому началу. (В настоящей моей книге воспоминаний попутно с основной ее темой я рассказываю, как сказывалась эта неполная степень черноморского-линейского единства в судные годы бытия Кубани).

С 1860 г. до крушения старой России прошло 57 лет, срок короткий для судеб народов.

Материальные достижения...

Здесь считаю уместным кратко отметить, чего достигли совместными усилиями кубанцы за этот короткий срок.

При 433.000 зарегистрированных хозяйств в пятилетие 1911 — 1915 г. г. было собираемо ежегодно свыше 222.000.000 пудов зерновых продуктов, — 23.000.000 пуд. масл. подсолнуха, свыше 2.000.000 пуд. табаку, преимущественно турецкого, свыше 20.000.000 пуд. овощных и бахчевых продуктов и не в малом количестве продукции других отраслей хозяйства: виноградарства, садоводства, пчеловодства и пр.

Поголовья скота на сто душ населения приходилось: лошадей — 35, рог. скота — 53, овец — 73, свин. — 20; всего — 181 гол., а в Европ. России было: лошад. — 21, рог. скота — 31, овец — 37, свин. — 10, — всего 99 гол. т. е. на Кубани поголовье скота на сто душ населения превосходило поголовье в Евр. России без малого на половину.

По оснащенности хозяйств сельскохозяйственными машинами Кубань занимала первое место в России: по данным статистического сборника проф. Огановского в 1910 году сеялок на Кубани было 37.000, косилок — 74.000, молотилок — 3.700, тогда как в 6-ти российских центральных земледельческих губерниях и в 6-ти средневолжских губерниях вместе — сеялок насчитывалось в 12-ти губерниях — 35.400, косилок — 48.700, молотилок — 2.700.

Ежегодный вывоз зерновых продуктов за пределы края в среднем за пятилетие 1911 - 1915 г. г. достигал 100.000.000 пудов[2]).

Продуктов скотоводства Кубань вывозила: шерсти в пятилетие 1909-1914 г. г. ежегодно — 230.000 пуд., смушки — 32.600 пуд., мяса и сала на сумму — 1.500.000 рублей, шкур - сырца — 56.200 пуд. (См. Ивасюк. «Кубань», Прага).

---

1) См. Венюков: «К истории заселения Зап. Кавказа», Р. Ст. 1878 г.

2) С осоветчиной Кубани 100.000.000 пудов зерновых продуктов было вывезено лишь в 1957 г. Таков факт 40-летн. регресса кубанского земледелия под советским режимом.

Культура подсолнечника и связанная с ним масловая, саломасная и поташная промышленность занимали в хозяйственном краевом обороте важное место. В 1914 году было выработано — 6.053.000 пуд. масла и было вывезено 4.368.000 пудов масла и 5.000.000 пуд. макухи (5.000.000 пудов макухи было потреблено на Кубани). Действовали два саломасных завода с ежегодной продукцией в 1.350.000 пудов саломаса. — Вывоз его за границу составлял 99% всего российского вывоза. В 1919 году поташа добыто — 2.370.000 пуд. и выработано 2.000.000 пудов мыла.

Функционировало 10 алебастровых заводов и 3 цементных с продукцией — до 10.000.000 пудов.

В 1914 году функционировало 7.994 разных промышленных предприятий, в которых работало 21.168 рабочих при ежегодном обороте — 36.484.881 рублей.

В том же году торговлею было занято — 19.402 душ, из них казаков — 2.254 чел.[3]).

Ведущую роль в развитии самодеятельности и хозяйственной активности играла на Кубани краевая свободная кооперация, обеспечивавшая индивидуальные и мелкоартельные хозяйства доступным кредитом, умело-организованным и доступным прокатом машин, умелой пропагандой прогрессивных способов хозяйствования.

На 1-е января 1919 г. на Кубани было 218 кредитных товариществ и 88 Обществ взаимного кредита, объединенных в два союза. Какого размаха достигала деятельность кредитной кооперации, показывает пример роста одного из этих союзных объединений — Кубанского кооперативного банка. В 1913 г. оборот его выразился в сумме — 313.000 рублей, а в 1917 г. — 30.253.000 рублей.

Проявилось уже совсем редкое кооперирование активных краевых сил — в железнодорожном строительстве; общества станиц и хуторов образовали три акционерных товарищества и таким образом обеспечили деньгами от реализации акций постройку трех железнодорожных ветвей: Армавир—Туапсинской, Черноморско-Кубанской и Ейской с тремя оборудованными для них морскими портами: Туапсэ, Ахтари, Ейск; по мере развития дела, ветви удлинялись.

Народное просвещение.

По вопросу о развитии школьного народного образования данные 1-ой Всероссийской школьной переписи 1911 г. дали показания особенно благоприятные в пользу Кубани. По проценту учащихся в школах детей к общему числу детей школьного возраста в губерниях, областях и городах, Кубань несколько превосходила передовую из российских губерний — Вятскую, а по сумме

---

[3]) Ивасюк. Кубань. Прага.

годового расхода на одного учащегося в школе достигала уровня города Москвы и это при повышенности московских цен на все оборудование и содержание школ и при дешевизне их на Кубани.

О народном образовании на Кубани перед захватом края большевиками привожу данные, помещенные в «Кубанском Сборнике» издания и редакции В. Гр. Науменко (Orangeburg, N. Y. U. S. A.). Цифры взяты из отчета Кубанского Краевого Правительства на 1-е января 1919 года.

1. Начальных школ было в городах и др. населенных пунктах — 1.391, в них училось детей обоего пола — 138.228; учащих же обоего пола — 3.925.

2. Высших начальных школ на 1 января 1918 г. — 180, в них училось 15.778 детей, учащих было — 1.055.

3. Средних учебных заведений (на 1/IX—1919 г.) — 151, учащих в них — 1510 (числа учащихся не показано).

4. Профессиональные школы (на 1/IV — 1919 г.) число учащих в них — 409, число школ — 124. В 1919 г. был открыт учительский Институт при 42-х учащихся и 11-ти учащих.

5. Высшие учебные заведения: Кубанский Политехнический Институт. В нем — 5 факультетов: экономический, инженерно-строительный, электро-механический, химический и сельско-хозяйственный. На 1-е декабря в нем числилось студентов — 2.665, профессоров — 30, доцентов — 7 и 28 ассистентов.

6. Музыкальные школы: — в декабре 1919 г. существовали 2 консерватории, Филармонического О-ва и Русского Музыкального О-ва.

ОТ АВТОРА.

Предлагаемые вниманию читателея воспоминания были написаны мною в 1925—29 г. г. на свежую еще память о всем виденном и пережитом.

Тетрадями в несколько напечатанных на машинке листов в те же годы я пересылал текст воспоминаний в Пражский Архив, оставляя у себя дубликат. Предлагаемый читателю текст я несколько сократил, производя некоторые стилистические поправки, оставив без изменений общее содержание воспоминаний.

Приношу великую благодарность глубокоуважаемому и дорогому Вячеславу Григорьевичу Науменко за моральную дружескую поддержку и за разрешение пользоваться для моего «введения» в книгу данными о Кубани, отмеченными им и другими авторами в издаваемом и редактируемом им «Кубанском Сборнике», всегда исторически очень ценными.

Большая моя благодарность и признательность также дорогому Никифору Лукичу Кисиль за неожиданный и щедрый дар в виде 800 географических карт Кубани, им самим изготовленных и присланных мне в Париж.

———

ВСТУПЛЕНИЕ.

Февральскую революцию 1917 г. я встретил в Москве.

После первых двух недель революционного возбуждения большого города как-то само-собой явилось желание выйти из общего потока и уехать к себе на юг в станицу.

Потянуло к родным берегам.

Длинной лентой больше, чем на десять верст, вытянулась станица по берегу реки, — просторные дворы, широкие улицы, большие площади.

Волна митингов, оказывается, докатилась и сюда. В праздничные дни, после церковной службы, на площади устанавливались на козлах подмостки и заезжие ораторы «разъясняли» собравшимся случившееся.

Из местных людей пока никто не решался «взбираться на бочку» — еще стеснялись.

Станичный почтарь потихоньку поскуливал и с сокрушением жаловался в тесном кругу на неумеренный разгон лошадей.

— Сколько этого «оратели» пошло, — уму не постижимо! И каждый с предписанием на пароконку...

Сама станица жила в большей степени еще интересами войны, была полна разговорами о ее героях: казаках и своих станичных солдатах.

Впрочем, все революционные и военные волнения не были в состоянии нарушить ту предпасхальную сосредоточенность, которою обычно жила станица в последние две недели Великого Поста. Дома «чепурились» хозяйки: примазывали и прибеливали хаты. В степи — пахота, весенний сев. На выгонах скот еще не ходит большими табунами и овец не согнали в отары, но небольшими гуртами уже водили их мальчишки-пастушки от одного зеленого пригорка к другому. Временами звучали их пищики. В ложбинках белел нерастаявший снег.

Протяжным великопостным звоном звучали церковные колокола.

ГЛАВА I.

От комиссара Временного Правительства, члена Государственной Думы от казаков К. Л. Бардижа пришло предложение произвести выборы уполномоченных на Обще-областной Съезд по одному от пяти тысяч жителей казаков и иногородних. Дата выборов определялась — 13 апреля, — сколько помнится, — на 2-ой день Пасхи. Съезд должен был состояться в Екатеринодаре 22-го апреля. Обе даты по новому стилю.

В праздничный день после полудня всю обширную площадь «Старой» главной в станице церкви запрудил народ. Добрую половину избирателей составляли женщины, разряженные по-праздничному... Казачки и солдатки за время войны привыкли ходить в станичное правление за военным «способием» (установленным пайком).

В центре добротно устроены подмостки, на них — стол, покрытый красным сукном, чернильница, листы бумаги, карандаши.

Как-будто нехотя с миной озабоченности и недоумения поднялся на «трибуну» станичный атаман. К большому моему удивлению, это был знакомый еще по годам моего мальчишеского хождения в станичную школу, атаман из вахмистров одной из кубанских казачьих батарей. Несколько больше побагровел орлиный нос Трофима Андреевича, не по нем роль атамана революционного времени. Но молодежь на фронте. Выборными на станичный сбор ходили старики. Они и извлекли из тьмы забвения своего молодецкого когда-то батарейца.

Не без запинки «вычитал» атаман распоряжение Комиссара о выборах уполномоченных — «всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием» — и предложил прежде всего избрать председателя и секретаря собрания, обнаруживая явное стремление самому отойти на второй план. Но «народ» пожелал именно его видеть на месте председателя, а секретарем С. И. Щ-ва, из мо-

лодых учителей, когда-то я его подготовлял ко вступительным экзаменам в учительскую семинарию.

Последовал довольно длительный период неразберихи и споров, как произвести «тайное» голосование. Процедура писания записок никому не улыбалась, а катать шары, — где их столько набрать?... «Всеобщее, равное, прямое» поперводачалу какбудто сомнений и споров не вызывало, — голосуют все собравшиеся станичники, каждый за себя и только по одному голосу. Но как это сделать тайно при открытой огромной площади, заполненной народом?... От кого беречься?...

Порешили: названный кандидат отвернется лицом к церкви и не всех увидит, кто голосует против него. Между трибуной и церковной оградой было наименьшее пространство, голосующие могли потесниться в стороны.

Но как только приступили к подсчету голосующих за первого названного кандидата, тут все и поняли, что главное затруднение совсем не в том, куда «отвернуться». Подсчет длительный, наскоро с трибуны его не произвести, а нетерпеливые избиратели, особенно избирательницы, беспрестанно перемещаются от одной группы людей к другой, где показался кто-либо из добрых знакомых. Трофим Андреевич начал, явно, терять голову. Пришлось мне выступить с предложением разбиться всем собравшимся на секторы, между последними установить достаточно широкие промежутки, со строгим обязательством для избирателей не переступать эти промежутки во время подсчета. Для обеспечения порядка выделить, прежде всего, приставов-добровольцев для наблюдения за этим, а также достаточное количество счетчиков. Добровольцы на эти должности сейчас же нашлись, пристава вооружились хворостинами, дело наладилось. Атаман повеселел.
— Скажи на милость, — какая простая механика...

От станицы в 20.000 душ населения, приблизительно, поровну казаков и иногородних (не казаков) надлежало избирать двух депутатов казаков и столько же иногородних.

По некоторым причинам (главным образом вследствие длительной и серьезной болезни), я не мало лет в станице совсем не показывался, но тут неожиданно для себя был избран подавляющим числом голосов. В товарищи мне от казаков был избран привыкший «ходить» от станицы «депутатом» в областной центр по разным поручениям Ф. А. К-в. От иногородних были избраны: один по профессии — кузнец, другой — мирошник водяной мельницы.

Никакого «наказа» нам избиратели не дали. Солнце уже склонилось к западу. Ограничились общей директивой:

— Смотрите там, как лучше...

Трофим Андреевич, атаман, сверх меры довольный, что снята с его плеч вдруг накатившаяся новая обуза, уже в порядке личной беседы попросил похлопотать, где следует, о возврате непра-

вильно и излишне отрезанной от нашего станичного юртового земельного запаса в пользу одной из нагорных станиц довольно значительной площади юртовой пахотной земли.

В 1905 г. произошел бунт 2-го Урупского полка, комплектовавшегося из казаков, именно нагорных станиц, бедных «удобной» для хлебопашества землей. Задуманные, было, областной администрацией репрессивные меры в отношении бунтовщиков не удались: казаки на казаков с пушками не пошли. Тогда администрация прибегла к давно забытому средству: была собрана в Екатеринодаре в 1906 году «Войсковая Рала» для полюбовного размежевания юртовых земель, чтобы плоскостные станицы уступили бы нагорным часть своей удобной для хлебопашества земли в обмен на соответствующие по стоимости лесные угодья горной полосы [1]). Решение по идее правильное, но практически оказавшееся сопряженным с неудобствами переселений, сезонных передвижений по дальним расстояниям и т. д.

Для общества нашей станицы горечь обиды такого решения усиливалась тем, что незадолго до этого передела, в конце прошлого 19-го века, по распоряжению Центрального Кавказского Межевого Управления [2]) была отрезана значительная площадь нашей юртовой земли, якобы оказавшейся «излишком» в отношении установленной нормы для наделения землею казаков.

Этим отрезанным участком станичной юртовой земли был тогда же награжден один выслужившийся тифлисский чиновник из инородцев. Уже на Раде 1906 г. наши депутаты во главе с теперешним моим товарищем по представительству Ф. А. К—м сделали решительное заявление, что именно этот участок земли надлежит отобрать от неведомо откуда появившегося чинуша и отдать горнякам, а новой урезки у нас нельзя было делать.

Станичный сбор поддержал своих депутатов. Областная администрация объявила это «бунтом». Наказный Атаман приезжал тогда в станицу, грозил загнать «зачинщиков бунта» туда, «куда Макар телят не гонял» и пр.

О восстановлении именно этой попранной тогда справедливости и попросил теперь меня, вновь избранного депутата, старый атаман.

У станичников вопросы политики неизбежно сводились к земле, и это не только у казаков, но и у другой половины станичного населения.

На другой день по моем избрании, вечером ко мне пришел старый знакомый И. В. В—ко, по прозванию «Ноздря Рваная» по причине дефекта одной его ноздри. Потолковав для начала о том

---

[1]) За одну десятину пахотной земли — 3 десятины лесных угодий. (См. сборн. «Казачество» Ф. А. Щербина, стр. 360).

[2]) Во главе Тифлисского Межевого У—я тогда стоял некий чиновник Нардэга, стяжавший плохую репутацию.

о сем, он перешел к тому же больному земельному вопросу, как я смотрю на дело земельного довольствия не : казаков, — иногородних. Сам клятвенно меня заверил, что на казачьи юртовые земли иногородние совсем не зарятся, ибо понимают, что казаки, когда пооблегчатся от военной службы, вернутся работниками в свои хозяйства, то им самим еле хватит земли для обработки. Но в отношении крупных частно-владельческих участков, общая земельная площадь которых неизменно преувеличивалась, И. В. В—ко держался того мнения, что эта земля должна быть распределена между старожилами иногородними.

Ушел он от меня тогда, как мне показалось, удовлетворенный нашей беседой [2]).

В эти же дни я съездил в г. Армавир, торгово-промышленный и административный центр нашего Лабинского отдела и познакомился с его атаманом, тогда полковником А. П. Филимоновым, впоследствии нашим первым, после революции, выборным Войсковым Атаманом.

В молодости офицер - кавалерист, окончивший затем военно-юридическую академию, военный юрист (не уклонившийся в свое время от обязанности «казенного» защитника Марии Спиридоновой, а также и казаков-артиллеристов Кубанской батареи, отказавшихся выполнить боевой приказз в связи с усмирением Урупского полка). На посту атамана отдела он стяжал славу незаурядного администратора. Но у меня при свидании получилось не особенно благоприятное от него впечатление. По возрасту он годился мне в отцы. Не поинтересовавшись моим взглядом на создавшуюся революционную обстановку, он с первого слова принялся меня как-бы наставлять, каким путем следовало итти казачьим представителям. От беседы с ним у меня осталось впечатление, что сам он не усвоил, какой размах принимала революция. На Областной Съезд, на который он тоже должен был ехать, он смотрел скорее лишь как на оздоровляющую демонстрацию казачьих чувств по отношению к остальной части населения области.

---

[2]) Я хорошо знал этого И. В. (Ноздрю Рваную). Очень милый человек. Его физический изъян забывался при наличии замечательной способности во-время подпустить соль хохлацкого юмора, его таинственно-благолепное пение на церковном клиросе, а при случае и в застольном небольшом подпитии, чистый почерк его рукописания. Прекрасно вел свое земледельческое хозяйство. Вырастил и хорошо воспитал трех сыновей — хлеборобов. Ко мне тогда пришел по старому знакомству и, вероятно, по общей просьбе соседей иногородних...

..Позже, когда развернулись события гражданской войны, он погиб. Произошло это в период быстротекущей смены в станице властей.

— Сам, — рассказывают, — и пришел на площадь, где творилась расправа. Встречные казаки предупреждали, говорили: — Куда ты идешь? Не ходи!...

— «Как же!... Значит, надо итти, — раз требуют»...

ГЛАВА II.

В Екатеринодаре мы, уполномоченные представители Кубани, встретились с любопытным напластованием областных властей за, сравнительно, короткий срок революции.

Последним старорежимным начальником Кубанской Области и Наказным Атаманом Кубанского Казачьего Войска был г.-л. М. П. Бабич.

Старая всероссийская власть, отменив институт выборных Войсковых Атаманов — былое казачье обыкновение — стала назначать в течение последующих десятилетий не «ВОЙСКОВЫХ», а «НАКАЗНЫХ, атаманов и, как правило, не из казаков, а вообще из общероссийских генералов. Для Бабича, природного кубанского казака, было сделано исключение. Во время волнений 1905 г., он, в должности военного ген.-губернатора Карской области, показал себя «решительным администратором» и тем снискал себе доверие верховной власти.

...Талантливый фельетонист А. Яблоновский обмолвился тогда в отделе «Родные Картинки» столичного толстого журнала «Образование» остроумным сравнением: «назначить ген. Бабича управлять Кубанью в наши дни все-равно, что послать разъяренного быка в летний жаркий день в посудный магазин мух выгонять...».

Однако, те, кто ближе знал М. П. Бабича в семейном быту, рассказывали, что он был довольно мирный старик, любивший потолковать о казачьей старине, полакомиться простонародной ягодой — тугой и т. п.

..За время длительного управления Кубанью у кубанского казака Бабича не установилось связи с подначальными ему земляками, и как только в Екатеринодар пришли вести о коренной перемене в Петрограде, он оставил дворец кубанского атамана и отправился искать укрытия на группу Кавказских Минеральных Вод [3]).

Исполнять обязанности Начальника Области после Бабича стал Старший Советник Областного Правления, а по должности Наказного Атаман Бабича заменил Начальник Войскового Штаба, при первом из этих заместителей осталось действующим Областное Правление со всем штатом своих чиновников, а при втором — Управление Войскового Штаба со штатом штабных офицеров, делопроизводителей и пр., но их проявление власти было самым скромным и осторожным.

---

3) В 1918 г., 18 октября ген. Бабич был казнен большевиками в Пятигорске вместе с генералами — Рузским, Радко Дмитриевым и др.

Местная революционная демократия косым взглядом взглянула на эти «старые притоны реакции», но К. Л. Бардиж — Комиссар все же понимал, что без налаженного административного аппарата нельзя обходиться при управлении Областью. Чиновников пока что терпели.

Сама революционная демократия натворила немало своих новых «притонов» власти, говорливых, шумливых, со многими благими порывами, но с малыми способностями к практическому администрированию.

Возник Екатеринодарский Городской Революционный Совет, объединивший активную интеллигенцию, — Городскую Думу и городские революционные организации. Этот Городской Революционный Совет выделил из себя ряд лиц, которым поручил путем кооптации образовать Областной Исполнительный Комитет.

...Отмеченные самотеком возникавшие револ. Советы и Комитет, а при них неизбежные Уполномоченные, претендовавшие на право распоряжения в области, составили второй пласт властей ко времени нашего прибытия в Екатеринодар.

Всероссийское Временное Правительство прислало в область Комиссаров, сразу двоих членов Государственной Думы, — от казаков К. Л. Бардижа и от иногородних Кубани и населения Черноморской губ. — Н. Н. Николаева.

Было бы, конечно, благоразумнее прислать только одного Комиссара и оказать ему полное доверие...

Комиссары Временного Правительства со своими канцеляриями и адъютантами составили третий пласт властей ко времени нашего прибытия в Екатеринодар.

Для К. Л. Бардижа, в прошлом казачьего отставного есаула, десятилетнее сидение в стенах Таврического Дворца в качестве депутата не прошло бесследно, кое-что от тамошних государственных размышлений у него осталось. Идея обратиться теперь же непосредственно к населению области с предложением избрать своих уполномоченных для организации областной власти была правильной идеей: самотек по образованию властей нужно было прекратить. К нашему приезду в Екатеринодар он уже носился с проектом штатов «кубанской народной стражи». С первого дня революции одиозный полицейский «крючок» исчез с городских улиц, но без наблюдателей порядка благоустроенность невозможна. Проект народной стражи отвечал на запрос дня, но чего-то Кондратию Лукичу недоставало, чтобы неукоснительно осуществлять свои проекты. Непопулярность в революции кадетской партии, верным членом которой он все время оставался, много ему теперь вредила.

К тому же получили огласку какие-то земельные недоразумения у него с хуторянами — субарендаторами. Неосторожный жест Комиссара с требованием где-то на ж.-д. станции специального паровоза для спешного выезда к месту возникших непорядков

дал пищу для газетного шума, будто бы о «возврате произвола» Бабича и т. д.

Комиссар Н. Н. Николаев, тоже кадет по партийной принадлежности, отличался странным свойством множить вокруг себя всяческую сумятицу. А после резких недоразумений и даже конфликтов с местными рабочими организациями он ушел в отставку и на его место Всероссийское Временное Правительство позже назначило своим комиссаром докт. Н. С. Долгополова.

ГЛАВА III.

Число съехавшихся в апреле в Екатеринодар уполномоченных достигало до 1000 человек. Кроме избранных от населения — станиц, городов, сел, аулов и пр. — явились представители еще учреждений — старых и новых — отдельских упр., Комитетов, Советов и пр.

Явились со своими мандатами уполномоченные воинских частей, преимущественно тыловых, или это были отставшие и, вообще, почему-либо задержавшиеся в отпуску и получившие полномочия «по телеграфу».

В смысле уровня общественной квалификации Съезд включил в себя бывших членов Гос. Думы, кроме Бардижа с Николаевым, еще Кудрявцева, Морева, Ширского, Долгополова, Щербину и др.

Оказались тут и лица, приобретшие ту или иную известность на административных и общественных постах, как Скидан, Филимонов и др.

В массе были учителя, из них же прапорщики, хорунжие и др. офицеры производства военного времени. Были доктора, ветеринары, фельдшера и пр.

Две-три женщины явились уполномоченными от населенных пунктов.

Основную массу народных уполномоченных составляли, однако, от казаков — хлеборобы, из них много бывших и настоящих станичных и хуторских атаманов.

Многоразличные органы революционной власти не подумали об удобствах размещения многоликого выборного «хозяина земли кубанской». К тому же затянувшаяся война наложила свой отпечаток общего упадка на внешний облик города; многие здания были раньше реквизированы под лазареты, под всякого рода продовольственные, военно-промышленные и др. комитеты.

Для размещения съехавшихся депутатов оставались лишь полуподвальные помещения, да во время пасхальных вакаций свободные школьные здания и т. п. В этих импровизированных об-

щежитиях уполномоченным пришлось уплотняться до последнего предела. О поддержании в них правил внутреннего распорядка не могло быть и речи. По ночам одни собирались засыпать, когда другие просыпались или приходили с запоздалых прогулок. При общем гвалте трудно было сосредоточиться, поразмыслить о подлежащих рассмотрению вопросах.

И под общие заседания Съезда был отведен мало удобный кинематографический зал, узкой полосой вытянувшийся от тыловой стороны двора к выходу на Красную улицу.

Комиссии же Съезда были принуждены кочевать по городу, выискивая для каждого данного случая свободное помещение.

Рассаживались депутаты в зале заседаний по отделам, т. е. по фракциям чисто географического значения.

Преобладавшее настроение съехавшихся можно было определить, как вообще агрессивное в отношении представителей многоразличной исполнительной власти. Всякая попытка (со стороны последних), которую можно было заподозрить в желании «руководить», прерывалась в корне:

— Исполнительная власть да подчинится законодательной...

Жертвой превратностей судьбы оставался на Съезде Комиссар Вр. Пр.-ва К. Л. Бардиж. Ему то не давали возможности говорить, то дело доходило до неумеренных оваций: на руках выносили из собрания под крики «ура».

Как правило наблюдалось, что неумеренная лесть «суверенному народу» только в исключительных случаях вызывала насмешку, вообще же принималась благосклонно. Тон же назидания или какого-либо намека на былые заслуги кого-либо в прошлом не выносился:

— Долой! Довольно...

Немало времени Съезд потратил на выслушивание приветствий и на другие неизбежные тогда оказательства «праздника революции».

При наименьших разноречиях прошел вопрос об отношении к войне. Всеми она воспринималась, как явление, находящееся вне воли людей, во всяком случае вне воли этих людей, которые собрались здесь в кинематографе; все желали ее скорейшего окончания, но пораженческих тенденций не было ни среди казаков, ни среди иногородних. Население исправно несло ее тяготы. Съездом была вынесена резолюция о войне «до почетного мира».

Основным для Съезда оказывался вопрос об организации временного, но общего самоуправления областью. Все знали, что Всероссийское Вр. Правительство занимается делом созыва Всероссийского Учредительного Собрания, потом, следовательно, должны прийти обязательные общие директивы, но сейчас нужно здесь в области — в крае — освободиться от многоразличия властей.

Заседания комиссии по самоуправлению превращались чуть ли не в пленум Съезда. Прения разворачивались во всю ширь. Ора-

торы партийные, ораторы от городов и, конечно, от «земли» — казаков и иногородних[4]).

В комиссию «по самоуправлению» был внесен докт. Н. С. Долгополовым особый проект временного положения об «Областном Самоуправлении» на Кубани. Собственно ничего особенно мудреного он не предложил. Исполнительный орган по его вр. положению для области тот же Исполнительный Комитет, законодательный — Областной Совет, но члены того и другого органа попадают в него не самотеком, а избираются тут же на Съезде от вышеотмеченных территориальных групп — отделов (округов) в Комитет — по одному казаку и одному иногороднему от каждого отдела, в Совет — число избираемых членов было поставлено в зависимость от числа общего населения каждого отдела. Горцы, — особая часть населения — избирались особо, своей горской фракцией. Общее число депутатов Областного Совета определялось что-то около 90 человек.

В проекте предусматривался контакт работы народной выборной власти с представителем в области центральной государственной власти: — Комиссаром Всероссийского Вр. Правительства.

Проекту нельзя было отказать в некоторой стройности, но его недостатком была прежде всего рыхлость **исполнительного органа**, куда попадали члены не по признаку работоспособности, но по признаку представительства групп. Внесенные затем поправки Комиссией еще усилили эту нецелесообразность проекта и превратили Исп. Комитет как бы в особый вид «Верхней Палаты», *где, помимо представителей от Съезда должны были заседать еще* представители революционных организаций, в первую голову, конечно, Совета Раб. Солдатских депутатов. Чтобы сохранить принцип паритета казачьей части Съезда было предоставлено право послать в Обл. Комитет по одному представителю от «отдела», т. е. еще семь представителей. Другими словами, Исполнительный орган распухал до размеров обычной толпа «говорильни».

Но основная слабость долгополовского проекта, рассмотренного в конце концов в комиссии и проведенного через пленум

---

[4]) Вдруг кто-то обратил внимание, что в зале заседания комиссии (актовый зал Кубанского Войскового реального училища) находится «царский портрет», — портрет Царя-Освободителя. Тотчас же полились речи о притаившейся контр-революции. Директор Училища, Вл. Вас. Скидан, пытается объяснить, что сооружение с царским портретом — капитальное, спешная уборка обезобразит зал. Долго не хотят его понять, клеймят его самого достаточно позорными для того времени кличками, но в конце концов большинство приходит к согласию, что портрет нужно убрать, а пока завесить его ширмой; на этом после очень горячей и длительной схватки ораторов революционная совесть собрания успокоилась.

Съезда, не в этой, только что отмеченной рыхлости его правящих органов...

Вообще говоря, казачьи земли — края — были освоены в стародавние времена не в порядке промысла и попечения о них центральной государственной власти (Московского государства), а, по преимуществу, в порядке самостоятельного освоения «дикого поля», по-первоначалу, небольшими ватагами с доверенными ватажками — атаманами во главе, — разросшимися потом в военно-хозяйственные крупные объединения — казачьи Войска: *Запорожское, Донское и др.* [5]).

Кровью многих казачьих поколений эти земли были политы до появления здесь агентов центральной власти московского государства, которые присылались сюда с неизбежным заданием ущемить, а, если можно, придавить.

— Живи, казак, пока Москва не знает, Москва узнает, — плохо будет, — вот какая поговорка становилась житейским пра*вилом в казачьих кругах, хотя и сознавалась взаимная обоюдная* выгода от наличия за казачьей спиной такого одноязычного и единоверного государственного массива, как Москва.

— Здравствуй, русский царь, в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону...

На Кубани, занятой по-первоначалу Черноморскими казаками (бывшими «запорожцами»), массовый наплыв торговцев, мастеровых, *рабочих, просто сельского населения из разных концов* России появился лишь во второй половине 19-го века после замирения Кавказа. Приходили с «пачпортами» от своих волостей, за которыми продолжали числиться в смысле отбывания воинской и других государственных и общинных повинностей. Вот именно эти-то новоселы в казачьих областях и стали так называемыми «иногородними», численность их ко времени Революции, прибавляя к этому население городов — Екатеринодара, Новочеркасска, Ростова и др., — начинала достигать численности самого казачьего населения.

И вот даже старое царское правительство, стремившееся всех «привести к одному знаменателю», — все государственное население, — даже оно в отношении казаков соблюдало осторожность. Известно, что каждое новое царствование сопровождалось выдачей Казачьим Войскам особых ГРАМОТ, в коих торжественно подтверждались незыблемые права казачества (фактически, впрочем, всегда с большими очередными урезками).

Многовековая история казачества содержит не один драматический момент, когда оно открыто выступало на защиту своих попираемых сверху прав.

---

[5]) *Жизнь была та же, как в старом «Слове»... «А мои ти куряне* сведоми къмети: под трубами повити, под шеломи възлелеяны, конец копия въскръмлени, пути им ведоми, яругы им знаеми...» и т. д.

Воспринимая революцию, как освобождение от старой несправедливости в отношении себя, оно, отнюдь, не намерено было теперь терять с такими жертвами спасенные от самодержавия свои права. Оно их стремилось, наоборот, восстановить и даже расширить. Крестьянству оно желало того же, что и себе, но там, откуда пришло оно.

В долгополовском проекте не была соблюдена необходимая осторожность в этом отношении.

В нем, по образному выражению ловко пущенной демагогии, казачество было низведено в «примечание».

И, действительно, в проекте Долгополова говорилось о праве казаков на заведывание своим войсковым имуществом и, вообще, о ведении казаками своими делами, но не в самостоятельных статьях положения об Областном Совете и Комитете, а лишь в примечаниях к ним. Правда, в этих «примечаниях» все же было декларировано, что казачьи части Областного Комитета и Областного Совета «могли» называться соответственно «Войсковым Правительством» и «Войсковым Советом», но это казакам удовлетворения не давало.

Кое-как, однако, с недомолвками, с перегибами в ту или другую сторону Комиссия по временному областному самоуправлению свою работу закончила и провела ее через пленум Съезда. Она ничего не успела сделать в отношении управления отделами (округами) и станичными и сельскими обществами[6]).

Другие Комиссии Съезда дальше отдельных резолюций общещего свойства не пошли.

От иногородней части Земельной Комиссии поступила, между прочим, резолюция - декларация, свидетельствовавшая, что «Кубанские Иногородние отнюдь не посягают на земли казаков».

Выборы в Областной Совет и в Комитет в некоторых отделах прошли довольно бурно. В Екатеринодарском отделе были забаллотированы и Скидан (казак), и Долгополов (иногородний). Им отомстили за то, что они «загнали казаков в примечание»: Долгополов, как автор устава, а Скидан, как председатель пленума Съезда. Впрочем, кооператоры Кавказского отдела, не желая в дальнейшем лишить последующую общественную работу содействия таких опытных общественных работников, провели их в Комитет по своему Кавказскому отделу.

Утвердив выборы и проголосовав резолюции, Обще-Областной Съезд закрылся.

---

6) Утверждение некоторых авторов,—ген. Деникина, Покровского,—будто первым областным Съездом были санкционированы Станичные Советы и Станичные Комитеты, не соответствует действительности.

ГЛАВА IV.

На другой день после закрытия Съезда, в том же помещении собралась казачья часть его — официально — для избрания установленного Съездом дополнительного числа членов Исп. Комитета от казаков, как было постановлено Съездом. (См. выше о составе Исп. К-та).

Но, собравшись, казаки не захотели ограничиться исполнением лишь этой задачи.

Они объявили себя «Кубанской Войсковой Радой», избрали особый ее президиум (во главе, впрочем, все с тем же В. В. Скидановом), образовали те же комиссии, что были на Съезде, но прибавили к ним еще комиссию по Казачьему Самоуправлению, председателем которой был избран И. Л. Макаренко и заседания которой сразу же приняли в какой-то степени секретный характер. К самому Макаренко и его сотрудникам по комиссии — количественно еще совсем немногим — прилипала кличка «ура-казаков». В связи с полуконспиративностью и видимой большой хлопотливостью работы этой комиссии начали вызывать сомнения, как-бы на плечи казачества не была бы взвалена ответственность за нарушение добровольно принятых на Съезде общих решений.

Тогда была создана комиссия по общему самоуправлению, председателем которой был избран я, и которая подчеркнуто приняла за руководство правило:

— Всуе законы писать, если их не исполнять.

Исходя из этого правила, моя комиссия повела работу тоже ускоренным темпом к тому, чтобы путем частичных поправок и дополнений, не противоречащих общему духу постановлений Съезда, сделать Вр. Положение об управлении Кубанской областью более приемлемым и для казачества и уменьшить таким образом сопротивляемость в процессе вхождения его в жизнь.

Так как даже сам Съезд не предназначал долгого срока действию своих «временных положений», то моя комиссия установила, что вопрос о пересмотре и исправлении «положений» может быть поднят уже осенью того же 1917 г., к каковому сроку должен быть вновь собран Обще-Областной Съезд и Войсковая Рада.

Брат И. Л. Макаренко состоял членом моей комиссии и долго и упорно развивал мысль, что на Кубани действительным и неоспоримым хозяином является Кубанское Казачье Войско, что мы — Войсковая Рада — правомочны решать все вопросы, касающиеся жизни в Области.

Охотников оспаривать его положения в комиссии не находилось, но тем не менее возобладало мнение лояльности в отноше-

нии общих решений Съезда и даже сам И. Л. Макаренко согласился быть моим содокладчиком на Раде постановлений нашей комиссии.

Уже на следующий день с утра Рада приступила к заслушанию наших решений. В. В. Скидан, вполне сочувствовавший нам, повел лично заседание, и депутаты, единодушно, без задержки, принялись голосовать в пользу наших предложений. Еще полчаса-час занятий Рады и вся старательная конспирация Ивана Макаренко могла бы остаться втуне. Но кто-то дал им знать, что происходит в Раде . С шумом ворвались в залу члены забытой комиссии и по узкому проходу между стенкой и стульями устремились к эстраде.

— Я прошу слова, — еще на ходу заявил И. Л. Макаренко, обращаясь к Председателю. Но даже и ему не дали приблизиться к кафедре, из-за него выскочил некий подхорунжий М—а, и, буквально, столкнув меня с кафедры, занял ее и «благим матом» завопил:

— Погы-бло козацтво!...

И сам тут же разрыдался....

Рада оцепенела. В самом деле, что же произошло?!

Очень нервного подхорунжего свели с кафедры. Ее попеременно стали занимать «ура-казаки» и мы. Доводы их не отличались убедительностью, но их шумное выступление все же произвело на Войсковую Раду впечатление.

Был объявлен перерыв до следующего утра. Инцидент был подвергнуть обсуждению в отдельских совещаниях. А на другой день Рада, по предложению Кавказского отдела, постановила «принятые уже решения оставить в силе», но дальнейшее рассмотрение вопросов об общем самоуправлении отложить до осени. Ура - казаки получили еще реванш: по их настоянию, Войсковая Рада постановила усилить свое представительство еще семью кандидатами к членам Войскового Правительства, — как-бы резерв на всякий случай.

Рядовые члены Рады, хозяйственники, спешили разъезжаться. Подходившие сроки неотложных полевых работ звали хлеборобов в станицы. Незаконченные труды комиссий поступили, как материал в Войсковое Правительство и в Войсковой Совет по принадлежности.

Для завершения своей правящей организации Войсковой Совет избрал семь членов Войскового Контроля; я был избран на должность его секретаря.

Как незначительный эпизод, прошел в Раде вопрос о посылке своих делегатов на Съезд в Петроград, созывавшийся «Союзом Казачьих Войск», организацией, возникшей в порядке «революционной инициативы» петроградского студенческого казачьего землячества, шумно заявлявшего о себе в острые моменты кризисов Временного Правительства и всяческих в нем персональных осложнений, А. Ф. Керенского, ген. Корнилова и др. Очень важно здесь отме-

тить, что, приняв приглашение Временного совета этого «Союза» прислать в Петроград на их Съезд 1—13 июня 1917 г. своих делегатов, Рада не дала им полномочий принимать те или другие ответственные решения от имени Рады; посылала она туда их *лишь с целью осведомления.*

Среди других туда поехали от Рады П. Л. Макаренко и И. С. Коробкин.

На предварительном своем съезде 23-28 марта в Петрограде же эта организация рекламировала себя, как единственную, выражающую «действительные интересы и взгляды Казачьих Войск», такая самореклама не соответствовала частному почину ее возникновения.

Завершение работы Войсковой Рады произошло более празднично, чем разъезд Общеобластного Съезда. Был устроен ВЕЧЕР-КОНЦЕРТ *с участием прекрасного Войскового Хора.*

Между прочим, на этом вечере ко мне подсел И. Л. Макаренко и не без горечи спросил: — Неужели так далеко разошлись наши пути?!..

*Случая оказательства единства наших общественно-политиче*ских взглядов до встречи здесь на Раде у нас, собственно, и не было. Но смысл горечи в его вопросе заключался, очевидно, в том, что, как я, так и он, как и большинство моих и его друзей, — — мы сошли в свое время с одной и той же школьной скамьи — Кубанской (старейшей) учительской семинарии, все мы — дети «сиромы» казачьей, немногим из нас удалось пробиться к университетскому или к какому другому виду повышенного образования, но все *мы вскормлены-вспоены Кубанью, и вот при первой пореволюционной встрече такая явная развилка наших путей.* От них, «ура-казаков» апрельской Войсковой Рады, пойдут потом течения «самостийного уклона», в смысле обще-политическом всегда более консервативного. Мы же всегда сторонники единства российского и, по преимуществу, более радикального переустройства общественно-краевой жизни. (По возрасту И. Л. Макаренко был года на два старше меня).

ГЛАВА V.

На 10 мая того же 1917 г. *было назначено начало работ Кубанского Исполнит[illegible]но[illegible] Комитета и Кубанского Войскового* Правительства с В[illegible]сковым Контролем.

Организационный период в Исп. Комитет очень затянулся. Войсковое же Правительство, выбрав Председателем А. П. Филимонова без замедления приступило к действию, в первую очередь,

постаралось подчинить себе старый исполнительный аппарат прежнего Областного Правления и Войскового Штаба.

В один из ближайших полупраздничных дней, 9/22 мая, было устроено представление чинов Областного Правления Войсковому Правительству с Войсковым Контролем. Председатель А. П. Филимонов сказал приличную случаю речь, обошел фронт чиновников, пожал руки старшим.

Войсковое Правительство избрало местом своего пребывания Атаманский Дворец, другую половину которого занимал Комиссар Временного Всероссийского Правительства Бардиж.

Чиновники остались в своей старой цитадели — в здании Областного Правления, где в одной из комнат с прихожей устроился и я в качестве секретаря Войскового Контроля.

Войсковое Правительство, усвоив комиссионный порядок работы, сразу обросло комиссиями разного назначения и сразу поплыло в потоке прений, резолюций и пр.

Штат служащих нашего Войскового Контроля — одна машинистка, но в соседстве с нами — аппарат со многими писарями, делопроизводителями, столоначальниками и пр. Дело контроля, по преимуществу, практическое.

Областное Правление состояло из нескольких отделов — земельного, лесного, рыболовных вод и пр. Во главе каждого — Советник, возглавление всего аппарата — Старший советник с секретарем.

Для новой власти было необходимо значительное время для ознакомления с отдельными отраслями огромного Войскового хозяйства, установившимися способами эксплоатации его и наконец, с порядком отчетности. Дело Контроля как-будто бы должно было начинаться с этого последнего: как велась отчетность, какими данными она располагает и т. д.

Но Войсковому Правительству было не до практических занятий делами Войска. Оно ушло целиком в вопросы политического дня, а главное в борьбу за преобладание, за власть с Областным Комитетом, создавшим, наконец, свой президиум и открывшим свои действия в том же Атаманском дворце.

Лично я считал, что наша задача, задача новой власти на местах заключается, прежде всего, в том, чтобы, согласуя свою деятельность с директивами Всероссийского Правительства, поддерживая единство в местной среде, принявшей революцию, всемерно укреплять позиции новой власти не только в речах и в резолюциях, но и практически, при этом, устраняя остатки старой администрации, налаживать новый порядок, политический и хозяйственный — без старых ошибок и злоупотреблений.

В кругу своих друзей и правительственных органов, мне приходилось не однажды развивать эти свои мысли и указывать на возможность печальных последствий того, что войсковое правительство не опускается до практических вопросв, поэтому теряет само-

стоятельность в наиболее жизненно-необходимой стороне дела, попадает, между прочим, в плен к старым чиновникам.

В ответ слышалось о «несущемся потоке» революционных событий и о невозможности отвлечь внимание от них в сторону.

Некоторые, впрочем, из них приходили из Дворца к нам и пробовали заниматься. Но это явление было только случайностью.

Чтобы быть в курсе дела правящих кубанских исполнительных органов, в Войсковом Контроле я установил дежурство своих членов на заседаниях Войскового Правительства и Областного Исполнительного Комитета. Фактически вышло так, что выполнение этих дежурств стало моей, как-бы личной обязанностью.

В заседаниях Войскового Правительства я бывал с правом совещательного голоса и обычно принимал участие в прениях.

Деятельность в этих Исполнительных органах протекала как в машине без приводных ремней. Энергия тратилась или на «внутреннее горение», или на... взаимное подсиживание.

Областной Комитет превращался в типичную «говорильню». Около месяца в нем оставался «временным председателем» В. В. Скидан, — человек дела. Однажды на заседании он разнервничался, расплакался и ушел.

Тогда председателем Комитета был избран авдокат Турутин, «трещетка», как прозвали его в Войсковом правительстве, отличался он способностью произносить бесконечные и часто бессодержательные речи.

Комитет вовсе потонул в речах, собираясь на заседания дважды в день, — утром и вечером.

На конец июня назначался созыв Общеобластного Совета, но произвести подготовительную к нему работу Общеобластной Комитет был не в состоянии.

Основным вопросом, которым должен был заняться Областной Совет на предстоящей сессии, всеми считался вопрос о введении земства на Кубани.

Турутин съездил в Петроград за инструкциями по этому поводу и привез оттуда основные тезисы разрабатываемого там проэкта нового земства в российских губерниях, но как применить общие положения общероссийского проэкта в местной Кубанской жизни, Турутин не знал и вообще в Комитете суетились, как бы совершая особый «бег на месте». В Войсковом Правительстве только, наверное, старый Скидан был искренним сторонником введения на Кубани земства по общероссийскому замыслу.

И. Л. Макаренко засел на несколько вечеров в Областном Правлении, написал и потом напечатал в областной типографии особую брошюру, в которой собрал цифровые данные о суммах, истраченных Войском и станичными обществами на постройки храмов, школ, больниц, приютов и пр. Цифры получились очень внушительные, и автор подчеркивал и ценность накопленного

имущества и ценность накопленного опыта за истекшие многие десятилетия, а также и то, как нецелесообразно отказываться от всего своего в пользу нового, неспособного наладить работу учреждения.

На общем фоне бесцветности первого Войскового Правительства Макаренко был видной фигурой, но являвшаяся иногда у него правильная мысль тонула в бесконечной и витиеватой его словесности. Его призывы к осторожности в принятии нового метода земского строительства, чтобы не погубить достойный всяческого внимания опыт прошлого, исходили из правильного учета предреволюционного положения на Кубани. Но одновременный его поход против «трескучих говорунов» в Исполнительном Комитете, вызывал у тех подозрение о реакционных замыслах не только его, Макаренко, но всей казачьей части Исп. Комитета, а отсюда устанавливалось взаимное отчуждение.

Идея Макаренко о неотложности для казачества объединиться в Союз (несколько позже — в «Юговосточный Союз») с одновременными и слишком громко произносимыми воплями о «ползучей вши» с фронта (дезертирах) **о необходимости заслонов от нее на рубежах казачьих земель,** — способствовали лишь углублению розни среди кубанского населения и к тому же кричать кричали, а практичеки сами ни с места.

А на улицах Екатеринодара уже шли непрерывные митинги с участием безответственных ораторов из той же самой «ползучей вши», как равно и слушатели были из нее же.

Мыслям Макаренко о необходимости защиты порядка у себя своей казачьей вооруженной рукой противопоставлялась мысль о вооруженной солдатской руке. В начале лета это была простая бравада, а потом стала тягчайшим фактом местной жизни.

Но тут произошло некоторое по времени отвлечение от споров и разговоров, и о земстве, и о других вопросах общего строительства. Вскоре по сконструировании Войскового Правительства в Екатеринодар прибыли в массе делегаты казачьих частей, побывавшие на Общеказачьем Фронтовом Съезде в Петрограде (открылся 23 марта 1917 г.).

В своем большинстве это была офицерская молодежь в чине не выше есаула [7]), и только небольшая часть была из кадрового офицерства, в большинстве же — прапорщики, хорунжие — офицеры производства военного времени.

Прибыв в войсковой центр пред отбытием на фронт для доклада своим частям, они пожелали разобраться в войсковых делах на месте, в области.

— Что вы здесь натворили? — был преобладающий вопрос фронтовиков этого приезда к участникам Областного Съезда и Войсковой Рады.

---

7) Были двое в чине Войскового Старшины.

Нужно отметить, что эта громко взывающая часть фронтовиков оказалась по настроению близка к Макаренко. Громогласным коноводом ее был подъесаул Винников, здоровый молодой человек с необыкновенно зычным голосм. Но настоящее руководительство тут принадлежало, впрочем, не Винникову, а сотнику Бардижу В. К., сыну комиссара Бардижа Кондратия Лукича.

Весьма гибкий, с юридическим образованием, В. К. Бардиж был недурным партнером И. Л. Макаренко в его игре. Он очень тонко действовал в направлении создания «требований фронтовиков» о необходимых исправлениях в принятых положениях об управлении областью, или, как образно выражались тогда — требований о выведении казаков из «примечаний». Тонкость игры молодого Бардижа была необходима для этой группы не только вследствие особенностей времени, но также и вследствие наличия иных течений *на самом Съезде фронтовиков. На нем, прежде всего, была* своя крайняя левая, — говорили даже, что возглавлял эту крайнюю левую знаменитый впоследствии большевистский главковерх *Сорокин, — я его не помню; численно, группа левых была ничтожна.*

Гораздо важнее было настроение основной массы приехавших тогда в Екатеринодар фронтовиков, молчаливой, сдержанной и серьезной.

В числе вопросов, поставленных именно этой частью фронтовиков Войсковому Правительству на совещании в здании Войсковой женской гимназии, где происходили тогда Собрания, значилось между прочим, как смотрит Войсковое Правительство на земельный вопрос.

Для успокоения именно этой части со стороны Войскового Правительства выступил Д. С. Иваненко, свободный в таких случаях на язык, и громогласно заявил, что заподазривать Войсковое Правительство данного состава в симпатиях к землевладельцам нет основания, — среди членов Правительства имеется единственный землевладелец, — это он, Иваненко, но, «чтобы характеризовать, как я смотрю на аграрную проблему в России, достаточно будет *знать, что я принадлежу к партии* социалистов-революционеров»...

Об этой части офицерства приходится сказать несколько слов. *Плоть от плоти и кость от кости всей казачьей служебно-рабочей* массы, она взяла на свои плечи тяжелое бремя по тому моменту: это — знаки офицерского отличия, и с готовностью понесла это бремя, задерживаясь на фронте до *последнего, неся* при этом жертвы и в своем сознании человеческого достоинства, и своей кровью. Начало гражданской войны в этой среде отозвалось тем, что она, оказавшись гонимой, стала формировать сначала чисто офицерские отряды, противопоставив свои единицы тысячам озлобленной толпы. После, когда широкая казачья масса стала прозревать и поняла неизбежность борьбы, то именно эти

офицеры начали формировать своих станичников в отряды и выводить из-под удара, пойдя затем с ними уже организованно умирать за родину и честь будущих поколений.

Многие имена этих героев остались неизвестными; они погибли и никто не узнает об их подвиге. Пусть эти немногие слова запомнятся читателями.

...Первый Съезд фронтовиков в целом не нашел возможным производить ломку уже сорганизованного, воздержался от вынесения решительных резолюций по поводу установившегося порядка на Кубани и, информировавшись сам, разъехался по своим частям. Лишь немногие, войдя во вкус политики, задержались в Крае.

После их отъезда Ивану Макаренко и другим пришлось ограничиться использованием лишь того впечатления, которое осталось от зычного голоса подъесаула Винникова и хитроумия Вианора Бардижа.

С особым настроением прибыли делегаты Кубанской Войсковой Рады с июньского общеказачьего съезда (см. выше) в Петрограде, среди них П. Л. Макаренко и И. С. Коробкин.

Наказ Рады не принимать от имени Войска никаких обязательств, они добросовестно выполнили, а в смысле информации они имели возможность видеть и слышать в столице многое. В Петрограде в это время заседал 1-ый Съезд Советов и было все еще полно эхом Съезда Крестьянских Депутатов и т. д.

Всероссийский Казачий Съезд состоялся 7—19 июня (с. с.). На нем было около 300 делегатов от 12 казачьих Войск.

О заявлениях во время Съезда кубанского делегата Петра Макаренко в «Известиях» Петроградского Совета Рабочих Депутатов от 7-го — 20-го июня (№№ 88, 90 и 93), было напечатано, что «казаки постановили требовать ареста Ленина и его товарищей, этих бездельников, с которыми мы можем справиться». А в заключительной части резолюции самого Казачьего Съезда по политическому моменту говорилось, что «Временное Правительство может опереться на казачество в борьбе с анархией...».

Но сами наши делегаты вернулись из Петрограда встревоженными.

Знаменитая фраза «селянского министра» Чернова, что «казакам де придется потесниться», — «они имеют большие наделы земли», — произвела крайне отрицательное впечатление, как на самих казачьих делегатов, так и по возвращении их к себе домой, на слушателей их докладов.

Интересно было наблюдать удивительную метаморфозу Петра Макаренко, — главы Кубанской делегации. За одну — две недели, проведенных на всероссийской сцене, он бесконечно вырос по сравнению с тем, каким он был до поездки, — молодым педагогом, не снимавшим с плеч вицмундира Ведомства Нар. Про-

свещения и прикрывавшим мундирные знаки отличия цветным кубанским башлыком...

Основным мотивом его доклада было заявление о необходимости казакам самим организоваться, чтобы быть в состоянии друзьям при нужде помочь, а с врагами справиться своими силами.

Много говорилось об общей склоке в государственном центре и пленении власти «толпой безответственных лиц».

Для подкрепления своих заявлений Петр Макаренко ссылался на мнение видных политических деятелей, — между прочим, на Г. В. Плеханова, — которых ему пришлось посетить в Петрограде и которые, будто бы, одобряли казачьи позиции.

Веселой минутой собрания с докладами делегатов была одна, когда другой член делегации И. С. Коробкин рассказал о храбрости Ленина.

На одном из собраний Съезда Советов, где присутствовали и наши делегаты для информации, Ленин сделал заявление, меряя шагами эстраду. Коробкин описал при этом всю неказистую фигуру будущего всероссийского диктатора: «небольшой человек с козлиной бородкой»...

И вот его спросили:

— Согласились бы вы, товарищ Ленин, взять теперь всю власть в свои руки?

— Да, взял бы, и знаю, что я стал бы делать.

Для всех нас, слушателей, перед которыми только что была нарисована общая безотрадная картина положения государственной власти, самоуверенность «человечка с козлиной бородкой» показалась столь занимательной, что все дружно засмеялись. — Тогда это было определенно весело. Но характерно то, что этот случай докладчик все же запомнил и счел нужным доложить Раде.

Общее настроение, созданное докладами делегации, было тягостным, — правда, в глубине души все же оставалась вера в то, что, авось, в конце концов, все образуется.

ГЛАВА VI.

Первая сессия Кубанского Областного Совета открылась 24-го июня ст. ст. Основной его задачей было рассмотрение вопроса о местном всесословном земском самоуправлении.

Но разработанного проекта ни Областной Комитет, ни Войсковое Правительство Совету не представили. В прямую задачу последнего это, впрочем, совсем и не входило. Правда, среди членов правительства ко времени открытия Областного Совета сторонников земства прибавилось, и при этом сторонников, впол-

не сознательно усвоивших данную мысль. Здесь оказались, кроме Скидана, еще молодой А. Ф. Лях и Д. С. Филимонов (однофамилец Войск. Атамана Филимонова).

Областной же комитет заговорил сам себя, и те общие положения, на которых он, в конце концов, остановился, были так далеки от жизни, что группе Ивана Макаренко, оставшейся в меньшинстве в Комитете, не трудно было сформировать свои контр-предложения, которые не лишены были определенной доли основательности.

Неприятна была та заносчивость, которой не чуждо было иногороднее руководительство, и стремление поприжать казаков своею численностью.

Первая стычка сторон Совета произошла уже при выборах Председателя. Казаки выставили кандидатуру Рябовола, иногородние — прис. пов. Либермана. Первый — казак старой Диньской станицы. В старом Запорожье так назывался один из куреней; Либерман — еврей, новый человек на Кубани.

Рябовол победил, но очень незначительным большинством.

В товарищи председателя прошел почти единогласно кандидат иногородних, видный педагог и бывший гор. голова г. Армавира, но тоже казак по происхождению — М. Л. Закладный. Последнее обстоятельство нужно особо отметить. В то время некоторые природные казаки становились на платформу иногородних, — кроме Закладного, например, вет. врач Юшко и др. Во время этой, очень непродолжительной, сессии Совета не однажды выступал с прекрасно построенными речами М. А. Траценко [8]), тоже казак, но прошедший делегатом на Общеобластной Съезд от иногородних Лабинского отдела. Он высказывался за широкое привлечение к местному строительству через органы земского самоуправления всех слоев населения для укрепления с такими жертвами полученных свобод и для поддержания гражданского мира в области. Деятельность Макаренко Траценко охарактеризовал, как мракобесие и злостную реакцию. В поддержку Макаренко выступал на заседаниях Совета горец Султан-Шахим-Гирей. Но так как он высказывался за введение при конструировании Кубанского земства некоторых цензовых ограничений, то его поддержка лишь опорочивала систему Макаренко. Так или иначе, но в первые же два-три дня заседаний хитросплетения Макаренко «на тему» о Кубанском земстве были разоблачены, а у

---

8) Судьбу М. А. Траценко здесь нужно особо отметить. Личность высоко-одаренная (особенно музыкально одаренная), он рано увлекся политикой, именно левой политикой. В 1905 г. участвовал в Ростовском восстании, был за это судим, все время после суда до революции провел в ссылке; по возвращении из ссылки играл виднейшую роль в кубанской общественно-политической жизни, но в эмиграцию не пошел и были слухи, что он погиб от большевиков в Армавире.

Областного Исполнительного Комитета, как было ясно с самого начала, никакого конструктивного плана не оказалось. Совету, собственно, делать было нечего. Разве что самому погружаться в комиссионную работу по выработке проэкта положения о Кубанском земстве.

Тут на сцену выступили новые лица, до того державшиеся в тени за спиной Макаренко. Своим они его никогда не считали, его ура - казачьих убеждений не разделяли, но не мешали развертываться и блистать.

— Эти лица: Бескровный, Ивасюк, Левицкий, — кубанско-украинская «спилка» соц.-дем. направления, близкие знакомые (а некоторые и друзья) Петлюры.

Как раз к этому времени, начало июля 1917 г., на Украине был выпущен Центральной Радой II Универсал, которым оповещалось об установлении на Украине ее управляющего органа (на основах автономии) — «Генерального Секретариата» с В. Винниченко во главе. «Спилка» на Кубани в земстве по российскому замыслу не нуждалась. Боевой командир этой группы, Н. С. Рябовол в Совете занимал председательское место; при нем находился его свояк и человек всегда готовый на всякие вторые роли — С. Ф. Манжула.

Было устроено отдельное заседание казачьей части Совета и тут появилось предложение о снятии совсем с повестки дня «Совета» вопроса о земском самоуправлении на Кубани. Такой оборот дела означал разрыв с иногородней частью Совета, тем более, что при общих прениях в Совете — демагоги из того лагеря уже бросали казакам упрек в сознательном саботаже вопроса. Наша группа приняла все усилия, чтобы казаки такого предложения о земстве не делали. Прения закончились неопределенно, резолюция, угодная группе Бескровного, не была принята, но настроение, близкое к тому у очень многих членов совещания определилось.

После полудня началось Общее заседание Совета. Ораторы с иногородней стороны с того и начали: стали развивать мысль о саботаже земства казаками. При таком обороте дела казакам из группы «спілки» и «ура-казакам» было неудобно проводить наметившееся свое решение.

А. П. Филимонов, Председатель Правительства, взял слово для опровержения «недостойных наветов» на Войсковое Правительство. — «Оно де (Правительство) ночей не спало, но трудилось на общую пользу и, в частности, прилежно занималось вопросом о введении земства на Кубани». В подтверждение своих слов для вящего обличения противника, Филимонов извлек из-за верхнего отворота черкески небольшую бумажку и прочел написанное на ней. Это были кратко сформулированные тезисы проекта положения о «земском управлении в казачьих областях» на широко-демократических началах.

Эффект получился исключительный.

Скидан, старый сторонник земства на Кубани и в то же время отлично осведомленный об истории появления за пазухой у Филимонова прочитанных им тезисов, с поспешностью попросил себе слова, в краткой речи приветствовал жест Филимонова, в результате коего преданы гласности тезисы, и выразил надежду, что после этого А. П. Филимонов вместе с другими членами Правительства приложат старание и поставит на практическую ногу дело введения земства на Кубани.

Обе стороны Совета были смущены: иногородние от общей неожиданности и явно клеветнической собственной роли, выпавшей на их долю, а казаки группы Бескровного и Макаренко от того, что так же неожиданно они в лице своего Председателя Правительства оказались ангажированы на то, чего у них и в мыслях не было.

Разряд сгустившейся атмосферы пришел оттуда, откуда никто его не ожидал.

Позади председательского кресла, в дверях, ведущих из соседней комнаты в зал заседания, где столпилась группа членов Войскового Правительства произошло бурное движение. Третий старик из Войскового Пр-ва, Д .С. Иваненко, рвался к председательскому столу, а Манжула, схватив его за фалды черкески, всячески старался оттеснить назад.

— Я прошу слова, — в отчаянии воскликнул Иваненко и, вырвавшись из рук Манжулы, выскочил на средину.

Заявление его было кратким. (Он, оказывается, не мог стерпеть, чтобы его собственные лавры кто-то другой возлагал на свою голову). Он выпалил:

— Тезисы, прочитанные А. П. Филимоновым, я лишь на днях привез из Петрограда, и они еще не были рассмотрены Правительством!

— Ага! Попались! — возопил во весь голос известный демагог из группы иногородних — г-н Б., выскочил вслед за Иваненко на середину и произнес еще несколько недопустимых выражений в адрес Войскового Правительства.

С. Ф. Манжула, поняв, что настал момент ему выступить на сцену, прокричал:

— Браты казаки! Здесь оскорбляют нашего председателя. Нам нечего тут делать...

Он сам ринулся из зала, за ним другие члены их группы, а затем и другие казаки. Заседание закрылось.

На следующий день казаки собрались в другом помещении. Идея разрыва принимала реальные формы. Но эта реальность пугала. Рядовые члены Совета казаки, после сессии его, должны были явиться домой в станицу и дать отчет о своих занятиях. Там они должны были встретиться и с казаками, и со своими иногород-

ними, взаимоотношения тех и других в станице сплелись в сложный узел; не всякий был способен рубить его сплеча.

Траценко, я и другие члены нашей группы, к этому времени достаточно сплотившейся, еще и еще выступали с призывом не рвать, не нарушать единства представительного органа областного населения. Моментами наш призыв как-будто бы доходил до сознания большинства членов Совета.

Но Н. Ст. Рябовол был «ловким» председателем. Во́-время прервет оратора, во́-время, если нужно, доведет дело до председательского кризиса, разрешавшегося, конечно, для него благополучно. А когда и эти средства не действовали и грозила опасность получить при голосовании неугодное большинство, он сейчас-же после речи оратора объявлял перерыв, а в перерыве производилась обработка неискушенных в своеобразном «парламентаризме» членов собрания.

К вечеру все же пришли к решению: еще раз испробовать путь к примирению. В комиссию для выработки условий для этого избрали старейшего казака Ф. А. Щербину, Петра Макаренко и меня. Мы не замедлили выполнить сделанное поручение и в общем заседании Совета наши условия были приняты, но Манжула или кто-то другой внес дополнительный пункт: в удовлетворение нанесенного Председателю Правительства оскорбления потребовать от фракции иногородних согласия на исключение совсем и навсегда из состава Областного Совета г-на Б.

Двенадцатилетняя предреволюционная практика Государственной Думы приучила к тому, что депутатов можно исключать за разные провинности из состава представительного органа, но... на строго ограниченный срок. Тут же требовалось навсегда исключить г-на Б. Некоторые члены собрания за поздним временем, вследствие общей усталости от бесконечных и по существу мало содержательных прений, просто не освоили всю неприемлемость для иногородних этого дополнительного условия, а оно было подчеркнуто, как непременное.

Произошло голосование и большинство приняло все условия, а итти с ними к иногородним договариваться, соглашаться уполномочили, как я ни отказывался, опять же меня и Петра Макаренко.

Длинной речью убеждал П. Л. Макаренко иногородних принять наши требования, при этом часто повторяя:

— Ведь это же Кубанское Войско оскорблено... Войско...

Моя роль свелась лишь к личным переговорам с Закладным, с Либерманом и другими, чтобы убеждать их в необходимости оказать все свое влияние и избежать разрыва.

Они разделяли мою точку зрения и пообещали со своей стороны сделать возможное для принятия ее.

На другой день иногордние прислали к нам делегацию, и еще раз произошел обмен делегациями. Вечером 3-го июля в

казачьей части Совета еще подвергли рассмотрению создавшееся положение. Мы пробовали еще приводить доводы благоразумия, но все оказалось тщетным.

В зал заседания, несмотря на поздний час, стали стекаться чины Войскового Штаба, Областного Правления, офицеры Гвардейского Дивизиона и пр. Стало очевидным стремление придать разрыву торжественную обстановку.

Некоторые из моих друзей и я ушли из зала.

Разрыв был объявлен во вторую половину ночи с 3-го на 4-ое июля.

Функции Областного Совета объявлялись перешедшими к казачьей его части — Войсковому Совету.

Органом высшей исполнительной власти в области объялялось Войсковое Правительство, которое осуществляет свою деятельность в сотрудничестве с Коммиссаром Временного Всероссийского Правительства.

Одной из ближайших задач Войскового Совета и Правительства объявлялось введение земского самоуправления на Кубани.

Комиссар Всероссийского Временного Правительства К. Л. Бардиж признал целесообразность происшедшего, а позже добился и от Временного Правительства признания целесообразным изменение в управлении областью, чтобы «надежнее шло укрепление демократического строя».

С казаками остались представители горцев, следовательно, здесь было представительство большей половины населения области.

...В конце XVIII-го века предки теперешних доморощенных парламентариев пришли — Войском — на голое Кубанское Поле. По разному они действовали, чтобы освоить плавни и степи, чтобы наладить на них трудовую жизнь: то устраивая совместные песни и пляски с закубанскими черкесами (деяния замечательного Войскового Судьи Головатого), то скрещивая с ними шашки (из деяний молодого Атамана Бурсака). Много десятилетий прошло здесь тревожной боевой жизни, много крови воинов-казаков, много слез и трудового пота их вдов и сирот впитала тучная кубанская земля.

В то время, как на старых российских просторах шла жуткая вакханалия крепостничества — екатерининских, павловских, александровских и николаевских времен — в то время здесь на Кубани эти люди строили свою казачью жизнь на основе замечательного регламента, своеобразной казачьей конституции — ПОРЯДКА ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ, — основным пунктом его было:

— НИКТО ДА НЕ ВЛАДЕЕТ ХРЕСТЬЯНСКИМИ ДУШАМИ.

Здесь принимали тех, кто не выдержал крепостничества и убегал из России на Кубань.

Широкий приток российского населения начался сюда, однако, лишь в последнюю четверть прошлого столетия, когда военная

страда здесь миновала. Потомки русских солдат, принимавших участие в замирении Кавказа, получали наделы - земли, частью становились казаками и образовывали новые станицы, частью, оставаясь крестьянского и мещанского звания, образовывали села или множили население городов. Эти, собственно, задолго до революции стали коренными кубанскими жителями. Лишь более поздние пришельцы, в правовом и в земельном отношении связанные со своими волостями различных российских губерний, именно они должны называться собственно иногородними. Они составляли перед войной около одной четвертой части насельников Кубани[9]).

...В ночь с 3-го на 4-е июля раскол произошел по признаку казачьей или неказачьей группировки областного населения. У представителей действующих сил не оказалось достаточной воли к сотрудничеству.

Перед нами — казаками, получившими поручение своих станиц представлять их интересы в общеобластном представительном органе, проявлявшими крайнюю степень старания к избежанию разрыва, но оказвшимися в меньшинстве, ставился вопрос личный: как быть?

— Да, мы — казаки, нам некуда уходить от казаков.

Для нас оставался один путь: работать в родной среде, считать наиболее важным восстановление и сохранение гражданского мира, использовать все силы и возможности для укрепления исстари здесь заложенных и теперь вновь обретенных идей народоправства и гражданской свободы.

Чиновники Областного Правления и Войскового Штаба своим актом участия в манифестации в ночь с 3-го на 4-е июля на стороне Войскового Правительства как-бы признали окончательно его своим областным начальством и т. д. Войсковому Правительству давался в руки готовый технический аппарат. Быть может, при другом составе Войскового Правительства дело пошло бы на лад и процесс консолидации пореволюционной власти в области дал бы положительные результаты.

Но Войсковое Правительство по-прежнему «заседало» и многословило.

Большой любитель комфорта, его Председатель А. П. Филимонов по каким-то причинам как-бы утерял волю к активности. Стихией же его товарища И. Л. Макаренко всегда было что-либо бурное — протест, некое подобие заговора и т. п.

В каком направлении он готов был теперь направить свою бурную энергию показал следующий случай:

---

9) Недоразумение старой статистики заключалось в самом названии «иногородний» однозначным как-бы «не казак», но среди «не-казаков» было все население городов Кубани, затем «коренные», живущие в отдельных селах и местечках «крестьяне», а также вся служебная интеллигенция, некоторое количество дворянства и т. п.

А. П. Филимонов с Начальником Войскового Штаба вскоре после «разрыва» выехали из Екатеринодара на Теберду, кубанскую чудесную климатическую станцию. У кормила правления остался Макаренко. В это время распоряжением Верховного Командования передвигались в каком-то новом направлении казачьи части, в пределах области появились эшалоны 2-го Хоперского полка. Продолжалась война и вопрос обороны государства, казалось, должен бы доминировать. Не тут-то было. И. Л. Макаренко властью Председателя Войскового Правительства отдал приказание о задержании эшелонов на Кубани.

Воинская часть, получившая от Верховного Командования указание направления движения, должна знать причины задержки. С тревожными телеграммами — запросами от командира полка появился в Правительстве и. о. нач. Войск. Штаба, в. ст. Гол—о, его попросили подождать.

Обсуждение вопроса в Правительстве происходило при непрерывно возникающих тяжелых инцидентах. Предыдущие дни все жили в большом нервном напряжении. Некоторые члены Правительства из-за слез не могли закончить своих речей. Я был в этом заседании. Все жили в эти дни, кроме местных дел, еще под тяжким впечатлением от июльского выступления большевиков в Петрограде и первых казачьих жертв, сопровождавших это выступление.

Заседание Правительства длилось до полуночи. Макаренко понял, что перехватил и испугался своей ответственности.

Решительная телеграмма к тому же из Петрограда, полученная в ответ на запрос кого-то из начальствующих лиц В. Штаба, сыграла благотворную роль. Распоряжение о задержке эшелонов полка было отменено.

...На другой день на соборной площади всенародно, в присутствии некоторых воинских частей, пелась панихида по павшим казакам в Петрограде 3—5 июля.

Макаренко, после всего совершенного, держал речь к войскам и народу, подчеркивал лояльность местной власти в отношении Всероссийского Временного Правительства и пригласил прокричать «ура» в честь «великого патриота земли Русской» А. Ф. КЕРЕНСКОГО...

ГЛАВА VII.

В контроле мы начали с изучения смет, хозяйственных инструкций и «дел» с протоколами о публичных торгах на сруб леса в определенных для этого дачах, на сдачу в аренду войсковых запасов земли и пр., и пр.

Время от времени в Контроль приглашались начальники того или другого отдела или Советники О. Правления с просьбой сделать доклад по заинтересовавшему контроль вопросу. Как правило, наблюдалось, что чиновники держались в отношении новых пришельцев с определенным резервом, сведения всегда давались кратко и в обрез.

Как и нужно было ожидать, выяснилась безрадостная картина чиновно-бюрократического хозяйствования. К тому же инициатива местных чиновников была связана зависимостью от усмотрений *чиновников особого комитета по казачьим делам при общегосударственном* Военном Министерстве.

Большие войсковые богатства давали, однако, скромные доходы войску. И когда тем не менее образовался значительный запасный войсковой капитал (свыше шести миллионов зол. рублей) и местные власти сделали попытку употребить его на дорожное строительство, так как Кубань страдала от бездорожья, то положительного разрешения вопроса от Комитета из Петрограда они так и не добились до самой революции, «золотые войсковые рубли» испарились в бурю революции.

Мне, секретарю, удалось добиться общего решения, что Конт*роль не будет ставить себе главной целью привлечение к ответ*ственности провинившихся в прошлом отдельных лиц, а постарается путем посильного обследования прежней системы войскового хозяйства обратить внимание нового Войскового Правительства на организационные недочеты прошлого и на желательные изменения в этой системе в будущем.

Самому мне случилось выехать на места во второй половине лета, затем осенью.

Приходилось поражаться почти втуне лежащим великим богатствам Кубанского Войска.

Рыболовные угодья. Знаменитые Кубанские плавни, общая площадь коих свыше 200.000 тысяч десятин, к ним примыкающая семиверстная прибрежная полоса Черного и Азовского морей.

В течение веков полые воды Кубани в период таяния ледников в горах, заболачивали обширные прибрежные низины Таманского полуострова, так и образовались плавни, с зыбкой почвой комышевых зарослей. Какое богатство перегноя в почве!... Реки и речки в устьях мелели от приносимого ила и песку, мелело и само море при устьях, отпугивалась идущая метать икру в пресноводные реки рыба ценных крупных пород.

— А колысь було!... — вспоминают старожилы...

Станица Черноериковская, — типичная для этого района. Длинной полосой вытянулась по реке «Черному Ерику». То скучатся хаты, то разойдутся, от хутора к хутору, по кочкам, по сухим местам. Черный Ерик — река узкая, но глубокая. — «Колысь було, — що ворона перебігала з берега на беріг по тілу риби», —

Рыба шла сплошной массой, — рассказывали местные старожилы.

Или предания о рыболовных ватагах с непререкаемой властью главы их, «атамана».

— Як станэ він Богу молиться, — усі довжни поклони класти. Но... «уся ватага тягне на веревці у шинок «катэріну» (сторублевую бумажку). — У, бісова Катэріна, яка важка!...».

— Поки усю не пропьют, не выйдут з шинка... У ті роки на катэріну можно було добре погуляти...

На лодках, — где на веслах, а где и волоком, — можно добраться от Черного - Ерика к знаменитому Ачуеву, войсковому Рыболовному заводу.

В устье реки Протоки в некотором отдалении от берега Азовского моря — пристань для выгрузки рыбы, амбары, сольельни, жилые дома, лов рыбы регулирован правилами, засол знаменитой «ачуевской икры» — секрет Ачуева. Должность «икрянника» занимается по наследству от отца к сыну в течение уже нескольких поколений. Ценнейшие породы рыбы — осетровые, а затем — рыбец и шемая, очень хорошие судаки, порода хищников — сомы, огромных размеров, лов последних без сезонного запрета ведется круглый год.

Вот тут в Ачуеве больше всего бросалась в глаза необходимость рефомы дела, прежде всего, необходимость углубления ложа Протоки, прибрежные землечерпательные работы в море, более внимательное научное обследование рыбоводческого хозяйства. Ачуев не только ценная войсковая хозяйственная единица, но он — главный ключ к рыбоводчеству и рыбоведению на Кубани.

Небольшая подробность. В этом совсем небольшом поселении имеется очень хорошей архитектуры церковь каменная, живопись внутри, несомненно, дело рук местных художников, в сетях у Апостолов на картине «Чудесного лова» преобладают местные осетровые породы и т. д.

Церковь давняя — была построена на средства купца, который терпел крушение в бурю на Азовском море недалеко от Ачуева и «чудом» спасся; «по обету» он после и построил церковь именно здесь в Ачуеве.

Войсковые леса. В районе г. Майкопа расположены два **больших лесничества,** оба считались лесничествами устроенными: прорублены просеки, разбиты на делянки, но и здесь есть места недоступные вследствие бездорожья.

Во время войны в Махошевском лесничестве была оборудована фабрика пропеллеров для аэропланов.

Но совершенно исключительным явлением нужно считать Кубанские горные лесничества, — сотни тысяч десятин, в значительной части недоступные не только для эксплоатации, но даже для

проникновения охотников. Вековые заросли хвойных значительными площадями опустошаются свирепыми в горах бурями. Эксплоатация этих лесных массивов самая варварская.

Местность необыкновенной красоты. Горный здоровый климат. Чарующие своим видом поляны с поэтическими названиями: — «Гульрипщь», «Новый Свет». Речки с бурлящей голубого цвета водой. Здесь были в свое время «великокняжеские охоты». Штат егерей, охотничьи домики еще сохранялись. В одном из них обнаружилась некая Марья Федоровна, красавица, егеря к ней относились с почтением, какая-то, очевидно, забытая «вдовица»... кого?

Кроме возможности заведения богатейшего лесного хозяйства, — весь район — какая благодатная местность для устройства климатических станций! Но и для этого и для правильной эксплоатации лесных богатств прежде всего необходимы дороги и налаженность речного сплава.

Кроме рыболовных и лесных угодий Кубанское Войско имело еще некоторый запас не поступивших в раздел между станичными юртами земель сельско-хозяйственного значения и нефтеносных земель. Считая эту часть наиболее серьезной, важной и требующей особой предварительной подготовки, поездку в нефтяной район Калужской станицы я откладывал все напоследок, но так мне и не случилось туда поехать.

Что касается пастбищного и лугового этой части земельного войскового запаса, то трудно представить себе что-либо более бесхозяйственным, чем то, как эксплоатировался старым Областным Правлением этот войсковой земельный запас.

Земля сдавалась в аренду нескольким семействам коневодов по 35 коп. с десятины, с дополнительным с их стороны обязательством доставлять Войску за установленную плату ежегодно определенное количество меринов, годных для строевой службы. Часть сдаваемой коневодам земли квалифицировалась, как «удобная для земледелия», другая — как «неудобная». Арендная плата в области «удобной» земли с каждым годом все повышалась и доходила до 10 р. за десятину в год. Так вот эти коневоды предпочитали большую часть арендованной ими у Войска земли по 35 к. за десятину сдавать по рыночной цене субарендаторам. Сами же даже льготное обязательство по доставке Войску меренков не выполняли. В областном Правлении образовывались пухлые «дела» о безуспешном взыскании недоимок с коневодов.

Я побывал на одном из коневодческих участков. Делом заведовала девка Пелагея, энергичная, цыганского типа. Встретила нас, как-будто немного смутившись, но быстро оправилась, строго крикнула на ярившихся псов и приказала работнику подогнать ближе табун. Общий вид последнего далеко на первосортный. Пелагея давала объяснение:

— Табун придется ликвидировать, так как Войско уже не желает подписывать договор на будущее время...

Как свою выигрышную карту Пелагея нашла нужным показать нам породистого жеребца, попавшего сюда на склоне своих лет из конюшни барона Мейендорфа.

Вывела его она сама. Высокий старик на трех ногах со скрюченной четвертой — передней. Но в животном еще была сила. Завидев по близости маток, он заржал.

— О-о! Он еще может! — грудным контральто свидетельствовала девка о достоинствах жеребца!

На несколько дней я поехал в свою станицу. Преобладающее здесь настроение было недоумение: что происходит? и к чему все идет?

Но доклад мой станичному Сбору об екатеринодарском бытии власти был выслушан станичными выборными с большим вниманием. Мысль о необходимости мирного сожительства казаков с иногородними и о всемерной поддержке центральной государственной власти разделялась всеми.

Присутствовавший здесь же на сборе герой Сарыкамыша Третьяков выступил с предложением собрать для фронта продовольствие натурой. Старики стали подписываться, кто пудами, а кто и целыми мешками. По адресу «героя» тут же пускали безобидную остроту:

— Адрияныч [10]), он щедрый, — сам не обеднеет, — своей у него муки нету, а чужой ему не жалко...

Тут же, впрочем, добавляли:

— Да, мы не жадуем... Фронт нужно поддержать...

Над горячими, но неудачными попытками этого Андрияныча произносить речи подсмеивались:

— Могеть быть...

Общее впечатление от станицы осталось, что она не мало времени может тянуть свою лямку: с шуткой, со взаимным подталкиванием друг друга.

---

10) Впоследствии этот П. А. Третьяков станет одним из местных большевицких главковерхов, — в военном иерархическом значении поднимится до должности начальника большевицкой дивизии.

ГЛАВА VIII.

В Москве в это время происходило Государственное Совещание. Делегатами от Кубанцев туда выехали, кроме Комиссара Бардижа, еще Рябовол и Иван Макаренко и, признаться, не совсем спокойно было на душе за возможные их выступления от имени казачества.

Первые газеты с отчетами о Совещании пришлось прочитать на обратном пути в Екатеринодар. Оказывается, наши представители вошли в общеказачью группу и делали заявления устами А. М. Каледина.

Что казалось непонятным и странным, так это обилие стонов и пророчеств о грядущих тяжких испытаниях и даже гибели государства. Отсюда, из угла здоровой провинции, это казалось странной истерией. Здесь, в провинции, еще держался высокий авторитет центральной государственной власти. Стоит ей тверже взяться за кормило правления, и все выправится. Не на высоте высшего возглавителя власти были речи Керенского. В них не вычитывалось того, чего хотелось и что ожидалось: твердости и смелости власти.

И от словесного выступления Корнилова тоже не осталось глубокой, верной надежды на выправку государственного положения.

На собрании созванного в Екатеринодаре Войскового Совета, на котором сделали доклад кубанские делегаты о Московском Государственном Совещании, впервые было произнесено слово «федерация», как желательная форма будущего государственного устройства России. Произнес это слово Рябовол и, как всегда, кратко, без особых подходов, раскрыл его содержание для казаков:

— Только при федеративном строе России казаки могут рассчитывать на автономию и на самостоятельное распоряжение своими землями и прочими угодьями.

В последующих высказываниях ораторов подчеркивалась необходимость учета, на сколько новый принцип государственного устройства будет благоприятствовать установившемуся межобластному обмену предметами производства и потребления и т. д.

До особых резолюций в этом собрании Совета дело не дошло и долго еще не доходило.

Общее внимание вдруг было сдвинуто в другую сторону. Общее смущение вызвал акт Верховного Главнокомандующего. Понятие об иерархии власти и дисциплине у казачества было устойчивым, а тут вдруг требование передачи власти лицу, по общему смыслу, подчиненному. С другой стороны, и провозглашение изменником Верховного Главнокомандующего да еще такого, как Корнилов, — все это не вязалось с общим представлением. А к

тому же: странное распоряжение командующего Московским Округом о мобилизации Округа против Дона. Вчерашний герой Государственного Совещания, популярнейший человек среди казачества Атаман А. М. Коледин подпал под подозрение... Какая-то общая потеря разума. В этот критический момент взаимная подозрительность между местными группами достигла большого напряжения. Иногородние ждали непоправимого шага со стороны казаков.

Но нужно отдать справедливость Войсковому Правительству. В этот момент оно выдержало позицию лояльности в отношении верховной государственной власти.

Однако, все сведения, приходившие из государственного центра, свидетельствовали, что развал продолжается. На Кубани стало крепнуть убеждение, что, на всякий случай, нужно самим казакам организоваться. Усилилось течение в пользу скорейшего образования, так называемого, «Юго-Восточного Союза» с главными составными его частями — казаками Дона, Кубани и Терека, «вольными народами степей и гор Северного Кавказа», как торжественно именовались калмыки, черкесы и др. горские племена. Допускалось привлечение в Союз и казаков территориально отдаленных от главной ячейки, т. е. казаков Астраханского, Оренбургского и Уральского Войск. Мысль, как уже отмечалось выше, здоровая, но тогда все умели много говорить, но мало делать. Иногородняя часть населения сейчас же увидела в идее Союза новый этап казачьего заговора, а кубанская группа друзей Петлюры вообще отнеслась к этому делу с холодком, так как это могло увести Кубань, через Дон, мимо Киева и мимо уже намечавшейся «незалежной» Украины.

Итак, начало делу было положено уже в июле. В Новочеркаске была тогда устроена по великодержавному обычаю малых образований особая конференция. Донской Большой Войсковой Круг, созванный на 5/18 сентября, благословил свое правительство, «принять участие в работах конференции, созываемой в Екатеринодаре по этому вопросу», но 2-м пунктом своего постановления Войсковой Круг ставил создание Союза в зависимость от окончательного решения Всероссийского Учредительного Собрания.

Организационная работа разбивалась на много громоздких этапов.

Обстановку Екатеринодарской конференции Макаренко постарался создать высоко-торжественной и говорливой.

К тому же на конференции не сразу приступили к разрешению своей прямой задачи. Члены ее начали высказываться по «текущему моменту», прежде всего, о мнимом мятеже на Дону в Корниловские дни. Поведение представителей центральной власти на конференции охарактеризовали, как «злостную и предательскую провокацию», а попутно с этим присовокупили, что ей (конференции) «все вселяет впечатление, что и дело о мятеже ген. Корнилова мо-

жет оказаться также результатом планомерного предательства и провокации борющихся за власть ответственных и безответственных лиц и организаций»..

«Корнилов — сын простого казака Сибирского войска», — говорилось в той же резолюции: — «конференция настаивает на самой широкой гласности расследования дела ген. Корнилова, со включечнием в комиссию (Верховную, следственную), представителей казачьих Войск», «иначе казачество сделает свои самостоятельные выводы по этому делу»...

Так как актом Временного Правительства в начале сентября Россия была объявлена республикой (не ожидая созыва Учредительного Собрания), то юго-восточная конференция нашла себя обязанной высказаться и по этому поводу:

Упрекнув Временное Правительство в присвоении не принадлежащих ему прав, конфеерниця тут же объявила от имени казачества (конечно, то же без полномочия на это) что оно (казачество) мыслит Россию «единой, неделимой федеративной» республикой.

По основному же своему вопросу екатеринодарская конференция разрешилась лишь пространной и довольно нескландой декларацией, в которой были сохранены все рогатые места, как в отношении общероссийской власти, так и вообще неказачьего российского населения. Между тем, по существу создание целевого Юго-Восточного Союза, для объединения действий войсковых правительств и им подобных местных правительств, если бы такие образовались для поддержания порядка в своих областях и доведения страны до Всероссийского Учредительного Собрания, — ничего одиозного ни в ту, ни в другую сторону не было, и было бы вполне своевременным. Однако, местные кубанские «иногородние» стали упрекать своих казаков, что они скорее готовы объединиться с калмыками и черкесами, чем с ними, русскими людьми.

Для окончательного завершения дела — для принятия устава Союза назначена была конференция в главном городе третьего казачьего войска — Терского, в г. Владикавказе [11]).

К концу сентября авторитет центральной государственной власти упал в глазах местных людей низко. Комиссар ее, К. Л. Бардиж, уже как бы состоял при Кубанском Войсковом Правительстве лишь в виде какого-то старшего советника — наблюдал, но в управление не вмешивался.

Обломок иногородней части Областного Комитета (значительная часть его членов дезертировала) превратился в особый агитпункт против Войскового Правительства. Оставшиеся его члены, раздражаемые недостатком средств, опускаемых на их содержа-

---

11) В это время не однажды заявлял о себе Петроградский «Совет Союза Казачьих Войск».

ние, отзывались протестом чуть-ли не на каждое постановление «узурпаторов», т. е. Казацкого Войскового Правительства. Горючего материала в области накоплялось все больше и больше. Узловые ж.-д. станции — Армавир, Кавказская, Тихорецкая забивались «законными» и «незаконными» дезертирами, которые под разными предлогами приставали к местным запасным частям, где их прикармливали, и увеличивали мощность этих притонов неприязни к казакам.

...В Екатеринодаре собралась Войсковая Рада для окончательного урегулирования вопроса о самоупрвлении и упрвлении. Но правительство до последних дней не удосужилось серьезно заняться этим. Однако, накануне открытия Рады Макаренко принес на заседание правительства свой личный проект «Временных положений о высших органах власти на Кубани». Мне пришлось быть свидетелем того, как сильно оглушил он этим своим личным проэктом и раньше видавших от него всякие виды своих сочленов по правительству. Но назавтра с подобным проектом правительству нужно было выступить перед Радой. Задерганные члены правительства принялись вносить свои поправки в проэкт Макаренко. Просидев, однако, до самого утра, не сумели согласовать все поправки с основным текстом и решили направить проэкт с поправками к нему в имеющуюся образоваться в Раде комиссию по самоуправлению, как «материал для работы». Комиссия по самоуправлению снова стала центральной, но теперь у членов была уже некоторая практика в работе.

Первым и бесспорным стал у комиссии вопрос о восстановлении должности Войскового Атамана, главы Войска. Но каким размером прав наделить его, — это вызвало много споров. Группы Макаренко и Бескровного — ура - казаки и «спилка» или, как теперь, для краткости ставшие называться просто «черноморцами», высказывались за сильную атаманскую власть. Наша «линейская» группа была против сильной атаманской власти. Мы на своем настояли. Рада решила, что атаман должен избираться Большой Войсковой Радой, но он должен оставаться только высшим представителем и высшим военным начальником. Но приказы его без контр-ассигнования председателя правительства или члена правительства, ведомства которого приказ касается — не имел силы. Председателя Правительства должна избирать (малая) Законодательная Рада, она же утверждала затем других членов правительства из кандидатов, представленных ей председателем правительства. Атаман только после сформирования правительства подписывал совместно с председателем приказ о назначении правительства.

Другой спорный вопрос был о полноправных гражданах. Черноморцы настаивали, чтобы признать таковыми только казаков,

линейцы — всех насельников области, живших в ней до начала великой войны; принято было большинством считать полноправными, кроме казаков, также и живших в городах до войны их постоянных насельников, а из сельского населения тех, которые располагали земельными участками в области на правах общинного или частного владения и земельных товариществ.

В связи с этим расширением круга равноправных граждан было принято именовать Кубанскую область Кубанским Краем, Войсковое Правительство — Краевым Правительством и самое Войсковую Раду — Краевой Радой [12]).

Нужно сказать, что крестьянские общества на предложение включиться в число равноправных краевых граждан ответили не сразу и не все: — в данный момент состоять «в казаках» перестало быть заманчивым.

Вопрос о компетенции краевых органов в их взаимоотношениях с органами общегосударственными был, пожалуй, на этой Раде самым боевым, спорили много и горячо, в итоге Рада приняла формулу автономного управления краем с Комиссаром Временного Правительства при нем в качестве наблюдателя и передаточной инстанции между центральной и краевой властями, — по существу принималась уже установившаяся к этому времени практика последних дней. К тому же Рада принимала теперь лишь «Временные Положения» об управлении Краем, будучи убеждена, что соберется Всероссийское Учредительное Собрание и выскажется об окончательном государственном строе в России и тогда все может быть пересмотрено. Что Рада в это время стояла на позиции единства России свидетельствует, между прочим, то, с каким единодушием она отнеслась к вопросу о скорейшем созыве Учредительном Собрании. На последнем своем собрании она наметила и свой список кандидатов в Учредительное Собрание.

Краевой Раде предстояло выбрать Войскового Атамана и членов Законодательной Рады. Последние были избраны на собраниях членов Рады от семи Отделов, но Атамана предстояло выбрать закрытой баллотировкой шарами в Общем заседании Рады.

Было намечено два главных кандидата: К. Л. Бардиж и А. П. Филимонов. Перед баллотировкой кандидатуры подверглись обсуждению. За кандидатуру Бардижа первым высказался Н. С. Рябовол и затем другие члены украинской ориентации. Таким образом, он являлся как бы их партийным кандидатом, что, пожалуй, и послужило причиной его провала, а Филимонов восторжествовал, хотя горячих сторонников у него почти и не было.

11 октября был вновь избран, таким образом, первый Кубанский Атаман, после многих десятилетий отмены этой

---

[12]) Утверждение некоторых авторов (ген. Деникина, Покровского и др.), что Кубанская Рада постановила 5/18 октября о выделении Края в Кубанскую республику не соответствует действительности.

доброй казачьей традиции. Рада устроила в его честь особое торжественное собрание, выслушала его вступительное слово. На площади Войскового Собора, после торжественного молебствия, ему была вручена АТАМАНСКАЯ БУЛАВА, которую держали некогда в своих руках выборные атаманы, — последний его предшественник, З. А. Чепига. По древнему запорожскому обычаю старейший член Рады (Ф. А. Щербина) посыпал голову избранника, как это было в Запорожской Сечи, дорожной пылью [13]); — в знак единства все члена Рады сфотографировались одной группой с Войсковым Атаманом в центре, — так хотелось демонстрировать это единство. Но к концу Сессии Рады было весьма относительное единство. Обострение групповых отношений между членами Рады временами достигало большого напряжения. Однажды дело дошло до того, что члены Рады линейских отделов — Лабинского, Майкопского и Баталпашинского — собрались отдельно и воздерживались итти на общее собрание. Перед оставшимся в Зимнем Театре встал призрак возможного раскола Войска. В конечном итоге все обернулось лишь демонстрацией, но многих она заставила задуматься. А общая обстановка в государстве Российском становилась тогда все более грозной.

Открытие вновь избранной Законодательной Рады было назначено на начало ноября, когда она должна была составить новое Краевое Правительство. До того времени оставлялось прежнее Войсковое Правительство, то-есть А. П. Филимонов, Макаренко И. Л. и пр.

ГЛАВА IX.

25 ОКТЯБРЯ. Известие о перевороте в центре, как ни странно, не произвело в Екатеринодаре ошеломляющего впечатления. Рассуждали: нарыв прорвался, ход событий приведет к благополучному разрешению кризиса. Большевиков прогонят, придут более энергичные, чем были до сих пор, люди и направят государственный корабль на надлежащий путь.

Ни у кого не возникало мысли о допустимости лояльных отношений с Совнаркомом, но и об организации борьбы не было разговора. Войсковое Правительство доживало свои последние дни, чтобы замениться уже Краевым Правительством.

---

13) Нужно было бы помазать грязью, но погода была сухая, грязи не было.

Пришел ноябрь. Собралась Законодательная Рада. Сначала, не спеша, сама сконструировалась, составив коалиционный президиум: Рябовол (черноморец) — председатель, Рябцев (линеец) — секретарь, Султан-Шахим-Гирей (горец) — тов. председателя.

Затем Рада занялась составлением правительства.

Рябовол и его близкие выдвинули на пост председателя нового человека, Быча, Л. Л. Знавшие его разъяснили: — человек с законченным высшим образованием, большой стаж общественной работы, — б. голова города Баку, Главно-уполномоченный по продовольствию Кавказского фронта, политически принадлежит к умеренной социалистической группировке Плехановцев, а, главное, человек уже почтеного возраста, чего нам всем недоставало.

Оспаривать у Быча председательское кресло выступил не кто другой, как Иван Леонтьевич Макаренко, и сам же выступил за себя с агитационной речью, — как всегда, говорил длинно и малосвязно: о тяжелых переживаниях Края, о тягостном положении Государства Российского, о том, что испытания еще впереди, что власть должна находиться в руках людей дальновидных и преданных общественному служению, что такие люди не имеют права уклоняться от ответственных поручений, а потому и он, Макаренко, не может уклоняться от службы Краю. Его, конечно, провалили с треском. Быча выбрали хорошим большинством. Быч — черноморец, в противовес ему мы провели в члены правительства по народному просвещению Ф. С. Сушкова — линейца [14]).

На коалиционных основаниях составилось новое правительство. Исполнять обязанности члена Правительства по внутренним делам стал б. комиссар Временного Правительства К. Л. Бардиж, по делам юстиции — престарелый видный кавказский судебный деятель, Паша-бек-Султанов, очень милый старик. Членом Правительства по военным делам избрали, по рекомендации фронтовиков-казаков Кавказского фронта — полковника ген. штаба Н. М. Успенского, очень долго не имевшего возможнсти прибыть с фронта из Персии на Кубань [15]).

Коллегиальный войсковой контроль теперь был упразднен. Была учреждена должность единоличного Краевого Контролера, независимого от Краевого Правительства, но с правом участия в заседаниях Правительства с решающим голосом. Контролером из-

---

14) Он был в это время в Москве директором одной из женских гимназий. По вызову довольно скоро приехал с семьей на Кубань, рассказывал, что его почти открыто провожали сослуживцы по гимназии и выражали пожелание, чтобы казаки не забыли о них, москвичах.

15) Много позже, при очень тяжелых обстоятельствах Рада изберет его Войсковым Атаманом.

брали меня. Макаренко и молодого Бардижа избрали членами Правительства от Кубани в ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ СОЮЗ.

ГЛАВА X.

Атаман Донского Войска всенародно объявил — 28 октября — о принятии на себя прерогатив государственной власти в Области, сделав, таким образом, вывод из непризнания образовавшегося в центре государства Совнаркома.

Этот Совнарком не был признан и на Кубани. Но лишенный по конституции какой-либо самостоятельности атаман Филимонов избежал выступить с подобным заявлением; не сочло возможным для себя делать подобное заявление и Краевое Правительство. Таким образом, вынужденные фактически приступить к работе по типу полной самостоятельности ведомства Кубанского Краевого Правительства и Контроля по существу не имели на это легального титула.

Но вопрос заключался не только в легализации. Дошедшие известия из центра о петроградском и московском опыте утверждения новой власти посредством пушек и пулеметов никаких иллюзий уже не оставляли. Нужно было, следовательно, и самим думать об организации неизбежной борьбы.

И вот в стремлении добыть себе легальный титул, получить определенный мандат на борьбу, Краевое Правительство, почти непосредственно за своим образованием, решило вновь созвать Краевую Раду, лишь месяц тому назад распущенную.

Размер бедствия, которое накатилось на край, был теперь уже стихийного значения. Лавиной шел поток демобилизующихся воинов кавказского фронта, забивал ж.-д. станции и расползался по селам, городам и станицам. Среди даже своих иногородних казачье начало становилось враждебным, а жажда реванша со стороны горячих голов группы «иногородних» толкала их искать поддержки вне казачьих антибольшевицких сил. Именно в этот момент вышло от какой-то части иногородних обращение к 39-й дивизии Кавказского фронта с просьбой поддержать на Кубани иногородних против казаков.

Для организации, так называемых, казачьих заслонов, о которых так много кричали все лето и осень, ничего не было сделано правительством Макаренко.

Казачьи части, начавшие приходить последними с демобилизующегося фронта, отказывалась организовать эти заслоны. Делала свое дело всеобщая усталость от войны. Кроме того фронтовики заявляли:

— На фронте мы с солдатами делились последним сухарем, — как же теперь мы будем с ними воевать?

Это был суровый приговор нашим ура-казакам, но их участь теперь должно было разделить все казачество.

Казаки - фронтовики усвоили себе такую практику. С фронта они приходили своими частями и с оружием. В Екатеринодаре в Войсковом Штабе производили полный расчет за недополученное содержание по различным частям военного обихода и затем с индивидуальным оружием рассыпались по станицам и хуторам. А там через какой-то промежуток времени организованно-вооруженные большевицкие группы, под угрозой расстрела, заставляли их сдавать и индивидуальное оружие.

Председатель Л. Л. Быч скоро, видимо, понял, какую большую ошибку сделали его предшественники, так неосторожно обращавшиеся с принципом внутреннего гражданского мира в Крае. Сам Быч уже принял в свое правительство не казака Ф. С. Леонтовича, бывшего гор. голову г. Новороссийска. Быч попробовал привлечь еще одного иногороднего в правительство — доктора Долгополова, — но этот, поставив свое согласие войти в правительство в зависимость от согласия на это своих однопартийцев ес-эров, потом отклонил предложение. Попытка бесшумно перелицеваться частично в общий казаче - иногородний цвет не удалась. Значит, нужно особо договариваться.

Законодательная Рада избрала для переговоров с иногородними комиссию, в которую были посланы: К. Л. Бардиж, Д. А. Филимонов (однофамилец Атамана) и я, от горцев — Султан-Шахим Гирей.

В Екатеринодаре как раз в это время происходил Съезд иногородних, созванный для установления отношений иногордних к октябрьским постановлениям Краевой Рады. Уже приглашение на Съезд сопровождалось упреками по адресу Рады, что она, «несмотря на пожелание Войскового Совета ввести на Кубани бессословное земство, даже не нашла нужным рассмотреть проэкт такого земства», а «самочинно провозгласила федерацию» с управлением «на представительстве лишь коренного населения» и т. д. Бардижу и мне было поручено переговорить с деятелями Съезда о желательности присылки уполномоченных от Съезда в нашу комиссию. На Съезде иногородних тогда уже фигурировала своя большевицкая фракция, пока в небольшом числе, она будоражила Съезд, но порождала зато желание у благоразумной части Съезда поскорее изжить распрю с казаками. Поэтому наша с Бардижом миссия вполне удалась и от Съезда были присланы в нашу комиссию Турутин, доктор И. П. Покровский и рабочий Морозов. Я был избран председателем комиссии, успеху ее дела много способствовал К. Л. Бардиж.

Комиссией были выработаны следующие основания соглашения:

I. Население Кубани, впредь до издания Всероссийским Уч-

редительным Собранием основных законов для государства Российского, создает органы местного самоуправления и управления, как в пределах Края, так и в пределах организующегося Юго-Востока России, — самостоятельно.

II. Безотлагательно создаются бессословные органы местного самоуправления на демократических началах, но с одногодним цензом оседлости для приобретения активного избирательного права.

III. До введения постоянного положения о самоуправлении, состав станичной администрации и станичных сборов обновляется привлечением в них представителей от иногороднего населения на пропорциональных началах, но не больше половины общего состава.

Однако, для большинства Законодательной Рады однолетний ценз оседлости оказался неприемлемым, и она отказалась утвердить положения нашей комиссии.

Возражения против короткого ценза оседлости мотивировались в Раде тем, что на Кубань в годы войны, — ввиду особо льготных условий мобилизации здесь неказачьего населения, — прибыло много полулегальных дезертиров, которые, будучи ничем не связанными с Краем, могут оказаться нежелательным бременем при организации краевого самоуправления. Большинство Рады предлагало трехгодичный ценз оседлости, но иногородние его не приняли и мы, казаки в комиссии, попросили отложить окончательное решение о цензе до доклада нами этого вопроса Краевой Раде, созываемой на начало декабря.

ГЛАВА XI.

Краевая Рада собралась. Обстановка на ней обнаружилась другая, чем была в октябрьско-ноябрьскую сессию. Обыкновенно на ней члены ее составляли семь фракций по числу семи отделов (административных единиц края) и плюс к ним восьмая — горская (национальная) фракция. А в этой же Раде образовалась еще девятая фракция — энергичная, шумливая — фракция фронтовиков, руководящим ядром которых обнаружилась группа уполномоченных казачьих частей на один из прифронтовых съездов и принятая здесь на Раде, как представительница молодого фронтового казачества. В качестве лидера ее оказался молодой энергичный (таким он тогда казался) полковник Роговец.

Эти фронтовики определенно высказывались за установление добрых отношений с иногородними. — Мотив тот же: на фронте с солдатами мы делились последним сухарем, — была их обычная реплика. Но они шли дальше: в их критике краевых учреждений

слышались нотки из «Окопной правды». В возражение им их спрашивали:

— С какими солдатами вы делились сухарем? — не с теми ли, что пошли за Лениным и Троцким?!

На это следовал уклончивый ответ:

— Со всей Россией воевать все-равно не будешь... Сил не хватит.

— Но с кем вся Россия... Ленин и Троцкий ее мнения не спрашивали... За анархию ли вся Россия? Или она с теми, кто хочет упрочения в ней народного демократического строя?...

Споры, сомнения, колебания двух сторон сталкивались, переплетались в Раде и заводили в тупики.

Отцы и дети в течение нескольких дней не могли установить общего языка.

Тогда отцы — Войсковой Атаман, Краевое Правительство и Краевой Контролер — заявили в Раде о сложении своих полномочий ввиду явной оппозиции фронтовиков и в то же время неясности их требований.

— Только берите власть из наших рук вы, кубанцы, а не бросайте ее на ветер большевицкой демагогии, — говорилось фронтовикам.

В большой тревоге прошел объявленный перерыв в занятиях Рады.

Позади скамей в пустопорожней части просторного театрального зала, где происходили заседания Рады, собрались фронтовики на фракционное совещание.

Через час, а может быть и больше они всей гурьбой направились к эстраде и когда по их требованию, председатель открыл собрание, полковник Роговец произнес с большим подъемом речь, в которой говорил о любви фронтовой молодежи к казачеству, о любви к родному краю и к России, о готовности фронтовиков на дальнейшие жертвы и, наконец, о том, что отцы неправильно поняли детей, и... дети просят Атамана и других носителей власти взять обратно свой отказ.

Прервав речь, Роговец повернулся к фронтовикам и затянул тогда еще мало известную на Кубани песню, созданную казаками именно на Кавказском фронте:

— Ты, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!...

Широкая гармония песни, воодушевление, с каким пели ее фронтовики, захватила всех. По морщинам многих стариков — отцов — текли слезы...

Внутренний кризис среди собравшихся в Раде отцов и «детей» таким образом разрешился.

Среди волнений и бурь в Кубанской Раде пришло известие о

гибели Терского Атамана Караулова при прохождении по Ростово-Владикавказской железной дороге эшелонов 39 дивизии. Она шла в полном вооружении с готовностью выполнять решения 2-го съезд солдат Кавказского фронта в казачьи области для «борьбы с контр-революцией» атаманов Каледина и Филимонова... При дивизии — революционный комитет с заданием устанавливать советский строй...

В это время в самом Екатеринодаре на «Сенном базаре» был убит казачий офицер.

По приказу Краевого Правительства был обезоружен артиллерийский дивизион — сосредоточение и надежда местных большевиков. Большевицкая фракция на съезде «иногородних» подняла, было, вопрос о насилии над «борцами революции».

Я был в этот момент на этом заседании Съезда в качестве уполномоченного Рады для переговоров о соглашении. Сохранилась в памяти отвратительная сцена неподражаемого двуличия вожака большевицкой фракции на съезде Полуяна с предложением протестовать против разоружения артиллеристов. Визгливым голосом Полуян требовал «отмщения за поруганную свободу и за пролитую кровь».

Председатель собрания прапорщик Прокофьев, явно не выдержал лицемерия, резко прервал оратора:

— Товарищ Полуян, посмотрите на свои руки!... Они у вас в крови!

Полуян в действительности посмотрел на свои руки. Многолюдное собрание, исключая небольшой кучки друзей Полуяна, шумно одобрило возглас председателя Прокофьева, а Полуян побитой собакой сбежал с кафедры.

По основному вопросу о направлении деятельности краевой власти, Рада единодушно приняла идею борьбы с большевизмом и большевиками. В этом направлении были даны Радой указания и полномочия краевому Правительству.

Было утверждено положение о соглашении с «иногородними» на началах паритетного представительства в Раде: 46 казачьих представителей и 46 не-казаков и 8 горцев в Законодательной Раде; в Правительстве тоже равное число: 5 казаков и 5 другой группы с сохранением также от национальной группы горцев одного представителя. Войсковым Атаманом и Председателем Правительства должен быть непременно казак. Срок оседлости в Крае для приобретения полноты гражданских прав определен был в два года. Эти общие решения принимались на совместных общих собраниях Рады и Съезда «иногородних» с 13-го по 21-ое декабря.

Совершился таким образом запоздалый возврат к тому единству, сохранить которое так настаивала наша группа, начиная еще с весеннего обще-областного Съезда и 1-ой Войсковой Рады... Как было бы предусмотрительно осуществить единство тогда же.

20-го декабря Краевая Рада утвердила политическую программу

Кубанского Казачества и горцев, и таким образом формулировала цели борьбы.

Программа разбивалась на обычные отделы таких документов: об основных правах граждан, о государственном устройстве, о местном самоуправлении, аграрном и рабочем вопросах, финансах, просвещении.

Местной особенностью было подробно разработанное положение о военной службе казаков.

В основном, по этой программе наиболее совершенной формой бытия российского государства признавалось (как и раньше) Российская Демократическая Федеративная Республика, как «единое государство» из «крепко спаянных между собою «федерирующихся областей», Кубанский Край один из «равноправных ее штатов».

Воинская повинность должна быть всеобщей, равной и обязательной для всего мужского населения Российской Республики и основана на принципах «национальном и территориальном». «Казаки отбывают службу в казачьих частях с казачьим составом офицеров и сведенных в чисто казачьи бригады, дивизии и корпуса, и должны отбывать службу на собственной территории», находясь в подчинении у своих Войсковых Атаманов. На них ни в коем случае не возлагается «полицейская служба», «лишь при исключительных обстоятельствах, грозящих существованию или спокойствию государства», казачьи части «совместно с другими войсками Российской Армии» могут быть привлекаемы для службы, «но не иначе, как с разрешения своего Войскового Правительства».

В аграрной части этой программы значилось:

Все земли Российской Республики должны быть бесплатно переданы трудовому населению.

Исходя же из федеративного принципа и древне-казачьей «обыкновенности», «все земли Кубанского Войска, леса, рыболовные воды... и прочие угодья со всеми недрами, как историческое достояние Кубанского Войска, составляют неотъемлемую собственность Кубанского Войска» и оно распоряжается ими «самостоятельно и независимо».

Частновладельческие и другие подобного титула земли бесплатно отчуждаются «в особый фонд Края» для наделения малоземельных.

Рабочий вопрос излагался в обычной формулировке рабочих партий, как и остальные обычные программные вопросы.

Но трудно было казачьей программе тягаться с большевицкими посулами.

В их воззваниях к казачеству были собраны все крайние пожелания, о которых могли бы только подумать казаки, все льготы по военной службе, бесплатная передача лошадей и пр. Все казачье руководительство объявлялось подверженным сословным влияни-

ям. Приводились астрономичекие цифры о собственных землях у Каледина, Филимонова, Быча и др.

Декабрьская Рада закончила свои работы накануне Рождества. В другое время можно было бы признать очень значительными результаты ее работы. Но мрачная обстановка краевой действительности снижала значительность этой работы. О некоторых частях ее (и о некоторых деятелях, производящих ее теперь) приходилось пожалеть — почему бы не сделать всего этого раньше. Насколько результаты были бы куда выше!

ГЛАВА XII.

Перед Святками были спиртные бунты в таких неспокойных местах, как хутор Романовский. На казенных складах за время сухого режима в период войны накопилось много неиспользованного спирта, содержимого в огромных бассейнах. Сюда устремились толпы своевольной солдатни и подонков улицы. Были случаи, когда пьяные тонули в спирте. Неосторожное обращение с огнем вызвало пожар. Погибло многомиллионное государственное достояние и были человеческие жертвы.

Состояние почти всех населенных пунктов городского типа требовало для поддержания порядка особой воинской силы, но ее то как раз и не было.

Начал заявлять о себе район станции Гулькевичи, где сказывалась близость организующего большевицкого центра в Армавире и куда уже достигли части упомянутой 39 дивизии.

В Екатеринодаре сколачивание стойких воинских частей не налаживалось. Удручающей вялостью отличался назначенный командующим войсками ген. Ч—й.

Один случай отправки пластунской части в нужном направлении показал мне, что при неотступности раз поставленного требования можно было добиваться исполнения приказания и от железнодорожников и от воинской части.

Высшее начальство военное не только должно было уметь отдавать приказание, но и доходить до непосредственного наблюдения, как выполнено приказание, и в нужный момент подтолкнуть [16]).

Между екатеринодарским правительственным центром и отдельными населенными пунктами образовывались как-бы провалы с

---

16) В это время произошел случай в ст. Пашковской, где только усилием А. И. Кулабухова, проведшего всю ночь в переговорах и уговорах удалось благополучно разрешить конфликт между казаками и офицерами и увести невредимыми последних из станицы.

неведомо как организованной общественно-политической жизнью. В лучшем случае можно было допустить для этих провалов наличие нейтральности к Краевой власти, чаще это было начало образования враждебного очага.

Агентурным путем стало известно, что местные екатеринодарские большевики готовятся использовать благоприятную обстановку и на Рождественских Святках открыто выступить в самом Екатеринодаре.

Но тут помог случай. Уже за несколько недель до Святок член краевого правительства по ведомству финансов Фед. Степ. Леонтович предпринял операцию, чтобы ликвидировать опасные запасы казенного спирта, и в предвидении праздников стал выдавать разрешения желающим на покупку его из казенных складов, сначала с благоразумным ограничением, а тут перед Новым Годом пустили выдачу разрешений широкой рукой и с особым поощрением в отношении прибывших с фронта. Не поддается описанию состояние города перед днем Нового Года, когда как раз намечалось выступление. На улицах Екатеринодара перепившаяся солдатня пела, орала, бродила, шатаясь во все стороны, ползала на четвереньках.

...А большевицкое выступление в городе было сорвано.

С Кавказского фронта, наконец, прибыл член Правительства по военным делам Н. М. Успенский и принялся за сколачивание частей кубанских добровольцев. В спешном порядке он провел через Совет Правительства положение о службе в кубанских добровольческих отрядах. Было определено добровольцам приличное содержание, проведено приспособление воинского устава, пересмотрено положение о чинопроизводстве, о дисциплине, о революционно-полевых судах и т. д.

К концу Святок было уже несколько Куб. Добровольческих отрядов, принимавших название своих начальников: в.-ст. Галаева, полк. Деменика и т. д. Большое значение имела при этом инициатива и популярность начальников.

Основное ядро этих отрядов составляли офицеры, к ним присоединялась учащаяся молодежь. Но главная масса казачества и даже офицерства пока не трогалась, предавалась после-военному отдыху.

В это время уже было на ходу формирование Добровольческой Армии генералами Алексеевым и Корниловым.

Образовавшееся к тому времени правительство Юго-Восточного Союза при председателе Харламове и тов. председателя Макаренко тоже задавалось целью создания армии Юго-Востока, разрабатывая штаты и ведя переговоры со специалистами...

...Генерал М. В. Алексеев приезжал к хорунжему И. Л. Макаренко на совещание, и рассказывали, что «спец» М. В. Алексеев, послушав широкие планы Макаренко, прослезился и покинул совещание, а планы Макаренко дальше общих разговоров не пошли,

разве что появились при нем два адъютанта. Сунулось, было, Ю.-В. Правительство с предложением к Куб. Пр-ву установить табачную монополию на кубанский табак, чтобы доход шел в пользу Ю.-В. Правительства на формирование армии. Быч отказал по принципу: «мы сам-с-усам».

В это же время появился на кубанском горизонте капитан-летчик Покровский, обратился к Правительству с просьбой разрешить ему формировать особый отряд «Защиты Учредительного Собрания». Быч ему тоже отказал, а правительству доложил:

— Пусть едет к себе в Нижегородскую губернию формировать такие отряды...

Нужно отдать справедливость Покровскому, первая неудача его не обескуражила; он в качестве самочинного «кубанского добровольца» сумел сорганизовать вокруг себя небольшую группу молодежи, один-два удачных налета на образовавшиеся около Екатеринодара, у станции Тимошевской, большевицкие гнезда сделали его имя популярным, и отряд его стал разрастаться без содействия Л. Л. Быча.

Определилось три направления большевицкого наступления на Екатеринодар: Кавказское, Тихорецкое и Новороссийское, — по главным ж.-д. магистралям.

Поначалу наиболее бурным оказалось Новороссийское — во главе с «военным министром Новороссийской Республики», прапорщиком Серадзэ.

До слуха екатеринодарцев стали долетать не только звуки пушечных разрывов, но и токанье пулеметов. Бой завязался у самого подступа к Екатеринодару, у разъезда Энем. Против Серадзэ выступили Галаев и Покровский. Первый был убит, и лавры блестящей победы достались Покровскому. Большевики бежали, оставив на поле брани многочисленные трофеи и смертельно-раненого своего главковерха Серадзэ... Здесь в бою у разъезда Энем погибла девушка — прапорщик Бархаш...

Покровскому был устроен триумф по типу цезаревских.

Атаман Филимонов и Председ. Быч с именитыми гражданами Екатеринодара встретили героя на вокзале. (Тут же были переменены его капитанские погоны на полковницкие).

Довольно длинной лентой от вокзала по Екатерининской и Красной улицам шли одна за другой двуколки с военной добычей, пушки с упряжками и на высоком сооружении на одной из двуколок лежал умирающий Серадзэ.

...Непосредственно за этой двуколкой следовал летчик Покровский верхом на лошади в дубленом полушубке со свежими полковницкими погонами.

Новороссийское направление после этого затихло, главное внимание было обращено в сторону Кавказской и Тихорецкой.

Энемский бой был началом организованных военных дей-

ствий на Кубанском фронте гражданской войны. Инициатива в ней принадлежала большевикам.

ГЛАВА XIII.

Собралась паритетная Законодательная Рада, убила много времени на самоорганизацию, потом приступила к составлению Правительства, определив число членов в одиннадцать: пять казаков, пять иногородних и один горец.

Казаки приняли без возражений намеченных иногородними своих кандидатов, как и иногородние сначала приняли казачьих, прежних членов Правительства, но через некоторое время иногородние заявили отвод против С. Ф. Манжулы, как члена Правительства по земледелию. Для замещения его фракции сговорились на моей кандидатуре, друзья мои убеждали меня не отказываться, несмотря на занятость мою в Контроле, и я согласился. Мне в помощники по ведомству земледелия определили кандидата от иногородних, но казака, ветеринара Юшко.

Общие заседания правительства с этого времени стали очень говорливыми. Впрочем, Быч бесцеремонно прерывал особо словоохотливых.

В паритетной раде дело шло, как в настоящих парламентах, об этом старалась фракция «иногородних»: комиссии, запросы, объяснения и формулы перехода к очередным делам.

Мне пришлось скоро направить в Раду законопроект об учреждении паритетных же Земельных Комитетов. По истечении определенного времени, вопрос был поставлен на повестку. Рада заслушала мои объяснения и отправила законопроект в комиссию, а по возвращении его оттуда, он со всей церемонией рассматривался в пленуме. Полная корректность. Стоило мне взойти на трибуну и своим словом подтвердить то или иное положение, почему-либо вызвавшее сомнение или возражение, тотчас же следовало с той же трибуны заверение, что «комиссия» или «фракция» удовлетворена «объяснениями нашего министра».

Но наиболее важным делом оставался фронт, который сжимался вокруг Екатеринодара под непрестанным давлением большевиков.

Мы же все время переживали кризис командования войсками. Ген. Ч—го заменил ген. Г—га, последнего Букретов, который, поняв обстановку, смалодушествовал и сам отказался, на его место опять был назначен Г—га, доблестнейший генерал, но привыкший действовать на широком фронте и к тому же имел пластунскую слабость к крепким напиткам.

Вопрос командования был вопросом, главным образом, казаков: Войскового Атамана, Председателя Правительства, члена Правительства по военным делам и пр.

И вот однажды вечером в Раду явилась делегация от офицеров с фронта с петицией о назначении на пост Командующего войсками никого другого, как полк. Покровского, причем свою петицию сопроводили устным заявлением, что в случае отказа возможен массовый уход офицеров с фронта. Делегация побывала у председателя Рады и у Войскового Атамана. Последний собрал во дворце членов П-ва казаков — Быча, Успенского, Сушкова, Кулабухова (помощника Быча) и меня, Предс. Рады Рябовола, затем постоянного нач. Штаба Командующего войсками Науменко и еще представителя Добр. Армии в Екатеринодаре ген. Эрдели.

За кандидатуру Покровского высказались сразу Рябовол и Кулабухов. Быч с явной неохотой, с оговоркой, что выбора у нас нет, — кубанцы не сумели выдвинуть себе командующего. Сушков и я настаивали, чтобы отложить решение и подыскать более подходящего кандидата. Науменко, естественно, промолчал. Мы обратились к ген. Эрдели, не взялся ли бы он за дело командования. Он, отклонив предложение, стал нас убеждать, что поиски особо квалифицированного кандидата в данном случае не имеют основания, большими соединениями нашему командующему руководить не придется, операции по внутренним коммуникациям хорошо известны всякому офицеру. Полковник Покровский уже имел успех на Кубани и необходимый опыт уже был у него.

Категорически возражал против назначения Покровского наш член Правительства по военным делам полковник Успенский и даже заявил, в случае назначения Покровского, он, Успенский, просит Атамана освободить его от должности члена правительства по военным делам.

Несмотря на разногласицу и неясность большинства, Атаман Филимонов счел возможным считать вопрос положительно решенным и пригласил Покровского, находившегося в соседней комнате, войти в зал и в мало достойной речи попросил Покровского «спасти Кубань».

Новый командующий, отчеканивая каждое слово, кратко но выразительно обещал «спасти Кубань».

Успенский тут же напомнил Атаману свое заявление об уходе.

Вступление Покровского в исполнение обязанностей Командующего было неудачным. Офицеры как-раз из его отряда перепились, отряд был обойден противником с тылу и с большими потерями едва выбрался из затруднительного положения, сделав глубокое отступление по направлению к Екатеринодару.

Покровский уже тогда приобрел славу жестокого человека. Он подобрал себе соответствующее штабное окружение.

Участились случаи бессудного убийства арестованных «при по-

пытке бежать». О том, что происходило в помещениях для арестованных ходили плохие слухи.

Из правительства деловой контакт с ним поддерживал председатель Быч, и член правительства по военным делам полковник Успенский, которого Атаман попросил не оставлять своего поста. У Покровского с последним установились натянутые отношения.

ГЛАВА XIV.

Удручающе подействовала на всех смерть Донского Атамана А. М. Каледина.

Весть о ней пришла в Екатеринодар поздно вечером. Помню, большими хлопьями падал снег...

...Круг замыкался вокруг нас. Все, что происходило за роковой чертой, обозначенной на карте фронтом, бралось под подозрение. Брались под подозрение и люди, приходившие оттуда. Этой участи не избежали пробравшиеся в Екатеринодар офицеры Корнилова.

Всем хотелось верить, что мы не одиноки. Что где-то есть еще какая-то сила, которая борется. Но где она? Почему не дает о себе ясных сведений?

Помню заседания правительства, когда все члены его: военные и гражданские, казаки и иногородние, изучали карту Кубани и Дона и высчитывали сроки, когда мог бы Корнилов появиться на расстоянии, достижимом для нас. Определяемые сроки проходили. А свежих вестей не поступало. Возникшая надежда терялась.

Сидение в эти последние дни в обложенном со всех сторон Екатеринодаре в одном отношении было замечательным.

На всем огромном пространстве Российской земли здесь был единственный пункт, где держалась власть, которая могла гордиться званием преемственно законной народной власти, — ибо она вела свою преемственность от того Войскового Правительства, которое через Комиссара Временного Правительства было признано Всероссийским Временным Правительством законнопреемственным от былой государственной власти.

Фактически же существование этой власти с ее особым укладом было подобно жизни на крохотном острове, заброшенном в океан враждебной стихии.

Рада — кубанский парламент — все же продолжала действовать.

Правда, все чаще и чаще откладывались ее общие официальные заседания и члены ее предпочитали посидеть со своими на частных совещаниях, обсуждая слухи, новости и создавшееся положение.

Иногда дело доходило до очень острых столкновений.

Однажды Бескровный, руководитель группы черноморцев украинской ориентации, выступил на частном совещании казачьей фракции с предложением оставить все надежды на Россию и теперь же направить энергию на искание связей с Украиной, которая по их сведениям, сумела выйти из беды, очистилась от большевиков, избрав друзей в лице сильных немцев.

Предложение было слишком новым и слишком било по напряженным нервам.

Произошла тяжелая сцена межфракционной свары. Бескровный свое предложение снял. Но немного позже выяснилось, что делал он его по своему не без основания. Каким-то образом до нашего ведомства народного просвещения дошел позже один документ, адресованный «до катеринодарскои низчей ремесленой школи» от министерства «Народнои Освіти, Департаменту проф. освіти. Березня, 13 дня 1918 р. № 1509. М. Київ».

Содержание этого документа замечательно не по прямому своему смыслу, а по тому, в каком направлении работала мысль министров киевской Центральной Рады. Оказывается, Екатеринодар они уже рассматривали, как входящий в состав Украинской державы, и киевское министерство посылало сюда по своему ведомству циркулярное распоряжение. В данном случае дело шло об установлении ведомственного единства в отношении низших ремесленных школ и указывалось, куда надлежало обращаться при надобности: а — «По закону 5-го грудня (т. е. 5 декабря) Малои Ради», — сообщалось в бумаге: — «всі техничні, комерційни, та професійни школи перейшли до министерства справ освитних»...

..Осведомленность Бескровного о положении дел на Украине происходила, очевидно, из прямого источника.

Для полноты картины следует отметить две частные попытки организовать противобольшевицкий фронт. Центром одной такой попытки была старинная большая черноморская станица Брюховецкая, центром другого — большая линейская станица — Лабинская.

Центральной фигурой брюховецкого движения был К. Л. Бардиж со своими двумя сыновьями.

Уже в конце Рождественских святок Кондратий Лукич перестал посещать заседания Краевого правительства, и отказался нести обязанности члена правительства по внутренним делам.

— «Без пшена каши не звариш», — так комментировал он создавшееся положение Краевого правительства без воинской силы.

Сам он решил собрать эту силу под флагом былых украинских «гайдамаків».

Собравшаяся в ст. Брюховецкой местная «Рада» из уполномоченных почти всех станиц Черноморья одобрила начинания Бардижа и призывала фронтовую молодежь итти в «гайдамаки». Вой-

сковой Атаман и правительство тоже дали согласие на создание отряда гайдамаков.

Собрался весьма значительный по численности отряд, но вынужденная спешность организации, неясность взаимоотношений в нем командного состава и рядовых гайдамаков, сепаратность действий — все это послужило причиной тому, что результаты движения оказались ничтожными. После неудачи у ст. Троицкой отряд быстро растаял. Бардиж с сыновьями отступил в горы. Где то в лесу недалеко от Туапсэ Бардиж со своими близкими был узнан, атакован. Пытаясь уйти от преследователей, он бросился в море и был пристрелен.

В лице К. Л. Бардижа отошла в вечность любопытнейшая и красочная фигура, перекидывавшая мост от суетливо-кровавой современности к былому запорожскому степному рыцарству.

Вечная память ему!

В ст. Лабинской, штаб-квартире Лабинского полка, собралось много молодых офицеров, пришедших со своими частями с фронта, родом они были в большинстве из ближайщих станиц, но руководящую роль захватил у них чужак в.-ст. Г - в, тороватый, сумевший подладиться не только к офицерам, но и к казакам, между тем, начальником отряда он оказался из рук вон плохим.

Под его начальством отряд выступил против сосредоточившихся в Армавире большевиков. По пути к отряду пристало из попутных станиц много казаков. Сила получалась внушительная. Преимущество ее было во внезапности нападения. Тем более, что в это время шло движение на Армавир и с другой стороны Кубани от ст. Кавказской. Большевицкий Комитет и гарнизон оказались в затруднительном положении. Казаки отряда Г-ва уже вступили в город и подошли к железнодорожной насыпи и виадуку со стороны ст. Михайловской.

Но большевицкие руководители попросили перемирия, и Г - в пошел на это. Большевики выиграли время, подтянули пулеметы, перестроились и теперь они воспользовались моментом внезапности. Дело отряда войскового старшины было проиграно. Много казаков погибло, другие рассеялись по станицам. Г - в окольными путями прибыл в Екатеринодар и стремился обелиться.

ГЛАВА XV.

Нашему сидению в Екатеринодаре приходил конец. Только чудо могло спасти положение. Где-то в донских зимовниках бродили добровольцы Корнилова, — так думали, так неопределенна была информация о добровольцах. О нашем выходе в поход уже гово-

рили на частных совещаниях. Прежде всего нужно было решить, идти ли Раде в поход всей целиком или предоставить решение вопроса каждому о себе лично. Председатель Рады Рябовол, упрекнув в малодушии колеблющихся, сделал предложение казакам итти всем, а иногородним предоставить свободу решения. Его предложение было принято.

27 февраля командованием войсками было принято решение оставить Екатеринодар. Членам Рады и Правительства было предложено прибыть в этот день к вечеру на сборный пункт во двор Кубанского Войскового Реального Училища и быть готовыми к выступлению.

До этого Рада все законодательствовала. Делала это она, отчасти, по инерции, отчасти же, из нежелания давать повод к кривотолкам и паническим умозаключениям в среде городского населения.

Только теперь члены Рады бросились на базар в «азиатский ряд» покупать аммуницию и подходящую для похода одежду. Из приведенных во двор лошадей брали кому какая попалась, но их для всех недоставало. Некоторые члены Рады и Правительства выступили в поход по пешему хождению, ориентируясь на обозные повозки. Стариков это как-будто больше даже устраивало. Только ненадолго.

...Как я лично был благодарен одному — тогда — незнаемому другу, который позаботился обо мне и прислал, когда уже стемнело, к воротам реального училища здорового коня, заседланного хорошим седлом. Вызвал меня к воротам незнакомый бородач и передал мне лошадь, а сам тотчас же скрылся в темноте.

Большинство членов рады иногородней фракции на сборный пункт не явились, не явился и член прав-ва Турутин.

Зато на сборный пункт прибыли: все члены Кубанского Комитета Защиты Учредительного Собрания, Городской Голова с Председателем Городской Думы, члены Союза Казачьих Войск, незадолго до того выпущенные большевиками из-под ареста и др.

Рада без отказа принимала этих пришельцев в свой отряд, потому что попали они в это сложное положение в силу того же выборного начала, как и сама Рада. Кроме того была надежда, что офицеры из их состава в трудную минуту могут сослужить службу в качестве руководителей боя. На самом деле, такая надежда оправдалась только частично.

Безошибочно можно сказать, что из всех групп, выступивших тогда в этот, т. н. «Ледяной Поход», радянская часть оказалась и более разношерстной и наименее подготовленной: никакого намека не было на запас продовольствия и снабжения теплой и другой одеждой, обувью и пр. Вышли с тем, кто и что успел и смог захватить на скорую руку, в последние часы перед выступлением.

Всего выступило в поход 45-50 членов рады, что составляло законный кворум Законодательной (малой) Рады.

День 28-го февраля 1918 года выдался теплый, солнечный. На сборный пункт приходили к семейным близкие родные прощаться. И замечательно: незаменто было особо унылых.

На заходе солнца тронулись в путь. Двуколка за двуколкой выехал наш обоз со двора реального училища и взял направление к железнодорожному мосту через Кубань. Члены рады и правительства те, которые раздобыли себе верховых лошадей, выехали за обозом в том же направлении.

Так начался Первый Кубанский — Ледяной — Поход.

За подписью Войскового Атамана, Председателя Рады и Председателя Правительства было выпущено обращение к населению по поводу вынужденного оставления Екатеринодара «столицы Края». В нем, между прочим, говорилось:

...«Мы не хотели допустить, чтобы жестокость большевицких банд, подогретая азартом борьбы, обрушилась бы на головы неповинного населения».

...«Мы вышли из Екатеринодара. Но это не означает, что борьба кончена».

...«Мы вдохновлены идеей защиты республики Российской и нашего Края от гибели, которую несут с собой захватчики власти, которые называют себя большевиками».

...«Мы вас звали к борьбе с анархией и позором, но вы (обращение к населению), одураченные красивыми, но лживыми словами фанатиков и продажных людей, вы не дали нам надлежащей поддержки в святой борьбе за УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ, ЗА СПАСЕНИЕ ОТЕЧЕСТВА И ЗА НАШЕ ПРАВО САМОСТОЯТЕЛЬНО УСТРАИВАТЬ ДОЛЮ РОДНОГО КРАЯ».

...«Мы знем, что вы скоро поймете свою ошибку... Тогда идите в наши отряды... Общими усилиями мы победим (растопчем) насильников и вернем свободу для всех граждан Кубани».

Датировано было это воззвание 1-го марта 1918 года. Вместе с Филимоновым его подписали Быч и Рябовол, да и автором его был, на сколько помнится, Быч, взгляды которого потом эволюционировали, как известно, несколько в другую сторону.

ГЛАВА XVI.

В литературе о Кубанских походах тенденциозно, иногда карикатурно описана роль и положение Кубанской Рады в походе, «доморащенного» «Кубанского парламента на лошадях».

Так писали братья Суворины — Борис и Алексей — писали и другие писатели — сателлиты добровольческой группы в Кубанских походах.

Неоднократно к той же теме обращался и ген. А. И. Деникин, и он не нашел в своем богатом оттенками спектре ремарок необ-

ходимого беспристрастия в отношении Рады, существовавшей в течение ряда месяцев именно в виде «парламента на лошадях», при нем исполнительная краевая власть со своим возглавлением Атаманом, — единственная группа власти тогда в последнем своем оформлении всенародно избранная и преемственно законопризнанная Всероссийским законным Правительством.

В ауле Шенджий, на расстоянии одного ночного перехода от Екатеринодара, войска переформировались. На это потребовалось два дня.

Рада и правительство расположились в обширном черкесском дворе. Председатели, а также и те, что к ним поближе, разместились в сакле, неуютной, но все же под кровлей. Большинство же нашло приют под стогом сена поближе к своим лошадям. В этот период похода за ними нужно было смотреть в оба, иначе они могли стать добычей безлошадных.

Ночи были ветреные и прохладные, но сухие. На сон грядущий пели песни, балагурили.

Днем решено было использовать досуг для подготовки к возможным боевым действиям.

Под руководством своих офицеров учились производить манипуляции с затвором винтовки, учились делать перебежку, действовать сомкнутым и разомкнутым строем и т. п.

В ст. Пензенскую, первую после аула Шенджий, Рада въехала с песнями:

Як во лузі, та ще при березі
Червона калина...

В станице обнаружилось, что все молодые казаки — фронтовики — покинули свои дома и скрылись в лесу. Но старики и женщины нас встретили ласково; мы ночевали под кровлей в казачьих хатах. Наутро хозяйка нашей хаты испекла свежих хлебов и, после экзерциций на голодный желудок в Шенджий, было приятно напитаться теплым пшеничным хлебом с разведенным на квасу тертым хреном, а на обед — борщ с курицей.

В станичном правлении был созван сбор стариков и Атаман А. П. Филимонов обращался к старикам с речью о гибельных последствиях для казачества поведения их детей:

— Вспомнят они наши слова, но будет поздно... Нужно взяться за ум. Нужно прекратить игру с огнем...

О своем уходе из Екатеринодара Атаман говорил:

— Сейчас вы видите нас у себя; временно мы оставили Екатеринодар, но путь наш лежит на Екатеринодар. Мы там снова будем...

Один старик пожаловался на своего сына, якобы сочувствующего большевикам. Атаман пожурил сына и велел ему передать своим товарищам, что он услышал на сборе.

На другой день к нам в ст. Пензенскую прибыл из аула Шенджий почтенный старик черкес с посланием от екатеринодарских комиссаров, предлагавших мирные переговоры. По словам черкеса, записку в аул доставил некий Гуменный, приехавший из Екатеринодара в автомобиле. На обратной стороне документа, действительно, было написано личное обращение Гуменного к Атаману, которого он в Раде встречал, так как был представителем фронтовиков.

— Довольно лить братскую кровь! — были заключительные слова обращения к нам комиссаров.

От себя старик черкес добавил, что 4 марта вечером под Екатеринодаром слышался беспрерывный гул пушечной канонады.

Рада мирные переговоры отвергла, а по поводу артиллерийского гула в нашей хате вечером было устроено совещание наподобие военного совета под председательством Войскового Атамана в составе правительства, командующего войсками и ген. Эрдели. Все были того мнения, что Корнилов близко подошел к Екатеринодару. Решено было предпринять обратный марш к Екатеринодару, чтобы установить связь с Корниловым и, при возможности, соединиться с ним.

Обратное движение через тот же Шенджий к Екатеринодару, захват переправы через Кубань у станицы Пашковской и двухдневное усилие удержать ее за собой не дали желательных результатов: связи с Корниловым не установили. Новый путь отступления наше командование избрало не через Шенджий, а через другую систему аулов: Вачепший, Гутлукай. Впоследствии выяснилось, что Корнилов шел, продвигаясь с боями к тем же аулам, но только с обратной стороны — от ст. Некрасовской — тоже к Гутлукаю и Вачепший.

Наш отряд по пути в Гутлукай нашел трупы зарезанных офицеров, взявшихся установить связь с Корниловым, — общая участь, самопожертвенно бравшихся за эту задачу.

Гутлукай был первый сельский населенный пункт, откуда полетели навстречу нам пушечные снаряды, сопротивление противника было, однако, слабое и было быстро ликвидировано. Еще одно бы усилие и было бы найдено то, чего тщетно искали. Но сил для этого в отряде не оказалось. Больше того: в отряде началось разложение. Топтание на месте всей группы, многим показавшееся лишенным достаточных оснований, сдвинуло стрелку весов общего настроения духа к упадку. Получилось извещение, что лучшая часть конницы отряда, оставленная для заслона со стороны екатеринодарского ж.-д. моста, покинула без разрешения свою позицию и ушла в неизвестном направлении [17]).

---

[17]) Эта группа потом жестоко пострадала, была окружена и немногие из нее спаслись.

В ауле Гутлукай, пока колонна долго ожидала ночью выступления, произошла любовная драма, один ревнивец — артиллерист пырнул кинжалом сестру милосердия. Там же от разрыва сердца умер престарелый полковник О-в.

Когда совсем рассвело — 11 марта — мы, проследовав мимо того же аула Шенджий, спустились к небольшой речушке, обрамленной прибрежным леском. Вдруг с головы обоза неистовый крик:

— Кавалерия вперед! Кавалерия вперед!

Никакой подлинно-кавалерийской части поблизости не было. Мы — Рада — на конях. Рванулись все вперед. У некоторых были шашки, которые они выхватили из ножен, другие наскоку выхватывали из-за плеч винтовки, готовясь действовать ими... — Кавалерия!

К счастью, все обошлось благополучно. Захватили в плен молодого безусого красноармейца. На допросе он отвечал на вопрос, почему он пристал к большевикам:

— Идет борьба за власть. Мы — крестьяне — должны сделать выбор...

Этому «борцу» пригрозили, но отпустили.

Первая половина этого дня была для нас очень трудной. Впереди вокруг ст. Колужской были сосредоточены местные части противника и среди них приобретшие славу стойких частей Северо-Лабинский и Варнавинский полки. Завязавшийся бой быстрым темпом развивался не в нашу пользу. Наши артиллеристы ставили прицел уже на очень незначительную дистанцию. Было ветрено, мгла. Быч, Бескровный и я сидели у полуразвалившегося шалаша дровосеков и перекидывались шутками.

Вдруг со стороны расположения штаба прибежали ординарцы и объявили последнее распоряжение: все, кто в состоянии держать винтовку, в цепь.

У Быча не было винтовки, он впрягся в оказавшийся в обозе пулемет. Мы с Ф. С. Сушковым пошли в цепь. — Это совсем не страшно, — ободрял нас прибившийся к правительству поруч. З.

То поле, куда высыпала Рада, обозные старые полковники и генералы и могущие держаться на ногах раненые, — было к тому же усажено сухими пнями когда-то срубленного леса. При ветре, волнующем засохшую траву, и эти пни, казалось, движутся и идут в атаку.

Какой-то полковник командовал нами, подавал свои сигналы-свистки, когда нужно, подниматься и делать перебежку, когда залегать.

В жизни своей я ни разу не выстрелил из винтовки. Это прилегание и перебежка показались простыми формальностями. Мы с Сушковым пошли без выполнения этих формальностей.

Противника, как говорили, засевшего в лесу, мы не видали. После знающие люди объясняли: пока мы тут демонстрировали

спереди, полк Улагай с батальоном пехоты под прикрытием леса зашел в тыл противнику и обратил его в бегство. Черкесская конница бросилась его преследовать.

К ночи путь был свободен, обоз вытянулся в ленту, чтобы итти на ст. Калужскую, а дальше к ст. Ставропольской, чтобы иметь в тылу Кавказский хребет.

В конце обоза вдруг раздались какие-то неясные крики, раздалось как-будто «ура», но тот-час притихло, наоборот, потребовали пулеметы.

Мы с Бычем направились туда, чтобы узнать, в чем дело.

Оказалось, прибыл взвод всадников с отличительными белыми полосами на шапках. Говорили, что они — разъезд от Корнилова.

— Это провокация! Большевицкие штучки!

Больше всех горячился начальник войскового Штаба полк. Гаденко. Это он потребовал строить пулеметчиков против разъезда.

Навстречу всадникам с белыми повязками пошел П. Л. Макаренко и, вступив с ними в беседу, начал расспрашивать их, какие места на Кубани они проходили с Корниловым. Когда те назвали ст. Незамаевскую, место его службы, он стал задавать вопросы о подробностях расположения церквей, школы и пр. Ответы оказались правильными: КОРНИЛОВЦЫ.

Командование нашего отряда отправило в Калужскую лишь кавалерию. Обозу раненых приказано было задержаться на соседних хуторах.

Ветер, дувший и до того с большой силой, превратился потом в бурю. Пошел дождь со снегом.

Раненых в хуторе сносить с повозок некому, занялись этим делом мы. В хуторе было мало хат, все заняли ранеными. Попробовали, было, мы расположиться на базу со своими лошадьми, но холодно невероятно. Удалось забраться куда-то на чердак в баню и там провести ночь.

К утру дождь и снег прекратились, но хутор превратился в болото. Часам к 11 утра по грязной хуторской улице медленно проезжал уже большой разъезд армии Корнилова. Фактическое соединение армий состоялось.

Продовольственная нехватка на этих Церковных хуторах давала себя чувствовать много больше даже, чем в Шенджие. Там было сено для лошадей, тут и того не было. Найдешь качан кукурузы и не знаешь, самому ли сгрызть или отдать лошади. Члены рады из простых хлеборобов оказывались в более выгодных условиях, быстрее применялись к обстановке. Достал, например, В-в несколько пригоршней муки и на сковородке напек себе оладьев. Он сыт, а ты выжидаешь, не догадается ли и тебя угостить...

В станице Калужской, куда мы прибыли ночью, помещение у нас оказалось более обширное, просторный класс станичной шко-

лы, мы натащили сена и каждый устроил себе подстилку, как хотел. Но за ночь вывалил снег по-колено. Лошади на дворе мерзнут, срываются с коновязи, того и гляди, — уйдут (или их уведут) и поминай, как звали.

Я плохо себя почувствовал уже в Церковных хуторах, простудился, но крепился и держался на ногах. Но на меня налегли наши дежурные вахмистра (из офицеров). У меня здоровая лошадь и они зарезали меня нарядами по доставке фуража. За ним нужно было ехать (охлюпкой) к магазинам общественного запаса за станицу на взгорье и там, получив мешок ячменя, взвалить его на спину высокого моего Васьки, взобраться затем самому и, сохраняя равновесие, доставить провиант в школу. Ветер, холодно. Я слег. Спасибо, приятель принял во мне участие и поухаживал за мной, — кое-как оправился.

Покровский, уже произведенный Войсковым Атаманом в генералы, ездил в аул Шенжий на свидание с командованием Добровольческой Армией, с ген. Корниловым, Алексеевым. С ним там обошлись не очень любезно, вернулся он очень раздраженным.

В Калужскую прибыли еще повозки корниловского обоза с ранеными, а наши боеспособные части должны были спешно итти на соединение с отрядом ген. Маркова и принять участие в операции против большевицкой группы у ст. Ново-Дмитриевской.

Все дни снег падал и таял. Грязь невероятная, горные речки вздулись.

Наши части не попали к разгару операции. Генерал Марков С. Л. сам со своими слабыми силами форсировал вздувшуюся речку вброд и отогнал от станицы во много раз более сильную группу противника.

ГЛАВА XVII.

Для оформления соглашения с ген. Корниловым в Ново-Дмитриевскую выезжал с нашей стороны Войсковой Атаман Филимонов, Председатель Правительства Быч, Председатель Рады Рябовол и неизбежный при них горец Султан-Шахим-Гирей. В Раде, предварительно обменялись лишь общими суждениями по поводу возможного соглашения с руководителями Добровольческой армии. После заключения соглашения Рада и Правительство были с ними ознакомлены, но подлинное его содержание должно быть отнесено со стороны кубанцев на ответственность указанных лиц: Войскового Атамана А. П. Филимонова, Председателя Правительства Л. Л. Быча, Председателя Рады Н.

Ст. Рябовола, — представителей казаков, и горца, члена президиума рады Султан-Шахим-Гирея.

Способствовала ускорению сговора сама обстановка того вечера в станице Новодмитриевской. Дом, где происходило совещание, подвергся бешеному обстрелу, большевики ворвались в станицу, их цепи залегали уже на церковной площади, в близком расстоянии от штаба. Пока кубанцы обдумывали сделанное им предложение, генерал Корнилов лично занялся ликвидацией прорыва. Большевиков выгнали из станицы. Протокол был подписан.

Вот его содержание:

Протокол Совещания.

1/14 марта 1918 года в станице Новодмитриевской. На совещании присутствовали: Командующий Добровольческой Армией генерал-от-инфантерии Корнилов, генерал-от-инфантерии Алексеев, помощник командующего Добровольческой Армией генерал-лейтенант Деникин, генерал-от-инфантерии Эрдели, начальник Штаба Добровольческой Армии генерал-майор Романовский, генерал-лейтенант Гулыга, Войсковой Атаман Кубанского Казачьего Войска полковник А. П. Филимонов, Председатель Кубанской Законодательной Рады Н. С. Рябовол, тов. председателя Кубанской Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирей, Председатель Кубанского Краевого Правительства Л. Л. Быч, Командующий Войсками Кубанского Края генерал-майор Покровский.

Постановили:

I. Ввиду прибытия Добровольческой Армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому Правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение Генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет необходимо.

II. Законодательная Рада, Войсковое Правительство и Войсковой Атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего Армией.

III. Командующий Войсками Кубанского Края с его начальником штаба отзываются в распоряжение Правительства для дальнейшего формирования Кубанской Армии.

Подписи:

Генерал Корнилов, Генерал Алексеев, Генерал Деникин, Войсковой Атаман Полковник Филимонов, Генерал Эрдели, Генерал-майор Романовский, Генерал-майор Покровский, Г. Председатель

Кубанского Правительства Быч, Председатель Кубанской Законодательной Рады Рябовол, Товарищ Председателя Законодательной Рады Султан - Шахим - Гирей.

На заседании Кубанского Правительства в той же станице Новодимитриевской Быч и Рябовол заверили нас, что в добавление к письменному протоколу ген. Корнилов — на словах — согласился на фактическое образование Кубанской Армии по занятии Екатеринодара.

Для харктеристики начала взаимоотношений верхов Д. А. и кубанцев следует отметить, что ген. Корнилов среди непрекращающейся боевой тревоги не преминул сделать особый визит Председателю Рады Рябоволу и Председателю Пр-ва Л. Л. Бычу, как только они вместе с Радой уже и Правительством прибыли из ст. Калужской в Новодмитриевскую. Кубанцы не замедлили сделать тогда же ответные визиты. (Л. Л. Быч приглашал и меня пойти вместе с ним к Корнилову, но мне нездоровилось и я отказался, откладывая возможность эту до другого раза, да так и не пришлось познакомиться лично с Корниловым).

Замечательно, что и у Быча и в особенности у Рябовола создалось чувство большого пиэтета к Корнилову. Впоследствии, при многочисленных случаях обостренных конфликтов с преемниками Корнилова и от Л. Л. Быча, и от Н. Ст. Рябоволва (особенно от последнего) приходилось слышать:

— Эх, если-б жив был Корнилов!...

По возвращении в Екатеринодар Быч проэктировал на месте той войсковой фермы, где погиб Корнилов, разбить сквер его памяти и Корниловский парк.

ГЛАВА XVIII.

Ближайшей основной для текущего момента задачей было обеспечение борьбы денежными средствами. У обоих союзников кассы были полупустыми, у кубанцев к тому же, что оставалось, было в крупных купюрах. Ограничиваться выдачей за скот, фураж, продовольствие и пр. реквизиционных квитанций признавалось неудобным. И вот правительство решило выпустить свои походные деньги. В обозе имелась небольшая походная типография и при ней несколько печатников, которые ездили конвоирами. Вот это учреждение и послужило техническим аппаратом для печатания денег. Бумага была простая, белая, текст обычный для кредиток с указанием их обеспеченности «всем достоянием Кубанского Края».

На каждом листке-кредитке ставились собственноручные под-

писи: председателя правительства Л. Быча, члена пр-ва по ведомству финансов А. Трусковского и секретаря п-ва Н. Воробьева.

По целым дням просиживали они в своей хате и подписывали «деньги», которые, однако, не получили широкого распространения.

Канун ухода из ст. Ново-Дмитриевской был ознаменован еще особым явлением добровольческой практики гражданской войны. На церковной площади были установлены виселицы и на них повешанные.

При кубанском отряде ходила окруженная конвоем группа захваченных в Екатеринодаре ген. Покровским заложников. Среди них было несколько видных руководителей местных большевиков (Лиманский и др). Был между другими совсем юный брат Полуяна, бродил в форменной шинели и фуражке Кубанского Реального Училища.

Положение влекомых, таким образом, заложников было, бесспорно, очень тяжелым. Но в кубанском отряде не было все же виселичного пристрастия.

На кубанцев виселичная практика новых союзников производила тяжелое впечатление.

ГЛАВА XIX.

От Ново-Дмитриевской было взято направление к Екатеринодару в обход по За-Кубанью. Когда подходили к ст. Георгиево-Афипской при ж.-д. станции того же наименования, нас встречали и провожали артиллерийским обстрелом броневые поезда. один с екатеринодарского направления, другой — со стороны Новороссийска. *С этого случая вообще установилась у нас неприязнь к железным дорогам, ибо по ним продвигались броневые поезда.*

Запомнился этот переход своим пейзажем.

Все пространство, по которому шли, — пролески, небольшие поляны, — все было залито полой водой от дождей, тающего снега, от разлива рек. Дороги с невероятными выбоинами. Повозки с ранеными ныряют из колдобины в колдобину. В ночную часть перехода горизонт освещался заревом горящих хуторов, подожженных частью всадниками нашего черкесского полка, частью отступающими большевиками... Пейзаж гражданской войны.

Когда мы подошли к паромной переправе через Кубань у станицы Елизаветинской, то генерал Корнилов уже был на той стороне и начал наступление от ст. Елизаветинской на Екатеринодар.

Переправа при помощи одного парома проходила медленно Было установлено правило, что вместе с определенным количеством повозок могли поместиться несколько пеших и определенное количество всадников с лошадьми.

Ночь мы провели на дворе около полуразрушенной сакли, подостлавши, кому удалось достать, снопы сухого камыша. На другой день долго ждали у переправы очереди. Часть решилась на опасное предприятие: всадники садились в лодку, держа лошадь в поводу и побуждая ее плыть. Для некоторых это прошло благополучно. Но мой конь не захотел итти в воду и, когда его столкнули, он, вместо того, чтобы плыть за лодкой повернул назад и едва ни увлек за собой и меня. Пришлось выпрыгнуть из лодки. Река Кубань от полых вод была бурной и многоводной. Коня понесло. Еле удалось его завернуть и помочь выбраться на берег.

Пришлось вместе с другими становиться в очередь к парому.

Здесь я лично познакомился с ген. Марковым С. Л.

Когда дошла очередь до нас от группы членов Рады отделилось положенное число всадников с лошадьми и пешеходов и направились на паром, чтобы занять место среди повозок. Вдруг на них налетел человек в длинной серой меховой тужурке в огромной белой папахе, шея обвязана башлыком, толстая калмыцкая плеть через плечо, бранится самыми отборными словами и не велит дальше двигаться. Офицер, бывший во главе нашей группы, не выдержал, заявил, что он не глухой, и попросил говорить потише.

Распорядитель в белой папахе закричал еще больше.

— Вы знаете, с кем вы говорите?

— Так-точно, знаю.

— С кем?

— С генералом.

— С генералом... Генералов много... Я тот, благодаря которому, быть может, и ваша жизнь спасена...

Наша группа отступила, сошла с парома; мы не знали, что же делать дальше. Через несколько минут окружающие попросили меня пойти, осведомиться у ген. Маркова, — кричал - то именно он, — о нашей очереди и вообще, придет ли она.

Я пошел. Вид у меня был самый непрезентабельный, и при этом весь в грязи, в которую я выделался, спасая коня. Подошел к генералу, назвал себя и попросил разъяснить, окончательно ли им отменено в отношении Кубанской Рады его первоначальное распоряжение о переправе.

Со мной заговорил совсем другой человек: любезный, предупредительный.

— Нет, это вышло случайно, — те пять человек слишком столпились... Пожалуйста, продолжайте переправу...

Проводил даже до спуска с парома и жестом гостеприимного

хозяина пригласил на паром очередных пять-шесть человек только что с таким треском им спущенных оттуда.

В этом выразился Марков, именно каким мы его узнали во время похода. Страшно несдержанный в словах в момент раздражения и азарта... Грубый, крикливый. Как мы удивлялись, что это один из наиболее блестящих офицеров генерального штаба, профессор академии... Но удивительно внимательным, вдумчивым и вообще приятным в обращении и речи был ген. Марков, когда равновесие духа возвращалось к нему.

Там на пароме он еще не оправился от простуды, полученной в боях под Ново-Дмитриевской, поэтому, видимо, был и оставлен Корниловым в арьергарде. В то время, как под Екатеринодаром развивался решительный бой, роль паромщика Маркова, конечно, раздражала... На ком нибудь нужно было сорвать раздражение. Подвернулся под руку наш сотник С.

...Первую ночь в Елизаветинской, канун Благовещения, мы провели, как нельзя лучше... Но на другой день вдруг — неблагоприятный симптом: под вечер пришло приказание идти на фронт всем, кто может держать в руках винтовку. Когда мы стали готовиться к боевому выступлению, пришло также внезапно распоряжение: отставить...

ГЛАВА XX.

СМЕРТЬ КОРНИЛОВА.

31-го марта утром узнали о смерти ген. Корнилова.

У людей, потерявших все, как-будто теряется острота восприятия новых потерь. Но эта потеря являлась обвалом надежд маленького отряда людей в борьбе с неизмеримо более сильным противником.

Генерал А. И. Деникин, вступивший в командование Добровольческой Армией, прекратил наступление на Екатеринодар, ночью на 2-е апреля 1918 г. Началось наше новое отступление от Екатеринодара, но уже не в горы, к Кавказскому хребту, а на простор степей, к Дону.

Утром на восходе солнца мы оказались между двумя поселениями: налево, на спуске в низину — небольшая станиченка Андреевская, недавно еще бывшая хутором, оттуда хлопнули два-три

орудийных выстрела[18]). Направо на взгорье была расположена немецкая «колонка» Гнодау. Командование, по стратегическим соображениям, избрало для дневки именно немецкое поселение. Лошадей приказано было не расседлывать. Обоз материального довольствия, и без того уже сокращенного в ст. Елизаветинской, сокращался теперь еще больше. Стороной узнали, что приводится в негодность часть пушек. Шла, следовательно, частичная ликвидация.

После полудня ко мне пришел школьный однокашник С. М., один из адъютантов И. Макаренко, всегда очень внимательно следившего за штабными новостями. С. М. отозвал меня в сторону и таинственно предупредил:

— Нужно смотреть в оба теперь... Нынче ночью решается наша судьба. Выскочим, — наша взяла. Нет, — погибли или... спасайся, кто может... В заключение он передал приглашение от своего шефа Ив. Л. Макаренко вместе с ним и правительством Юго-Восточного Союза присоединиться к черкесскому полку...

...Это было уже серьезным показанием, какое зыбкое состояние духа в отряде. Да о том уже можно заключить и по другим выпиравшим наружу признакам.

В течение каких-нибудь нескольких часов спали покровы с бренного человеческого естества, оголились инстинкты, пропала сдержка.

Тут же на пригорке на виду у всех молодой офицер припадал к ногам юной сестры милосердия... Они спустились потом лишь на другую сторону кургана.

Часам к четырем начался бешеный артиллерийский обстрел нашего отряда. Повыдерганная снизу скирда соломы, под которой мы сидели, колебалась от сотрясения воздуха. А под скирдой происходило заседание Кубанского Краевого Правительства, между прочим, оно решало, как сохранить жалкие остатки краевой казны в тысячерублевых купюрах. Каждому из членов правительства выдавалась определенная сумма под расписку, что они принимают на хранение такую-то сумму в тысячах и обязуются ее возвратить в свое время в казну. Мотив был тот: если нашего министра финансов или кого другого убьют, то не вся казна пропадет.

На закате солнца части стали строиться к отступлению.

В радянской группе обнаружилось исчезновение большинства офицеров, которых мы рассчитывали иметь своими руководителями в трудную минуту. На наших глазах прославленный Роговец тоже стал торопить своего коня. Быч уже без всяких обиняков закричал на него. Тот затих, было, но потом все-таки и он улизнул. Было разрешено спуститься к речке попоить лошадей. Когда поднимались снова на взгорье, неожиданно рядом со мною оказался

18) Это была первая казачья станица, откуда по нас стреляли.

П. Л. Макаренко. Обычно он рядом со мной не ездил. Очевидно, он тоже получил предупреждение от брата и был также, очевидно, извещен о моей осведомленности. Держался вместе со мной там, где нам надлежало быть. Поднимаемся к месту построения радянской группы. Замечательную картину пришлось наблюдать в небольшом отдалении, — построение черкесского полка: огромная группа конных в черкесках, освещенных лучами заходящего солнца. Впереди командир — Келеч - Гирей. Команда:

— Черкеска полк, за мно-о-й!

Черкесский полк должен был составить правую колонну общего нашего отступления. Другая конная группа общеармейской кавалерии составляла левую колонну.

Главные силы, — по преимуществу, длинный на несколько верст растянувшийся обоз с ранеными и при нем совсем жидкие пехотные части, — составили центральную колонну.

На первом ночном привале (отдыхе), Быч отправился в штаб армии. Оттуда он принес предложение: Раде держаться во время этого ночного перехода поближе к штабу. Объяснение этому предложению давалось такое, будто среди некоторой деморализованной части отряда явилось течение в критическую минуту попробовать выдать большевикам Штаб и Раду и тем попытаться купить себе спасение.

Во всяком случае предупредительность и желание Штаба быть в тяжелый момент с Радой поближе была приятной.

Тронувшись после часового отдыха в путь, мы попробовали держаться ближе к штабу, но скоро упустили его из виду и после этого стали вообще стремиться к голове колонны, надеясь там настигнуть штаб. В погоне за ним мы, наконец, выскочили в голову колонны и увидели перед собой ген. Маркова: стоит окруженный несколькими офицерами и чего-то ждет. Нам предлагает тоже остановиться. Мы ему сообщаем полученную директиву держаться штаба; он пожимает плечами. Знак для нас мало-обнадеживающий. Спешиваемся и оттягиваем лошадей назад. Через некоторое время подходят головные повозки обоза и тоже остановились. Постепенно движение вблизи замирает. Только где-то далеко подтягиваются хвосты и еще доносится шум отдаленного движения.

Мы стояли у пологого спуска к железнодорожной станции Медведовская...

...У переезда через жел. дорогу сгрудились штабы: Главный, Войскового Атамана и пр. Радянский отряд подтягивается к общей группе.

Приметно в темноте (луна уже села), как рассыпавшиеся стрелки взяли направление на неясно обозначающееся здание ж.-дор. станции. И вот на пути обозначилась темная, медленно движущаяся масса. Небольшая полоска огня видна лишь снизу, у места топки.

— Поезд... Броневик...

Вдруг спереди, от переезда неистовый крик генерала Маркова:

— Сто-ой!... И самая отборная словесность, а дальше в том же тоне:

— Ты мне все фурманки подавишь... и опять мат.

Машинист, видно, притормозив, умозаключил, что свои: матом ругаются... Поезд остановился.

Команда... Выстрел картечью из пушки... Страшный взрыв котла паровоза. Запылало несколько вагонов. Засуетились люди вокруг остальных вагонов, откатили не загоревшиеся вагоны, суетливо начались сгружать из вагонов патроны и снаряды на свои повозки. Тут же шла ликвидация команды броневика..... Какая тщета человеческой жизни!... Выскочил один из вагона и, как мышь, пытается юркнуть в гущу наших, пользуясь суматохой, попробовал так спастись... Вотще...

Между станицей Медведовской и ж.-д. путями ровная площадка. Отступившие за станцию красноармейцы взяли под обстрел из пулеметов это открытое место.

— Не бежать! — строгая команда...

Здесь ранили члена Правительства Трусковского и лошадь под Манжулой.

Люди в станице нас встречают радушно. В одной хате угостили медом. У меня сорвалось стремя, попросил поправить, с готовностью делает, а предложил за помощь деньги, отказывается с обидой:

— Та що вы?... Хіба-ж ми не бачімо?!

С облегченным сердцем двинулись дальше. Вырвались! — У нового главнокомандующего начало хорошее.

В соседней станице Дядьковской население встретило нас с крестным ходом и хлебом-солью.

...От Келеч-Гирея, командира Черкесского полка, пришло известие о полном благополучии перехода. Несколько пострадала левая кавалерийская группа при переходе ж.-д. моста. К слову сказать, как раз та часть, куда сбежали наши офицеры.

В ст. Дядьковской были оставлены тяжело-раненые, свыше 200 чел. Лиманский и др. партийные большевики, бывшие у нас заложниками, сами, получив свободу, гарантировали своим словом безопасность раненых. В переговорах с ними принимал участие член Куб. Прав. от иногородних Сверчков. На расходы станичному атаману была выдана необходимая сумма денег.

В ст. Дядьковской Быч и Рябовол не однажды по вечерам ходили на совещание с генералами Алексеевым и Деникиным, и Быч взял за обыкновение нам ничего не рассказывать об этих совещаниях.

Мы жили с Бычом в одной хате и спали на одной и той же «лавке» (род длинного во всю стену хаты дивана), ложились мы голо-

ва-с-головой, а ноги вдоль лавки в разные стороны. После одного его возвращения с такого таинственного совещания лежим голова с головой и переругиваемся:

— Ответственность лежит на всех нас, а решаете за всех один вы...

Впоследствии выяснилось, что уже тогда начались шероховатости между добровольческим возглавлением и нашими «председателями» Правительства и Рады.

ГЛАВА XXI.

После ст. Дядьковской, пройдя хутора и станицы, пересекши Тихорецко-Новороссийскую ветку жел. дор. (Рост. Влад.), мы к 10-му апреля пришли в станицу Успенскую, ближайшую к Ставропольской губ. По пути в станицах и хуторах мы собирали сходы, Атаман и члены правительства выступали с речами, ободряли или говорили о неизбежности жертвы, о долге и обязанностях в отношении подрастающего поколения казачества. Объявляли мобилизации... Население поначалу было сдержанным, а потом более отзычивым, шел какой-то процент по мобилизации молодых казаков, давали лошадей, договаривались о будущей оплате реквизиционных квитанций, их, между прочим, население охотнее принимало, чем наши походные белые деньги.

У члена нашего правительства по ведомству финансов со всем этим было не мало хлопот. Я тоже по ведомству контроля был достаточно занят. Без моего грифа казначей денег не выдавал, как равно и без проверки расходования предыдущего аванса.

Очень неудачно у нас обвернулось дело с нашим ведомством военных дел. Ему, казалось, в походе должна бы принадлежать важнейшая роль: мобилизация, организация частей, сношение с командованием Д. А. Для разрешения вопросов, связанных со всем этим, требовалось, чтобы во главе этого ведомства стоял человек достаточно авторитетный. Таким из кубанцев был прежде всего полковник Н. М. Успенский. Но Быч по какой-то причине к нему не благоволил.

Как здесь рассказывалось, при назначении Покровского командующим кубанскими войсками, Успенский резко высказывался против этого назначения и заявил о своем уходе из ведомства военных дел в случае осуществления этого назначения. Мы его тогда попросили остаться, но Покровский, видимо, не забыл ему этой оппозиции и при выходе из Екатеринодара, он просто не предупредил Успенского о дне и часе выхода, так что занятый делами, Успенский запоздал и еле выбрался из Екатеринодара

после отхода главных сил. Быч в Шенджие, не видя Успенского, предложил Атаману назначить членом Правительства по военным делам большого хозяйственника, но мало подготовленного военного из офицеров гвардейского дивизиона есаула Савицкого. И Филимонов, и Быч даже успели до появления Успенского произвести этого Савицкого из есаулов в полковники. Успенский молча снес обиду и отошел от дел. Его участие в налаживании отношений с добровольческим возглавлением в первый период сотрудничества могло бы иметь самое благотворное значение. С начальником штаба Д. А. ген. Романовским Успенский был сослуживцем по генеральному штабу.

Савицкого же добровольческие генералы третировали просто, как неуча и ловчилу при делании своей карьеры. Он, действительно, тут сделался просто подпевалой Быча и усугублял его раздражение против генералов, а те через Савицкого привыкали смотреть, как через кривое зеркало, на всех кубанских деятелей. Семя неприязни, раз заброшенное, разрасталось.

Расположение станицы Успенской для нас было выгодным. Она залегла между двумя ж.-д. путями, от каждого, однако, достаточно удалена: с броневых поездов нас не достать. Мы здесь оставались восемь дней. Армия почистилась, были сформированы новые части из приставших по пути добровольцев или по мобилизации казаков и из тех, которые теперь стали ежедневно притекать в армию.

В Успенской было устроено общее народное собрание на открытом воздухе с привлечением большого количества слушателей, на котором выступал, между прочим, ген. Алексеев, говорил о целях Д. А., о страждущей Родине, об обязанности каждого верного ее сына послужить делу освобождения Родины от захватнической власти.

Здесь ген. Деникиным, как командующим Д. А., была выпущена напечатанная типографским способм Декларация, в которой свидетельствовалось, что будущий государственный строй в России армия не предрешает, и что он должен быть установлен Всероссийским Учредительным Собранием, созванным по восстановлении в стране правового порядка.

«Предстоит еще в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за целость разоренной, урезанной, униженной России, борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни. Борьба, если нужно, до смерти.

Пусть наши силы не велики, пусть их вера кажется мечтой, пусть на пути нас ждут новые потери и разочарования, но он — единственный путь для всех, кто предан России».

Генерал Марков в это время воевал уже в Ставропольской губ.

Генерал Покровский с отрядом конницы, составившейся из пристаавших к нам и мобилизованных казаков, действовал по ж.-д. линии Ставрополь—Кавказская. Большевики постепенно подтягивали свои силы, чтобы снова нас «взять в кольцо», как любили они выражаться в своих газетах. Они снова сосредоточивали свои силы по линиям железных дорог: Ставрополь—Кавказская и Тихорецкая — Царицын.

...В ст. Успенской отстал от нашего отряда пом. члена Пр-ва по *внутренним делам А. И. Кулабухов. Уехал в свою родную станицу* Ново-Покровскую повидаться с родными, но оттуда не вернулся и потом пробрался в г. Ставрополь...

В Успенскую прибыли вестники восстания на Дону и восстания казаков армавирского района в юго-восточном углу Кубани.

Из ст. Прочноокопской, что в семи верстах от Армавира, пришла целая делегация просить командование Армии направиться в их *район, так как у них все подготовлено для восстания.*

Собственно, поскольку мы могли судить по отрывочным сведениям из штаба армии, одним из варьянтов отступления из Успенской именно и намечался этот путь: Армавир, центр Лабинского отдела Кубани, и дальше Баталпашинский отдел: — приобретался, *т. о., тыл с естественным рубежом в виде центральной части* Каквказского хребта с трудно проходимым на юг к Сухуму Клухорским перевалом. Предполагалась временная выжидательная отсидка здесь, пока очнутся казаки, накопятся силы и можно будет продолжать движение к северу.

Теперь, при наличии широкого, как представлялось, антибольшевицкого движения на Дону, предпочтительным оказался варь*янт отступления сюда на Дон, в район восставшего Задонья* — ст. Егорлыцкой, Мечетинской и др.

Для марша в Армавирском направлении предназначался незначительный отряд ген. Покровского с присоединением к нему двух сотен черкесского полка Келеч-Гирея. В качестве политического возглавления отряда и будущего движения намечалось послать одного члена правительства и рады. Правительство уполномочивало для этой экспедиции меня, казака ближайшей к Армавиру ст. Урупской, а Рада — своего секретаря А. А. Рябцева, казака ст. Убежинской, соседящей с Армавиром с другой стороны реки Кубани.

В день решенного оставления Армией ст. Успенской — 16 апреля — *мы уже распрощались с друзьями-приятелями и присоединились* к штабу Покровского.

Экспедиция была явно рискованным предприятием, во-первых по недостатку своих сил и, наоборот, по обилию сил противника первого рубежа, который нужно было преодолеть, ж.-д. линии Ставрополь—Кавказская и в дальнейшем насыщенность района враждебными силами — остатками все той же 39 дивизии.

Во-вторых, для нас с Рябцевым вверять свою судьбу такому

начальнику отряда, как ген. Покровский, так чуждому духу наших учреждений, было особенно рисковано.

Быч, прощаясь со мной, расцеловался дружески и с сердечностью сказал:

— От всей души желаю вам остаться целым и невредимым.

Но экспедиция наша не состоялась. Оказалось, что Черкесский полк отказался делиться так, чтобы одна часть его шла в одну сторону, а другая в другую. Главные силы Армии уже ушли из Успенской, а мы до темноты провели время в разговорах и переговорах с упорствующими всадниками и только уже ночью двинулись вслед за «главными силами» по направлению к сел. Горькая Балка, лежащему по другую сторону ж.-д. Тихорецкая—Царицын.

Мы подошли к месту перехода через полотно ж.-д. на восходе солнца, когда по сю сторону полотна дороги оставался лишь хвост обоза. Артиллерийские снаряды во множестве с шумом разрывались, но большевицкие артиллеристы как-будто тогда еще не умели хорошо стрелять, давали перелет.

На высоком холме, господствующем над местностью стояли густой группой люди с военными отличиями — несомненно — штаб Армии с развевающимся по ветру широким полотнищем трехцветного русского флага. Красивое зрелище умения рисковать [19]).

Покровский прорысил по направлению к штабу, и, видимо, доложил о своей неудаче, и, получив новое боевое задание возвратился к своей части и взял направление к месту боя. К нам же с Рябцовым прислали ординарца передать, что теперь мы свободны. Мы направились в селение разыскивать Раду. Большевики перенесли огонь на уходящий обоз, и, между прочим, осколком снаряда был убит член Рады Калугин и лошадь в радянской повозке. Сотрясением воздуха контузило и выбросило из повозки члена Рады Бугай, раненного под Екатеринодаром, и члена Правительства, раненного под Медведовской, А. А. Трусковского. Двое других, — офицер и член Рады, сидевших в задней части повозки отделались только испугом, впрочем одному из них осколок на-излете пробил шинель и дальше не пошел, застрял, — остался жив человек.

При въезде в селение наткнулись на тяжелую сцену казни четырех солдат, открывших стрельбу из крайних хат по обозу с ранеными.

Селение «Горькая Балка» — большевицки настроенное, неприязнь к «кадетам», была не только у мужчин, но и у женщин.

---

19) Впоследствии, при обратном движении на Екатеринодар, мы несколько дней оставались в ст. Ново-Покровской, казаки—жители ее рассказывали, что почти все они тогда были мобилизованы большевиками и в эту ночь были выставлены для охраны ж.-д. пути и, в частности, этого переезда:

— Сидим в окопах и слышим всю вашу «тамашу», а не стреляем, — почему так это вышло, — ума не приложить.

Думается, не было ли это результатом слишком сурового воздействия на «заблудившихся» при первом проходе по Ставрополью ген. Корнилова.

Нас боялись, нам оказывали услуги, но нас ненавидели в таких селах, как «Горькая Балка» [20]).

Из селения «Горькая Балка» мы перешли на кубанскую землю, юрт маленькой, крайней к Ставрополью, ст. Плосской.

Небольшая церковушка с наивно-вычурными позолоченными главами, зеленой крышей и белыми стенами.

Конь просится на траву.

Казаки нас принимали с услужливой суетой. Зерно для коней не утаивали, а сами предлагали нам. Людям — пышные хлебы и другая снедь. Когда через сутки оставляем станицу, с нами уходят немало добровольцев с лошадьми.

Восстание казаков на Дону здесь уже известно. Казачьи разъезды уже бывали в станице.

Приблизительно, на половине пути между станицей Плосской и селением «Средне-Егорлыцкое» — граница между Кубанью и Ставропольем.

18 апреля. Расцвет весны. Страстная седьмица. Свеже-зеленая Куго-Ейская степь усеяна весенними лазоревыми цветами. Солнце на закате. Тихий вечер. Собрались члены Рады, Правительства. Кое-кто пристал из проезжавших и проходивших мимо казаков. Прощание с родной стороной:

— Ты, Кубань, ты, наша Родина,
Вековой наш богатырь!...
Многоводная, широка-а-я.
Разлилась ты вдаль и вширь...

Басы нажимали низы. Тенора вытягивали, сколько было мочи, верхи.

Да. Люди живут не только рассудком, но и тем, что поднимает и уносит от бренности земной — иногда очень тяжелой.

---

20) При выезде из селения Горькая-Балка к радянской колонне подъехал М. В. Родзянко и выразил соболезнование по поводу потери при въезде в это селение двоих наших товарищей. Теперь он следовал при краснокрестном отряде своего сына. Часть офицеров-добровольцев демонстрировали неприязненое к нему отношение, неправильно комментируя его роль при крушении монархии. Он не забывал, что у нас он нашел укрытие в первый период по выходе из Екатеринодара.

В сумерках уже мы приближались к селению «Средне-Егорлыцкое» или по простонародному к «Лежанке». Движение медленное, ибо дорога пролегала по заболоченным местам. Едем, как всегда, по предварительной команде:

— «Справа по три, шагом марш». В первой тройке — Быч, горец Намитоков и я (лошади наши одинакового роста). Завязался разговор о ближайшем будущем и о более отдаленном. Со дня выхода из Екатеринодара никаких вестей из внешнего мира до нас не доходило. Только вчера в виде очень неопределенных рассказов жителей глухой станичонки до нас дошли скорее не сами вести, лишь неясное эхо от них, будто на Дону показались немцы, пришли со стороны Украины...

Л. Л. Быч, поработавший много лет в качестве муниципального деятеля первого плана в таком перекрестке групповых, национальных и классовых интересов, как г. Баку, передумал, видимо, немало и по вопросам, которые принято называть общегосударственными. Так вот он в середине апреля 1918 г. уверял, что немцы войну проиграют, — победителями будут союзники.

Когда наш разговор коснулся российских дел и заговорили мы о том, что привело нас на эту узкую дорогу по направлению к селению «Лежанка», Быч, намного старше нас обоих, его собеседников, повел речь как-будто об очень далеком от Лежанки, именно: о железно-дорожных тарифах в старой России, благодаря которым кубанскую пшеницу чуть ли не дешевле можно было подвезти по железным дорогам к портам далекого Балтийского моря, чем к портам близкого Черного моря, о непростительно легкомысленном пренебрежении к экономически-жизненным интересам окраин, которое допустило центральное (централистическое) российское правительство при заключении, например, торгового договора с Германией и т. д. [21]).

Разлад в старой России множился не только по линии политически сословной и классовой, но также и по линии экономической.

...В делании текущей краевой политики времени гражданской войны у нас с Л. Л. Бычом были различные устремления, но я знал, что, спускаясь поглубже от раздражающей политической повседневности, мы не так уж далеки были друг от друга.

...В Лежанке оказалось у добровольцев так же мало друзей, как и в селении Горькая-Балка. Селение встретило нас молчаливо, но потом состояние тревоги здесь не прекращалось. Большевики все время возобновляли атаку со стороны сел. Лопанского, при

---

[21]) В молодости Л. Л. Быч служил в Новороссийске в качестве Секретаря городской управы.

чем их артиллерийский обстрел был на этот раз довольно метким. Снаряды ложились близ штаба армии, а были и попадания, правда, без жертв. Выяснилось, что корректирование стрельбы производилось из Лежанки...

Простояли мы здесь среду, четверг, пятницу и утро субботы Страстной недели. В церковь сходились молиться заодно добровольцы и сельчане. Очень хорошее церковное пение, чтение Двенадцати Евангелий, вынос Плащаницы. А за церковной оградой стрельба, боевые страсти...

Из близлежащей станицы (кажется, Куго-Ейской) общество прислало приглашение Атаману и Председателю Правительства побывать у них в станице. Быч ездил и возвратился в самом лучшем настроении. Одновременно с ним пришла оттуда фура, полная всякой пасхальной снеди для раненых.

Утром в субботу большевики обстреливали уже околицу селения. Отступали двумя колоннами. Радянской группе дано было назначение следовать в авангарде левой колонны, держа определенную дистанцию от впереди следуемого за нею обоза раненых. Дистанцию выдерживаем исправно и к Светлой Заутрене поспеваем в донскую станицу Егорлыцкую.

Светлые ризы священнослужителей. Благолепие Пасхальной ночи. В церкви среди молящихся казаков — Алексеев, Деникин, Романовский. Под конец Заутрени является и Марков, в бурке с башлыком, повидимому, вырвался прямо с позиции.

Получены были сведения о взятии донскими казаками своего главного города Новочеркаска. Д. А. помогала восставшим казакам очищать станицы Задонья: Мечетинслую, Кагальницкую и др. Очистился путь к Новочеркаску и туда был отправлен обоз с ранеными.

Кубанское Правительство послало туда же П. Л. Макаренко с целью получения точных сведений о происходящем в Новочеркаске.

Освободившись от такого привеска, как обоз с ранеными, командование решило предпринять особый рейд снова на Кубань в район узловой станции «Сосыка» при станице Павловской с целью глубокой разведки в район накопления сил противника и пополнения запаса снарядов и патронов. Раде с Правительством предложено было следовать вместе с экспедиционным отрядом. При нем, впрочем, отправлялось и все командование, включая и ген. Алексеева.

Бои на станции Сосыка произошли быстро, сналету. Противника разгромили, но были и у нас потери, боевых припасов захватили не так много, как предполагали. Большевицкий отряд, с которым дрались, был сборный, повидимому, тот, которого оттеснили немцы из Украины.

Из ст. Павловской пришли ночным переходом в ст. Ново-Михайловскую и дальше, направляясь снова на Дон, проходили через кубанские старинные станицы Черноморского войска: Екатерининскую, Незамаевскую и др., — все это бывшие первые поселения — курени, которые были основаны по приходе бывших запорожцев на Кубань, во главе, с Чепигой, Головатым и другой казачьей старшиной. Названия станицам давались по именам куреней в старой Запорожской Сечи. Богатейший район, но теперь в гражданской войне вытаптывалась уже высоко от земли поднявшаяся зелень хлебов. Подступы почти к каждой станице изрыты окопами.

30 апреля Армия вернулась на Дон в станицу Мечетинскую и здесь расположилась на длительный отдых, принявшись чиститься и переформировываться.

Первый Кубанский — Ледяной — поход кончился.

ГЛАВА XXII.

В ст. Мечетинской мы оказались на таком перекрестке, где уже не слышно ружейной и пулеметной стрельбы, а отдаленный пушечный гул доносился не каждое утро.

У добровольцев и у нас, кубанцев, естественно явилось стремление, прежде всего, информироваться, что происходит на белом свете.

У добровольцев к этому было больше средств и возможностей, им легче организовать посылку нарочных. У них и еще одно данное, которое составляло их силу и их слабость. Это прежде всего имена виднейших генералов былой русской армии — Алексеев, наследник Корнилова ген. Деникин, Марков и др. А потом: Армия — носительница национальной идеи. Цель ее — общероссийское оздоровление и все это подновленное и подтвержденное выпущенной ген. Деникиным декларацией (в ст. Успенской), засвидетельствовавшей, что будущий государственый строй в России может быть установлен только «Всероссийским Учредительным Собранием».

К Армии тянулись разные элементы.

На улицах в ст. Мечетинской, уже в первые дни по нашем туда прибытии, я встретил одного знакомого из деятелей либерального сектора российской общественности, прибывшего в составе делегации города Ростова к командованию Д. А.

Делегация была составлена очень широко и включала известные

имена. Сообщения и настроения подобных делегаций, конечно, могли давать обильную пищу для умозаключений о происходящем за фронтовой линией Армии.

...В помещении правления ст. Мечетинской собрались на общее заседание генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков и др. Со стороны кубанцев — Атаман Филимонов, члены Правительства и Рады.

Ген. Алексеев, в качестве верховного руководителя Д. А. сделал подробный доклад о политическом положении России и о нашем положении в соотношении сил дружественных нам и враждебных.

— Россия продолжает оставаться во власти анархии.

— В отдельных ее центрах накапливаются антибольшевицкие силы и происходит их организация.

— Немцы господствуют повсюду, куда успели прийти — на Украине, на Дону, — как равно и там, где захватили влияние, — в Москве, например.

— Всюду стремление немцев направлено к ослаблению и расчленению России.

— Наша ориентация внешне-политическая может быть только союзнической.

Говорилось и об общем повороте русского народа в нашу сторону, — в сторону созидательного начала российской государственности.

Некоторая часть мыслей явно не договаривалась, ибо продолжительный опыт сношения с кубанцами через Быча и Савицкого приучил добровольцев не все договаривать в своих беседах с кубанцами.

Во вступительных словах при открытии собрания сквозило и другое: — вы провинциалы, мы центр, — начало высшее. Прямо это не говорилось, но в самом начале у ген. Алексеева вырвалось:

— Я разрешил это собрание, чтобы поставить вас в известность... и т. д.

Быч при первом же своем ответном заявлении дал на эту часть речи свою реплику:

— Мы — Рада и Правительство — не предполагали, что, находясь при кубанских частях, нуждаемся в особом разрешении, чтобы собраться и поговорить о насущных делах.

— Ну, это лишь неудачное выражение... Не будем говорить о разрешении или не разрешении, — заметил Алексеев в ответ на эту реплику.

Генералы Деникин и Романовский были очень сдержаны на этом собрании. Больше того: и тот, и другой дружно зашикали на ген. Маркова, когда тот вперебивку Алексеева, бросил фразу

в адрес знаменитого «В. И. К. Ж—Л». (Всер. Союз Жел.-д.): «Их половину давно нужно было бы перевешать...».

Деникин и Романовский поспешили замять неловкость:

— Что такое?... Как же это можно?...

А тот свое:

— Повесить лишнего человека никогда не мешает...

...В кубанской среде, как всегда, по разному воспринималось то, что исходило из добровольческой среды.

Черноморцы меньше боялись реакционности генералов, но больше опасались их централистических устремлений.

Мы — линейцы, наоборот, больше боялись рекации. Идея же единства России была и нашей руководящей идеей, добровольческая интерпретация ее тогда нас не очень пугала.

Если среди добровольческих генералов оказался бы тогда человек с бóльшей широтой политического мышления, способный легче преодолевать шоры старой военной школы, то им не трудно было бы найти правильный тон во взаимоотношениях, как с кубанцами, так и с другими кругами окраинной и внутрироссийской общественности.

У добровольческих генералов, преодолевших затруднения «ледяного» похода, был значительный шанс на выдвижение на первый план.

— Вожди героев, сами — герои.

Кто видел красоту их риска собственной жизнью в наиболее тяжелые моменты похода, красоту их риска под широко развевающимся полотнищем трехцветного флага, тому ненужно было бы доказывать, что в служении России они не ищут удовлетворения суетных лично-житейских желаний. И само трехцветное знамя их подвигом очищалось бы от наносного пепла старой реакции и могло бы приобрести новый блеск знамени Родины, Свободы и Народоправства.

Те темные пятна, которые брызгами упали на знамя, могли бы быть поняты, как неизбежное зло походной действительности.

Но... шанс не был использован.

...С путей, пройденных нами с добровольцами стали притекать в Армию не только одиночные казаки и разрозненные группы их, но и целые отряды.

Так, после нашего прихода в ст. Мечетинскую, член Рады Ковган привел туда значительный отряд казаков-повстанцев. Потом сотник Павличенко, офицер военного времени (бывший вестовой у ген. Улагая), привел отряд численностью до полкового состава.

Командование Д. А. эти отряды спешило расформировать и людей обратить на пополнение своих частей или образовывало из

них новые добровольческие части, как, например, Конный Кубанский Корниловский полк.

...От посланца Быча П. Л. Макаренко, наконец, поступили сведения из Новочеркаска, что существует самостоятельная Украина со своим гетманом во главе, что Дон тоже хочет быть самостоятельным, но что в Киеве и Ростове — немцы.

В помещении какой-то пустующей лавчонки собрались члены Рады и Правительства, чтобы обменяться мнениями по поводу этих новостей.

Возник обычный кубанский спор об общих ориентациях и о направлении действий в ближайшее время.

Заявление председателя Быча сводилось к следующим основным положениям:

I. В центральной России установился хамодержавный режим совета народных комиссаров, на смену коему, вероятно, придет монархия, которой мы являемся решительными противниками;

II. Кубанская Краевая Рада объявила Кубанский край самостоятельным государственным образованием, организованным на демократических началах, тип народной республики;

III. Подобная форма государственного образования устанавливается на Дону и на Украине. Она раньше уже установилась в Закавказье, где образовались демократические национальные республики — Грузинская, Армянская, Азебайджан. На юге России могут быть образованы и другие подобные республики;

IV. Мы будем счастливы, если юг России, в том числе и Кубанский край, явятся опорой для воссоздания в России справедливой и разумной власти;

V. Чтобы ускорить этот процесс, чтобы помочь выявиться там (в центре России) независимой и свободной народной волне движения, нам нужно создать на юге крепкий и прочный союз самостоятельных государственных образований, путем объединения в первую голову народов Кубани, Дона, Украины и Закавказья;

VI. Наша внешняя ориентация определяется наличием двух для текущего момента данных: — а) мы не можем рассчитывать на какую-либо помощь со стороны наших бывших союзников, вероломно, однажды, преданных в трудное время народными комиссарами в Брест-Литовске, бывшие враги — Германия и Австрия — глубоко вторглись в пределы России и вести с ними войну мы не можем, поэтому необходимо установить с ними взаимоотношения, гарантирующие неприкосновенность и свободу наших государственных образований и целость народных богатств [22]).

---

[22]) Приведенные положения Быча см. в книге: «Кубанец. От Екатеринодара до Мечетинской».

Экспансивный член Рады Манжула тут же раскрыл осторожные формулы Быча следующим образом:

1. — У москалiв або царь, або хам.

2. Хочь з нiмцем, хочь с чортом, — аби з Нэнькой-Украiной.

Ставить знак равенства между заявлениями Быча и Манжулы нельзя было. Мы — линейцы — и не собирались это делать, но что по общему чаянию они близки, это для нас было очевидным. К тому же мы припоминали, что третий член их группы Бескровный, нечто подобное уже говорил в последние дни нашего сидения в Екатеринодаре.

Возражая по первому тезису Быча, мы указывали на декларацию Деникина от имени Д. А. в ст. Успенской о непререкаемой воле Всероссийского Учредительного Собрания для определения будущего государственного строя России и мы подчеркивали, что это требование выражает волю большинства русского народа и нас, казаков.

По другим пунктам заявлений Быча, мы, уточняя его недомолвки, подчеркивали:

1. Что объявление Кубанской Радой Кубанского Края независимым государственным образованием было вынуждено временно-создавшейся обстановкой, а республиканская основа построения в нем власти явилась результатом общего пореволюционного сознания населения не только нашего краевого, но и всероссийского. Следовательно, предугадывать, что в России после большевиков непременно должна возродиться монархия пока оснований нет.

2. Что в высшей степени желательно, чтобы на Дону, на Украине и во всех других частях освобождающейся от большевиков России местная власть организовалась бы по тому же принципу, как и у нас — наша обязанность, согласно утвержденной Радой политической программе казачества, стремиться к объединению частей в общий Союз — в Общероссийскую Федерацию.

3. Что касается «внешних» ориентаций, то мы обращали внимание:

а) что у нас нет данных судить о намерениях старых союзников,

б) что касается немцев, то проникновение их до гор. Ростова, является, повидимому, непреложным фактом, и очень важно было бы определить, какие их дальнейшие намерения; чтобы разговаривать с ними, необходимо иметь за собой хоть какую-либо силу, но у нас она только начинает сейчас заметно накопляться, но по соглашению в ст. Ново-Дмитриевской наши военные части находятся в непосредственном подчинении у главного командования Добровольческой Армии. От имени кубанцев это соглашение, кроме подписи В. Ат-на, подписано Предс. Пр-ва Бычом и Предс. Рады Рябоволом.

В результате споров в этой пустующей лавке мечетинского торговца была принята следующая резолюция (3 мая 1918 г.):

Кубанская Законодательная Рада полагает:

I. что первым и основным заданием Кубанского Пр-ва должно быть, как и раньше, очищение Кубанского Края от большевиков и других анархических элементов и восстановление на его территории государственного порядка.

Для этой цели необходимо продолжение героической деятельности *Добр. Армии при полном сотрудничестве Кубанского Правительства с нею.*

Принимая во внимание тот факт, что оздоровление и возрождение Российского государства невозможно без предварительного установления порядка на юге, Рада высказывает пожелание, чтобы Д. А. совместно с кубанскими войсками приступила в первую очередь к освобождению от советской власти Кубанского Края.

II. *Что касается отношений с Австрией и Германией в связи с занятием немецкими войсками Ростова на Дону,* то Рада находит, что в данный момент вооруженная борьба с центральными державами невозможна и вместе с тем полагает, что во имя свободы и независимости Кубанского края необходимо использовать все средства, чтобы избежать проникновения немецких войск на краевую территорию вопреки воле Кубанского Правительства.

III. *Для успешной борьбы против анархии и установления необходимых отношений с Украиной и Германией потребно полное* единение с Доном и другими государственными образованиями.

IV. Для установления союзных отношений с Доном и выяснения немецкого движения, а также определения отношений с Украиной, — Рада полагает необходимым послать делегации в Новочеркаск, Ростов и Киев, выдавши им соответствующие полномочия.

Таким образом далеко бьющий с широко-государственным охватом доклад *Л. Л.* Быча, с шутовской интерпретацией его Манжулой не увел в заманчивую даль воображение членов Рады. Реальность обстановки мечетинского перекрестка еще ненаезженных по весне дорог приковывала и диктовала сугубо практические решения.

*Новочеркасскую делегацию возглавил Быч, при чем на некоторых из членов была возложена также задача производства раз*ведки в Ростове. Особое внимание Рада уделила составу Украинской делегации, основным стремлением было установление в ней равновесия сил. В нее назначили из черноморцев — Председателя Рады Н. С. Рябовола и другого видного члена «спилки» К. А. Бескровного, в противовес им из линейцев определили меня и П. М. *Каплина (члена екатеринодарской группы партии ка-де), остальные двое, в качестве нейтральных в делегацию были избра*ны: горец Султан-Шахим Гирей и Г. В. Омельченко, по происхождению черноморец, но в те времена державшийся наших взглядов.

Добровольческое командование, под наблюдением которого находился район от ст. Мечетенской к Дону, проявило большую

предупредительность: дало распоряжение о средствах передвижения, о помещениях на остановках и об охране.

Ужасные картины разрушения пришлось видеть в донских станицах. В ст. Когальницкую приехали, еще дымились разбитые и зажженные две церкви. По рассказам казаков, свирепствовала здесь «Маруся Никифорова» [23]).

Из Кагальницкой один раз выехали и пришлось вернуться обратно, так как путь не был свободен от большевиков. На другой день между станцией Хомутовской и Ольгинской издали заметили группу всадников, несомненно «разъезд», но чей? Наш или противника? Видим, что разъезд стал от нас удаляться, значит, противник. В объезд возвышенности поехали целиной по степи. Подъехал к ст. Ольгинской с другой стороны, на кургане группа людей в касках, недалеко от кургана трупы убитых. Незадолго до нашего приезда здесь разыгрался бой между большевиками и... немцами, уже переправившимися через Дон.

Мост разрушен. Дон бурлил весенним половодьем. Вечерело уже. Бросились искать лодочников, чтобы перевезли на тот берег теперь же. Но, на ночь глядя, никто не согласился. Ночь провели на берегу на камышевых снопах вместо подстилки. Неподалеку немецкий пост. Как только кто попытается отойти подальше от своего логова, тотчас окрик: — «Halt!»

Рано утром обежали ближайшие дворы и нашли лодочника. Так хотелось поскорее уехать от немецкого соседства, что не осмотрели, предварительно, лодку. В плавании уже определилось, что она была мала для нас шестерых с нашими сумами и двумя гребцами, а, главное, она бессовестным образом давала течь и, несмотря на беспрестанное вычерпывание ковшами воды, уровень ее в лодке повышался. Вопреки ожиданию, все обошлось благополучно, и мы причалили к другому берегу поблизости от ж.-д. ст. «Аксай». Пришлось долго ждать поезда. К нам успели подъехать члены других наших делегаций и Атаман А. П. Филимонов. Председатель Пр-ва Л. Л. Быч не очень старался держать Атамана в курсе дел Правительства и Рады и о нашей делегации на Украину Атаман узнал, кажется, только в дороге. Это его очень взволновало и он даже стал нам угрожать, что он не подпишет никакого со-

---

23) Старый казак, владелец дома, где мы остановились, рассказывал, как к его лбу красноармеец уже приставил ствол, чтобы пристрелить, да спасибо пасынок, тоже красноармеец, в это время подбежал и отвел в сторону ствол.

— Стой, что ты делаешь? Это наш дед...

У деда и повадка вся старо-казачья и выговор... Улыбка и выражение глаз... Старик уже заглянул в глаза смерти.

глашения с Украиной, если своевременно он не будет предуведомлен о его содержании. Мы его уверили, что едем с информационными целями и совсем не собираемся заключать договоров. Человек он был покладистый, тут же быстро успокоился. В Новочеркаске в одинаковой мере с Бычем возмущался А. П. Филимонов поведением Донского Атамана Краснова: — продержал Кубанского Атамана и Председателя Пр-ва в своей приемной все время, пока длился прием других, а их принял только на другой день.

Это был восход звезды генерала Краснова, незадолго перед тем избранного Атаманом на Кругу Спасения Дона, и теперь он был занят составлением конституции Всевеликого Войска Донского, его гимна, герба и пр. Он уже отправил в Киев своего посла, устанавливавшего там прямые сношения с представителями немецкого командования и даже налаживавшего таковые с самим императором Вильгельмом. Сношение с представителями «бродячей кубанской краевой власти» для него было очевидно делом маленьким... От ничтожных причин, от ничтожнейших генеральских амбиций зависело тогда собирание сил!

Наша киевская делегация задерживалась в Новочеркаске из-за выправки необходимых документов, из-за того, что получались неблагоприятные сведения о неналаженности сообщения, и главное же — у нас были свои трения: два претендента на звание головы делегации: Рябовол — председатель Рады, я — Краевой контролер и член правительства. Для меня это не вопрос амбиции, но пустить Рябовола в украинскую среду в качестве безоговорочного главы делегации представлялось опасным. Рябовола же соотношение сил в делегации нервировало, за меня могли проголосовать Каплин и Омельченко; у него верный голос только Бескровного. Горец Султан-Шахим-Гирей мог по горскому обыкновению сыграть в нейтралитет при соперничестве казаков и воздержаться от подачи своего голоса.

В дело вмешался, наконец, Быч. Однажды вечером после совместного совещания по вопросу, не имеющему к нашей делегации отношения, он вдруг поставил ребром вопрос именно о ней:

— Что же вы медлите, не выезжаете? Вы еще не сорганизованы, у вас нет головы делегации...

Рябовол тут же объявил, что откажется от участия в делегации, если не он — Председатель Рады — будет избран головой делегации. Я заметил: если вопрос только в престиже Председателя Рады, то с моей стороны нет возражений против избрания Н-я С-ча головой делегации, но мы должны условиться, что он в качестве головы делегации не будет делать ответственных выступлений без получения предварительного согласия на то всей делегации.

Н. С. Рябовол открыто заявил, что такие условия он принимает. Мы выбрали его Головой делегации и вскоре выехали из Новочеркаска.

ГЛАВА XXIII.

Вид у нас был очень неказистый: одеты в плохо-пригнанные черкески, на головах кудлатые старые шапки, на ногах смазные сапоги, вместо чемоданов переметные сумы, — внешность совсем не дипломатической миссии.

Наши испытания начались уже в Екатеринославе. Всюду немцы: надменные, нелюбезные; без их пропуска шагу нельзя ступить. Только с их разрешения можно получить комнату в гостинице, тем паче получить билет на дальнейшее следование к Киеву. При входе во всякую канцелярию вас, прежде всего, осмотрят с ног до головы, и, конечно, наши шапки и сапоги нас плохо рекомендовали.

Круто пришлось нашему «Голове», человеку экспансивному и близко к сердцу принимавшему горести и унижения «нэньки — Украины». А по существу трудно было придумать другой более действенный способ, чтобы дать понять унижение национального достоинства (более достигающий своей цели), как именно поставить страну в зависимость от немецкого майора.

И еще. Австрийские немцы, — а в Екатеринославе были именно они, — поощряли спешную украинизацию вывесок магазинов, оф. переписки и т. д. На каждом шагу можно было наблюдать, какие карикатурные формы принимала эта внешняя украинизация!.. Разговор, например, русских евреев, начинающих «балакать» на украинской мове. — Мое вам приветанье! — приветствует, например, такой негоциант другого, присаживаясь к нему за столик в кафейне, и оба хохочут, — акцент же их «мовы» неподражаемый, именно, чисто еврейский.

Словом, из Екатеринослава мы выехали с весьма притушенным даже у Бескровного и Рябовола — энтузиазмом в отношении украинской «незалежности» того времени.

Киев тогда, болезненно изживая развал Юго-Западного фронта Великой войны, в то же время успел произвести несколько смен своего украинского правительства, организовавшегося то на базе федерации в пределах общероссийской государственности с правительственным «генеральным секретариатом, под председательством пана Винниченко», то на базе «окремной» украинской «незалежности» (с коалиционным правительством ес-ера Голубовича) при реальной опасности потерять не только «незалежность», но и всякую возможность «окремного» государственного

существования, когда Киевом овладел большевицкий главковерх Муравьев с небольшим, сравнительно, отрядом воинства, а «Центральная Рада», — не парламент, составленный на основе выборного народного представительства, а как-бы особый политический клуб общественных деятелей, самопроизвольно признавших себя полномочным коллективом для направления политики страны, — она, эта Рада, *вместе со своим правительством принуждена была перебраться в Житомир, а потом в Сарны, через Коростень и т. д.*, где этот «уряд» «Украинской Народной Республики» встретился с немецкими войсками, которые, согласно хроникеру местных событий того времени [24]), «енергійно повели наступ» на Украйну, отказавшись, однако, давать какие-либо объяснения своих действий этому всеукраинскому «Уряду», с делегацией которого, тем не менее, они на «мирной» конференции в г. Бресте только *что заключили МИР «без аннексий и контрибуций»*... Украинский правительственный «Уряд» (Правительство) *лишь* спустя некоторое время был уведомлен, что это его делегация на мирной конференции в г. Бресте пригласила («закликала») немцев стать на оборону Украины и уведомила, что «для того, щоб скоріще вигнати розбишак (большевиков) і дати лад та порядок» своему краю, она «закликала» немецкое войско «допомогти» им в этой роботе»...

Здесь *нужно отметить* те *основные «божання» (желания)*, которые связывали украинские политики из Центральной Рады и Правительства с приходом немцев.

Не однажды делал заявления сам старый почетный председатель Ц. Р., историк «Україні-Русі» М. Грушевский.

Он дал пространное, но довольно путаное официальное «повідомлення».

«В немецких политических кругах, — писал он, — издавна было «бажания», чтобы Украина выделилась в самостоятельную сильную державу. Они считали это полезным для Германии. Уже «во время войны немецкое правительство принималось при помощи своих инструкторов учить пленных украинцев «осведомлять их со стороны национальной», подготовлять украинские полки, которые после войны могли бы стать на оборону Украины. И это не *делалось без ведома украинских политических деятелей, так как эти последние были сторонниками лишь мирного разрешения* украинского вопроса в России. Сами же немцы думали, что мирно украинский вопрос не разрешится, и их мнение «оправдалось»...

Теперь украинское правительство думало «пригодать собі ті украинські полки з полонених», что формировались в Германии. Оно полагало, что обойдется со своим войском за с помощью этих *украинских полков и галицийских сичивых стрельцов*, которых

---

24) См. Павло Христюк. «Замітки і Матеріяли». 1917-1920 г.г., т. II. 1921. Вена, IX. Страницы: 139-142.

полагало получить с Галиции»... Но так как эти расчеты не оправдались, а «наше правительство оказалось в необходимости спешить с очищением Украины от большевиков, чтобы настал лад и не пропала бы весна для работы в поле», то правительство «увидело себя обязанным принять помощь от немцев, которую те «зараз» по подписании трактата (очевидно, — мирного договора — в Бресте), Украине и подали...». «В интересах Неметчини, щоб Україна була самостійна і сильна, і вони помогають нам для цього». Войско им самим нужно и поэтому их полки останутся только до тех пор, «пока они будут нужны нашему правительству для очищения Украины». «Ім наказано не трабувати, не кревдити українску людність, бо німецке правительство хоче..., щоб українска людність дивилась на Німців, як на своїх приятелів»...

В свою очередь Председатель Правительства Голубович в не менее розовых красках рисовал отношения немецкого командования к Украинскому Правительству, — «відношення співробитництва», т. е. отношения сотрудничества:

«Німецьке військо, як дружне», не вмешивается во внутренние «хатні справи» У. Н. Р.»... Даже... Що — до реквізиції хліба, худоби» и других продуктов», то немецкие войска совершают это «не для вивозу в Німеччину», а для потребностей своего походного положения, выдавая при этом «квитки», по которым будет платить украинское правительство»... «Враги наши пускают лживые слухи, будто бы немцы хотят забрать с Украины весь хлеб», но согласно с договором, который подписала Украинская Республика с Неметчиной, «мы продаем немцам только лишок нашего урожая, не уменьшая потребностей нашего населения и своего сельского хозяйства...».

«В заключение могу сказать», — писал Голова Рады Народных Министров, — «что на мою думку, при нашей организованности, дружные отношения с могучею немецкою державою принесут лишь пользу молодой Украинской Республике...» «поставлять її наравні з иншими великими державами».

Наконец, 1-го марта (в день рождения Тараса Шевченко), было опубликовано особое «оповещение» и от самой Центральной Рады», к слову сказать, наиболее путаное. Центральным местом в нем является тот же момент, о приходе на Украину немцев:

— Хотя украинское войско, верное Центральной Раде, «завзято» билось с большевиками, но, видя, что борьба затягивается и что своими силами нельзя будет скоро выгнать из Украины врагов и завести лад, а весна подходит и для работы должен быть лад и порядок, Рада постановила принять «допомогу нових замирених сусідів — Нимеччини й Австрії», «чтобы с помощью их войска как можно скорее очистить наш край».

«Враги нашей воли по этому случаю «почали лякати» (пугать) людей, что теперь «с приходом немцев на Украину — конец украинской воли и конец свободы». «А це неправда».

«Німці... приходять як наші приятелі і помощники, на короткий час, щоб помогти нам в скрутну хвилину нашого життя» и не имеют намерения в чем-нибудь изменить «наші закони, и порядки, сократить самостійность и суверенность нашей республики»... [25]).

Так, может быть, с какою-то затаенною мыслью, а, может быть, с какою-то странною наивностью, веря в какую-то особую благо-*склонность немцев к Украине, Грушевский со своими близкими* усыплял и свое и народное внимание и ткал неразрывные тенета для народа.

А немцы, сыграв «в дружбу» с Украинской делегацией на «мирной конференции» в Бресте, подписав с нею «мирный» договор «без аннексий и контрибуций», появились на Украине со своими *войсками и, выгнав большевицкого главковерха Муравьева, принялись* наводить свой немецкий порядок на Украине.

Они разделили между собою «зоны влияния». — «Австрийцям було віддано південь України», — отмечается к книге П. Христюка [25]). Значит, Германия удовлетворилась Севером.

В том же месяце, которым датировано оптимистическое «опо-*вещение» Центральной Рады к громадянам Украины о «приятелях»* немцах, именно уже началось «явне втручення німецького командування у внутрішні справи Республики». (См. там же, стр. 163). Тюрьмы начали переполняться «громадянами» У. Н. Р., осужденными немецкими и австрийскими военными судами. А *когда министр юстиции Ткаченко на это ответил «гострим циркуляром» к прокурорам окружных судов*, указывая, что «чужі суди не мают сили в У. Н. Р.», то именно не только этот циркуляр эту «силу» потерял, но и сам Ткаченко был убран со своего поста и заменен более покладистым паном С. Шелухиным, который должен был суметь *«загладити негарне враження від цього циркуляра»*. Немцы стали производить самочинно реквизиции хлеба и фуража, дело часто доходило до вооруженных конфликтов с населением, что кончилось общим немецким террором.

Вмешательство немцев во внутренние, даже бытовые дела Украины дошло до издания главнокомадующим немецкими войсками маршалом Эйгорном циркуляра «с силой местного закона» об *обязательных условиях весеннего засева населением своих полей*, при чем было указано, что местное (немецкое) земельное законодательство должно проводиться на двух языках: немецком и украинском.

25 квітня (апреля) фельдмаршал Эйгорн издал новый наказ о введении на Украине немецких военно-полевых судов. 26 квітня *ночью немцы обезоружили в Киеве украинскую «синюю» дивизию.* (Она составлялась из бывших в немецком плену украинских сол-

---

25) См. там же, стр. 140.

дат. См. выше), 28 квітня конец всему положил немецкий майор, который ворвался в Центральную Раду с сотнею своих «озброених багнетами» (вооруженных штыками) солдат и скомандовал всем присутствующим «руки вверх»... Власть У. Ц. Р. под руководством старого Грушевского, таким образом, кончилась.

В это как раз время в Киеве происходил съезд «українських хліборобів», руководство на котором принадлежало, — по словам хроникера, — г. г. Шемету и Донцову (см. там же, стр. 174). По инициативе этих лиц (будто бы) Съезд Украинских хлеборобов «совместно с интернациональной буржуазией Украины» провозгласили генерала П. Скоропадского «гетманом всей Украины» 29-го апреля 1918 г.

ГЛАВА XXIV.

За короткий срок своего стояния во главе взбаламученной Украины гетман Скоропадский успел уже, не однажды, обновить свой кабинет министров.

Когда мы прибыли в Киев, то министром Закордонных Справ (Иностр. Дел) был пан Дорошенко, красивый брюнет, очень хорошие манеры, приятный голос, — молодой русский ученый (историк). Наш Бескровный был с ним семейно знаком. Мы ходили в его министерство запросто и полагали, что в его лице мы имеем своего доброжелателя.

Председателем Правительства был Лизогуб, очень скромный на вид, и в лице всегда настороженность и как-будто перепуг. Военным Министром был почтенный генерал русской армии, склонный к полноте ген. Рагоза.

Все как-будто стремились выполнять свои роли так, чтобы не слишком бросалась в глаза их маскарадность.

Однако, член нашей делегации Каплин побывал у видных членов партии ка-де, проживавших тогда в Киеве и пришел от них со сведениями, что, по их мнению, никакой другой власти сейчас в Киеве установить нельзя.

По моменту самому главному, — организации своей национальной армии — у гетманского правительства ничего не выходило. Было достаточное количество офицеров, согласных вступить в украинскую армию, в приемной министра Рагозы, мне приходилось видать не малое число видных генералов б. российской армии, но дальше составления списков будущих кадров, дальше формулировки будущих титулований чинов, отличительных знаков на их погонах и воротниках и т. д. — дальше всего этого дело организации Армии пока что не пошло. Господа положения

— немцы — дальше этой забавы не позволяли итти гетманскому правительству.

В синема, в кофейнях, в пивных буянили распущенные толпы сине- и серо-жупанников, надежды оппозиционного украинского общества, как будущая основа национальной украинской Армии.

В кругах, близких к гетману, говорили об организации казачьего войска по типу Кубанского. Но сколько времени нужно, чтобы образовалось такое Войско, в этом не отдавали себе отчета или сознательно тешили себя сомнительными мечтаниями.

Нам была назначена аудиенция у гетмана.

К нам он вышел в кубанской черкеске черного цвета и в белом бешмете, на газах левой стороны — офицерский «Георгий», сзади гетмана адъютант — кубанский офицер, с декоративно брошенным башлыком за плечами [26]).

Генерал Скоропадский — Гетман — по манере держаться, по интонации голоса — скромный симпатичный член общества.

Краткую «промову» перед нами он произнес по-украински.

На «мове» же ему отвечал наш Голова Н. С. Рябовол.

Когда же Гетман, после обмена торжественными речами, пригласил нас в ту часть зала, где стояли мягкие кресла, и сам сел между нами, то тут говорили и по-русски, и по-украински, — опять он показал себя приятным и внимательным собеседником. Бескровный, когда мы вышли, очень похвально говорил о нем, в особенности, приятно был удивлен, что царский генерал и так скоро постиг родную «мову».

Гетман устроил в нашу честь завтрак, на котором, кроме нас и гетманских министров — Лизогуба, Дорошенко и Рагозы — присутствовали и члены «дипломатического корпуса», фактически, чины австрийской и германской миссий в военных мундирах.

Меню завтрака состояло из национальных кушаний — колбасы, селянки и пр. — все очень скромно.

За шампанским гетман снова произнес краткую промову, но теперь включал в нее и практическую ноту, пообещав помочь Кубани, чем только можно.

Опять Рябовол ему отвечал, благодарил за готовность помочь и подчеркивал родственную связь Кубани с Украиной, что создает почву для плодотворного сотрудничества. В своей «мове», Рябовол сделал какую-то ошибку, за что его упрекнул по выходе из дворца К. А. Бескровный.

Рядом со мною за столом сидел пан Дорошенко, с ним у нас завязался разговор о будущем торговом обмене Украины с Кубанью.

---

26) Башлык в кавказской одежде кубанцев имеет назначение, как капюшон в европейской, для укрытия от дождя, от холода. Поэтому при входе в закрытое помещение он снимается вместе с другой верхней одеждой и оставляется в передней; в комнаты, в зал и т. п. кубанцы не входят с башлыком за плечами.

Немцы очень внимательно прислушивались к речам и разговорам, но сами молчали, и дружно вставали, и поднимали бокалы, когда провозглашалась здравица Украине и Кубани.

Ни гетман, ни мы никаких прямых обращений к нашим сотрапезникам не делали.

Генерал Рогоза после завтрака сообщил нам, чтобы мы по интересующему нас вопросу о военном снаряжении обращались в военное министерство к нему лично или к его помощнику ген. барону Лигнау.

Нам показалось все это устраивающим нас как нельзя лучше, — нам не нужно будет обращаться непосредственно к немцам.

С общего согласия, я несколько раз ходил в военное министерство к барону Лигнау, почтенного вида генералу: умное лицо, прекрасно говорит по-русски, выспрашивает подробности нашей просьбы, делает заметки и каждый раз обнадеживает, что просьба наша скоро будет удовлетворена. В зале перед кабинетами Рагозы и Лигнау, занимающих смежные две комнаты, всегда почти все места заняты русскими генералами и полковниками, ожидающими своей очереди. Меня принимал Лигнау всегда вне очереди и тотчас же, как ему доложат о моем приходе.

Один только раз попросили немного подождать. Адъютанты министра в то утро проявляли сверх-обычную суетливость. Вдруг и сам ген. Рагоза выскакивает из своего кабинета, поспешно проходит через зал ожидания и самолично распахивает входную дверь; оттуда появился немецкий генерал невысокого роста, гордая осанка, чуть заметно наклоняет голову в ответ на поклоны поднявшихся с мест русских генералов, бывших в ожидании, и мерным шагом, вслед за семенящим перед ним Рагозой, направляется к двери кабинета...

— Фельдмаршал Эйгорн!

Он недолго оставался у министра. Вышел и, с такой же величественной осанкой, обратно проследовал через зал ожидания, опять еле заметно кивнув поднявшимся со своих мест русским генералам. Министр ген. Рагоза и его помощник ген. барон Лигнау стали продолжать свой прием...

В Киев прибыла делегация Московского Совета Народных Комиссаров на мирную конференцию для установления границ между «Россией» и «Украиной».

Во главе российской делегации прибыл Христиан Раковский, во главе украинской был пан Шелухин, бывший раньше, кажется, до войны председателем одной из южных судебных палат.

Интерес наблюдателя заставил нас пойти в канцелярию украинской делегации и попросить разрешения на вход в качестве публики на эту конференцию.

Канцелярия выдала пропуск довольно охотно и канцелярист тут же позлословил по поводу состава «русской» делегации: в ее составе «сорок семь членов, из них тридцать восемь еврейского происхождения».

Эта «российско-украинская» конференция была замечательным явлением киевской жизни того времени.

Начать с того, что министерского пропуска на нее оказалось недостаточно, — нужно было получить еще разрешение немецкой комендантуры того здания, где происходили заседания конференции. Караул в нем держали немцы.

Главы делегаций изъяснялись — каждый — на своем «природном» языке, Раковский — на «русском», Шелухин — на украинском. Речь каждого тут же переводилась собственным переводчиком на язык соответствующего контр-агента.

Язык Христиана Раковского, конечно, требовал и своего особого переводчика [27]).

Ряд стульев вдоль стены занимали сплошь немцы.

С первого же заседания стало видно, что переговоры затянутся бесконечно... пока граф Мирбах в Москве, а барон Мум в Киеве не получат из Берлина предуведомления, что пора кончать... Так думалось поначалу, фактически же вышло несколько иначе... Под прикрытием дипломатической неприкосновенности многочисленный штат миссии делал свое дело пропаганды...

...Однажды часов в 10 утра внезапно раздался звон бьющегося стекла. В гостинице посыпалась штукатурка и в первый момент показалось, что все здание рушится.

Обитатели гостиницы бросились наружу. То же самое произошло в зданиях по соседству. В иных кварталах произошли обвалы, пожары.

Выяснилось после: произошел за городом взрыв артиллерийских складов.

В Киевском обществе наблюдался разлад.

Гетман Скоропадский делал явное усилие, чтобы добиться благорасположения к себе украинских национальных кругов, но ему это туго давалось. Помню его на концерте национальных «спiв».

Хор великолепный. Лучшие музыкальные силы в нем. Песни поются одна другой лучше. Исполнение инструментальной части концерта также великолепное. Весь киевский бо-монд в зале. Скоропадский в неизменной черной черкеске, в белом бешмете, при георгиевском кресте на груди, без всяких других оказательств его чина и положения, присутствует в зале, занимает литерную ложу сейчас же около сцены. Он оказывает всякое внимание исполнителям, он подчеркнуто свидетельствует, что пришед сюда, он тоже

---

27) Такая фраза Раковского, как: «Я вже вижу, что ваш юрисконсульт махает головой» — была очень типична для «русака» — румынского еврея...

интересуется национальным творчеством. Но общество холодно к нему. Порыв остается неразделенным.

Сын полтавского мещанина Симон Петлюра — Председатель Киевской Земской Управы и «Голова Спілки Земств», успел уже побывать при новом режиме в тюрьме, скоро, впрочем, выпущенный, демонстративно подчеркивает неприятие мира после войны.

В социалистически-радикальных кругах установился взгляд, что настоящее обезличение Украины является результатом непопулярности гетманской реакции.

Лично я познакомился с Петлюрой несколько позже на вечернем собрании, где делался доклад вновь назначенным послом в Болгарию молодым Шульгиным. В перерыве у меня с Петлюрой произошел недолгий интересный разговор. Несомненно человек с большим самомнением. Павло Христюк, книга которого здесь не однажды цитирована, дал очень нелестный отзыв о деятельности Петлюры в должности Генерального Секретаря «війскових справ»... сумел «зробити тільки одно: повернути цю велику справу в трагікомічний фарс з бучними парадами», разноцветными шлыками на казацких шапках...; производилась лишь «бутафорна украінізація армії», а когда пришло время пустить в дело украинскую армию, то ее не было. (См. там же, стр. 120, т. II).

На том же собрании ко мне пристал подозрительный субъект, предлагавший свои услуги, чтобы ближе познакомиться с Петлюрой и переговорить с ним по какому-то очень важному делу. Этот субъект приходил потом ко мне в гостиницу и рассказывал «под большим секретом», что на Украине работает мощная конспиративная организация в пользу «союзников», располагает значительными средствами и что в ней работает Петлюра.

Я попросил, чтобы этот тип больше ко мне не приходил.

Но на Украине, действительно, начались вскоре выступления крестьян против немцев, когда последние в силу договора с гетманским правительством, приступили к заготовке зерна в деревнях. Все это совпадало с рассказами подозрительного субъекта.

Немцы подавляли сопротивление, не щадя мужицкой крови. Петлюра, конечно, должен был отдавать себе отчет, к чему может привести игра в союзническую ориентацию на крестьянской спине... за тридевять земель от союзников.

И еще была одна гримаса тогдашней украинской действительности.

Около нас еще вертелся какой-то сомнительный субъект ниже среднего роста. Этот был ориентации Василия Вышиванного [23]) и

---

23) Василий Вышіваний — принц Габсбургского дома, тогда будто-бы лансировался, как кандидат на престол Украинской державы.

оказался близким к монастырским кругам. Почему-то К. А. Бескровный посоветовал мне пойти в Лавру и познакомиться с живущим там епископом Василием. Большого роста, непомерно тучный с хохлацкой повадкой речи. Не однажды в разговоре повторял:

— Я дуже-дуже божаю кубаньски співы...

Как я понял, это был заранее припасенный кандидат на Кубанскую Епископскую Кафедру. Пришлось грубо оборвать беседу с Владыкой и поспешить расстаться с ним. Бескровному я после закатил большой выговор, что так небержно относится к моему времени.

За нами ухаживали в украинском обществе. Между прочим, присылали почетные билеты в театр.

Был круг украинских сценических деятелей, пытавшихся создать в Киеве свой театр, подобный Московскому Художественному Театру. Мне пришлось быть на представлении пьесы Винниченко: «Білий Відмель та Черна Пантера». Недурно, но далеко до театра Станиславского.

А в другом театре, которому покровительствовала жена министра Дорошенко, культивировалось старое «классическое» украинское театральное искусство с героическими пьесами, с шумными батальными картинами, с призывами «до помсты» и пр.

Оборотной стороной театральной медали являлись украинские художественные «кабарэ». Одно из них помещалось в том же здании, где и новый «художественный» театр. Здесь жестоко осмеивали весь маскарад спешной украинизации гетманского периода:

...Під небом вільной України
Дэ сало, кавуни та дині...

ГЛАВА XXV.

В Киев раньше нас прибыла «Зимовая Станица» (посольство) Донского Атамана ген. Краснова. Возглавлял ее очень почтенный ген. А. В. Черячукин, а главным возбудителем ее энергии был ген. Свечин. Мы побывали у них, они — у нас. Они нас угостили завтраком, мы — их.

Мы, кубанцы, несмотря на весь разнобой наших ориентаций, в основном строении нашей власти — «скромные демократы». По нашим «временным правилам высших органов управления» вся власть принадлежит Раде и избранному ею правительству. У донцов — полномочный Войсковой Атамна пишет письма «другу и брату» гетману Скоропадскому и стремится к установлению непо-

средственных сношений с императором Вильгельмом. Как раз во время нашего житья в Киеве Краснов выступил с декларацией о независимости «Всевеликого Войска Донского» со всеми вытекающими из этого последствиями.

Его киевские дипломаты учли реальную украинскую ситуацию и, в противоположность нашей тактике, обращались за разрешением реальных вопросов своей миссии непосредственно к немецким военным властям или дипломатам. Гетман и его правительство воспринимались, лишь как декорации. Доброжелательство ген. Свечина в отношении нас простиралось до того, что он нам внушал ту же тактику:

— Зачем зря терять время и трепать нервы? Лучше обратить свою энергию по прямым артериям к пульсирующим центрам украинской жизни...

В это время из Новочеркаска пришло письмо от Быча о переговорах с Атаманом Красновым: о срочном установлении «действенного политического и экономического объединения» Кубани с Доном, о котором говорилось на Раде в ст. Мечетинской. Теперь Быч писал:

— Разговариваем... 9-го и 24 мая произошли совместные заседания под председательством ген. Краснова...

Быч прислал и проект договора, который договаривающиеся стороны собирались будто бы подписать.

В 1-ом пункте проэкта заключалось признание «внутренней автономности каждой из договаривающихся сторон».

Во 2-ом пункте — признание **существующей границы между этими землями** и в «переговорах с соседними государственными образованиями — обязательство оказывать взаимную поддержку в вопросах, **касающихся включения в состав территории договаривающихся сторон городов и земель,** присоединение которых являлось безусловно необходимым по соображениям экономическим или военно-стратегическим».

В 3-ем пункте — ограничение борьбы с большевиками территориями Дона и Кубани, а в дальнейшем всего Северного Кавказа, обязуясь оказывать друг другу поддержку всеми силами и средствами.

В 4-ом пункте — учреждение совместного СОВЕТА, которому предоставляется «разработка плана борьбы с большевизмом и анархией», а также «общее руководство военными операциями в смысле определения общих и даже частных заданий для отдельных армий, во внутренние распорядки коих совет не вмешивается».

В 5-ом пункте — благие пожелания, «дабы ныне разрозненные части России смогли являть собою могучую политическую силу»... «ближайшей задачей признать также создание **на юге России** прочного государственного образования на федеративных началах,

в состав коего должны войти Дон и Кубань, как полноправные члены федерации»...

Таким образом ни о каком, именно «действенном» — как говорилось в мечетском Собрании — экономическом и политическом объединении пока не было речи.

...Мне приходилось уже здесь говорить о Быче и о его образовании, о его достаточно большом опыте общественной работы, но эти его тогдашние навязчивые идеи, лишенные всякой практичности, всегда раздражали и наводили большое уныние. Так и теперь, по получении этих его писаний о «разговорах» с ген. Красновым, мною овладела безысходная тоска.

...В эти дни, числа 10-го июня нового стиля, одиноко я сидел в номере гостиницы и курьер Военного Министерства принес серый казенный пакет с извещением о главном интересующем нас деле:

— Прохание Ваше не може бути задоволено...

Другим словами, нам было прислано извещение о полном отказе нам в удовлетворении нашей просьбы об артиллерийских снарядах, патронах и пр. После многоречивых обещаний полный отказ. Собрались все делегаты и все были озадачены:

— Что же это значит?

Решили отправиться к нашему доброжелателю, министру закордонных справ, пану Дорошенко.

— Німци — был короткий ответ. Когда мы попросили расшифровать эту столь короткую формулу объяснения, то, по словам министра, выходило, что немцы не только не довольны нашим игнорированием их, но как-будто они хотели бы прежде узнать, на каком титуле мы думаем строить наши отношения Кубани к самостийной Украине, на титуле, — федерации или автономии? Какие гарантии, что полученное фактически из рук немцев вооружение мы не обратим против немцев же?

Краткое объяснение министра сделалось очень длинным и богатым разными намеками. По сути же дела выходило, как будто бы так, что немцы могли бы удовлетвориться декларацией Кубанского Правительства о присоединении Кубани к Украине на автономных началах... Наматывался очень сложный клубок домогательств и объяснений. Кто тут играл главную голь, трудно было решить.

Выходило так, что украинцы нас любят, немцы нам доброжелательствуют, но... — «прохание» наше сейчас «не може бути задоволено».

Бескровный, оставшись с паном Дорошенко один-на-один, пришел потом домой и поведал, что незамедлительное декларирование присоединения Кубани к Украине на автономных началах могло бы иметь следствием то, что во время мирных переговоров с большевиками Украина потребовала бы перенесения демаркационной линии за пределы Кубани, что немцы дипломатическим пу-

тем поддержали бы эти требования, и большевики вывели бы свои войска из Кубани...

Я и Каплин наотрез отказались в какой-либо форме вести на подобной основе дальнейшие переговры. Мы заявили, что наша делегация должна немедленно выехать в Новочеркаск, доложить Раде и Правительству обо всем, и только они вправе судить, продолжать или прервать переговоры.

Рябоволу и Бескровному трудно было признать, что Украина не захотела или не могла — бескорыстно и с участием — помочь нам. Но и они не могли оспаривать нашего решения. Они настояли лишь на одном, чтобы наш отъезд не был истолкован, как разрыв, как отказ от дальнейших сношений с Украиной. Делегация должна разрешить Н. С. Рябоволу остаться в Киеве, выждать результата наших решений в Новочеркаске и сделать еще попытку получить просимое. Мы согласились и на другую просьбу Рябовола: он мог, при крайней к тому необходимости, посетить представителя немецкого командования, но не представителя дипломатического...

О пошатнувшемся положении немцев на западном фронте мы тогда еще не знали и воспринимали их, как всесильных. Со стороны Дона они приблизились к Кубани до ст. (Ростов-Влад. ж. д.) «Кущевка», со стороны Керчи они уже переправились на Таманский полуостров, т. е. на Кубань. На Украине они, как уже было отмечено, вели войну из-за хлеба с крестьянством. Чтобы быть в курсе дела и чтобы во-время предостеречь население, мы решили командировать на Тамань члена нашей делегации Г. В. Омельченко.

В Новочеркаск, таким образом, нас выехало четверо: Бескровный, Каплин, Султан-Шахим-Гирей и я.

Заблаговременно мы известили Председателя Быча, чтобы он с уполномоченными от Рады к нашему приезду прибыл в Новочеркаск.

Числу к 20-му июня нового стиля мы приехали в Новочеркаск и здесь нас уже поджидал Быч с уполномоченными.

Еще стоял на улице извозчик с моими вещами и ждал расчета, а Быч, встретив меня в коридоре гостиницы, стал распрашивать, что и как произошло в Киеве.

Беглый рассказ о полном господстве немцев, о бессилии гетманского правительства, о призрачности вообще украинской государственности, — этот один мой рассказ оказался для Быча убедительным:

— Значит — «нет!»...

И это было решение вопроса.

Мы, другая кубанская сторона, приняли такое решение еще в Киеве.

На этот раз Быч вообще проявлял большую сговорчивость, и я

радовался, что, наконец, он постиг тщету своих упований на неизвестное данное других самостийностей; понял как важно в нашем тогдашнем положении, не сходить с реальной почвы. При таких условиях с ним можно было сговариваться... По возвращении в Мечетинскую Ф. С. Сушков уверял меня, что причину перемены в Быче нужно было искать не в его внезапном прозрении, а в том крупном разговоре его с генералом Деникиным, который был у Быча перед его вторичным отъездом в Новочеркаск.

Всего через несколько часов после нашего приезда состоялось заседание уполномоченных Рады и Правительства и было принято решение:

I. Прекратить переговоры с Украиной о титуле наших с ней отношений: конфедерации, федерации или автономии;

II. Считать общее сближение Кубани с Украиной желательным;

III. Добиваться получения от Украины военного снаряжения и боевых припасов хотя бы за плату.

На следующий день был праздник Св. Троицы. На предполагавшееся новое совещание кубанцев Быч пригласил ген. Алексеева. Он жил тогда в Новочеркаске и очень недомогал. На наше собрание он пришел с опозданием прямо из церкви и не слышал наших предыдущих суждений. Сев к столу, он попросил себе слова. Говорил пространно о России, об Армии, о возможных в будущем успехах и испытаниях. Центром речи было предупреждение не увлекаться заманчивыми перспективами легкой жизни при помощи иностранной силы.

Конец речи был, приблизительно, таков:

— Нам известно, что вы ведете переговоры с гетманом и его правительством. За гетманом стоят немцы. Мы с ними говорить не можем. У вас руки свободнее. Если можно что-либо получить для общей пользы от Украины, берите. Но если с этим будет связана измена Родине, то... смотрите!..

Голос Алексеева окреп, глаза загорелись:

— Россия будет жить... Перед всеми верными своими сынами она в долгу не останется... Поймет, что было сделано, как неизбежное. Но измены, совершенной в этот страшный час, она не забудет...

Постучал сухим пальцем о край стола, сделал небольшую паузу:

— И я, если буду жив, и я вам этого не забуду.

Очень взволновался при этом старик.

Со смущенной улыбкой Быч спокойно ознакомил генерала с вынесенными нами решениями.

Алексеев просветлел, поблагодарил и вскоре ушел.

К Рябоволу в Киев нужно было послать курьера для передачи необходимой суммы денег и инструкций. По своим делам в Киев возвращался член Рады Каплин и брался свезти и деньги, и ин-

струкции. Это и стоило бы дешевле и целесообразнее в смысле конспиративном. Но Быч все же предпочел послать специального курьера, одного из своих радянских подпевал, сотника К. Вышло так, что и Каплин обиделся и у нас закралось сомнение, не затевают ли снова что-нибудь конспиративное Быч и Рябовол.

С сотником К. в дороге произошло, кажется, крупное денежное недоразумение, в связи с его пристрастием к картежной игре.

Рябоволу все же удалось кое-что достать в Киеве для Армии, но немного и при этом с «накладными расходами». Об этом скромном успехе обыкновенно даже сами черноморцы говорили в очень умеренном тоне, — хвалиться им было нечем.

Вскоре приехал в Новочеркаск посланец от кубанцев-повстанцев на Таманском полуострове, полк. Б... Он доложил о шатании местных людей при наличии на Тамани немецкой силы и в особенности некоего инженера К., который вел агитацию против Кубанского Правительства и Добровольческой Армии и агитировал за обращение за помощью к немцам.

Таманские повстанцы просили помощи деньгами и военной силой. Ни того, ни другого они от нас получить не могли за недостатком силы и денег у нас самих, а кроме того на Тамани были немцы и, следовательно, посланная туда воинская часть должна была или вступить с ними в конфликт, или начать с ними военное сотрудничество. Ни того, ни другого, по занятой нами позиции, делать нельзя было, нужно было выждать.

Как показали дальнейшие события и сами немцы держались нейтрально до самого своего ухода с Тамани. Отвратительная предательская агитация инженера К., таким образом, успеха не имела и сам он исчез раньше ухода немцев [29]).

Председатель Правительства Л. Л. Быч привез из Мечетинской новость о решении командования Добровольческой Армии начать новое движение на Кубань. Сюда должны быть направлены главное внимание и главные кубанские силы. Начинался Второй Кубанский поход.

---

[29]) Верхом достижения агитации инж. К. была посылка одобрительного приговора ст. Таманской императору Вильгельму.

О действиях других кубанцев, проявивших себя нехорошо на Тамани, Краевая Рада, уже по занятии Екатеринодара, имела суждение и несколько офицеров понесли заслуженную кару.

Второй Кубанский поход начался 9—10 июня.

Получив от Донского Правительства разрешение на взимание почтовых лошадей, мы несколькими пароконками двинулись вновь через Аксай и станицы Задонья вглубь донских степей, в центр добровольчества и кубанского накопления.

Это обратное путешествие было замечательно в одном отношении: на остановках, в пути, — всюду встречались характерные фигуры молодых военных, шли и ехали добровольцы в Армию.

С различных концов России, со многими приключениями, как правило, очень опасными, добравшись до Новочеркаска, пройдя здесь регистрационные канцелярии, они передвигались различным способом, — на лошадях, пешим хождением, — по направлению к станице Мечетинской, чтобы там определиться в военные части и... в поход.

Это был расцвет добровольческого движения.

В нашем багаже был подарок ген. Маркову.

В Киеве нам передали небольшой изящно отделанный ящик, в роде футляра для микроскопа, только немного больше. В этом киевском ящике заключался подрывной прибор, — взрывать железно-дорожные пути и пр. Изящно, верно и скоро. Этот подрывник и был нашим подарком генералу Маркову.

Лично ген. Маркову в руки он уже не попал.

12-го июля с/с. ген. Марков был смертельно ранен на станции Шаблиевка предпоследним снарядом, пущенным с уходящего броневика отступавшими большевиками.

Кубанцы, близкие к генералу Маркову, передавали, что последние его слова были обращены к ним: — Умирали за меня, теперь я умираю за вас...[30]).

Странными и тяжелыми были взаимоотношения кубанцев и добровольцев.

Бок-о-бок дрались, умирали, радовались общим успехам, а дойдет дело до разговоров о смысле борьбы и ее целях, — вырастает стена между двумя сторонами, нет взаимного понимания, отношение неприязни и сарказма.

Генерал Марков среди добровольцев — рыцарь порыва и смелости, наиболее квалифицированный командир, который дорожил жизнью каждого отдельного бойца.

---

30) В «Очерках Русской Смуты» генерала Деникина эти слова приводятся, как сказанные в обращении вообще к офицерам. Нужно думать, что было и то и другое обращение редкого по доблести ген. Маркова и к офицерам, и к кубанцам, которых было подавляющее большинство в Армии.

Среди кубанцев не мало тех, кто по человечеству полюбил его и восхищался им...

У кубанцев есть слабость помечтать о том, чтобы первым человеком в Войске — Войсковым Атаманом — у них был бы человек сильный духом, воин открытый и честный. И чтобы был при этом Атаман и сам собой — мужчина видный, с хорошей посадкой на лошади, «очи орлиные» и «слово живое». В Киеве у нас была както общая беседа о добровольцах. Зашла речь и о ген. Маркове:

— Эх, коли б вiн та у нас Атаманом!...

Это сказал тогда Н. С. Рябовол. Его была мечта иметь ген. Маркова Кубанским Атаманом. Между тем, не было среди кубанских деятелей другого человека, который собрал бы на себя столько неприязни добровольцев, как Рябовол.

Председатель Правительства Быч и член правительства по военным делам Савицкий из Мечетинской отправились в сел. Торговое, где был штаб Добр. Армии, мы же — другая часть Пр-ва и Рады — несколько недель провели в состоянии тылового бездействия и присоединились к своим лишь в сел. Белая Глина, рукой подать от Кубанской границы.

Накануне, только что разыгрались здесь бои за обладание селением. Обширное поле здесь чистой созревавшей пшеницы, а по бороздам прорыты окопы, неубранные трупы. Говорили, что много их и в глубине поля среди рослой пшеницы... (Третий раз Добр. Армия занимала это селение и каждый раз она встречалась с большой враждебностью).

...В воскресное утро на квартире члена П-ва — Савицкого за чаем со свеже-снятыми с дерева вишнями произошло первое, после длительного перерыва, совещание Кубанского Правительства. Завтра - послезавтра предстояло вступление на свою территорию, и важно было обменяться взглядами, что мы, — помимо требований о реквизициях и мобилизациях, — что мы понесем в свой Край в смысле административного устройства, в смысле руководящих норм права, финансовых предположений и т. д.

Первой очищалась от большевиков территория большого Кавказского Отдела (округа) с населением в несколько сот тысяч душ, с территорией двух полковых округов, со штаб-квартирой пластунского батальона, с другими подсобными военно- и гражданско-административными учреждениями, с такими, наконец, поселениями, как хутор Романовский и хутор Тихорецкий, включавшие в себя население больших узловых станций ж.-дор., со служащими и рабочими на путях, и в ж.-д. депо с соответствующим количеством торгового люда, и т. д., — поселения фактически городского типа, но в правовом отношении не имеющие административной самостоятельности, даже равной станичному управлению, т. к. их хуторские правления зависели от станичных «сборов» близлежащих станиц Кавказской и Тихорецкой.

Быч, кроме того, что был Председателем пр-ва, был в то-же

время и членом пр-ва по внутренним делам, совместно с Савицким, чл. пр-ва по военным делам, они предложили нам кандидатом в Атаманы Кавказского отдела некоего полковника Р., старорежимного кадрового офицера...

В дореволюционное время выдвижение кандидатов на должность атаманов отдела, как и вообще учет служебного стажа кубанских офицеров велся в Войсковом Штабе, там следили за порядком старшинства и там намечались карьерные дороги ведетам офицерского мира. Теперь все это заменялось усмотрением Савицкого, вчерашнего есаула Конвоя Его Величества и совсем некомпетентного судить о пригодности того или другого кандидата к такой ответственной должности, как Атамана большого отдела в такое архисложненное время гражданской войны.

Я высказался против порядка установления «старшинства» офицера для определения кандидата на столь ответственную должность и против самого намеченного кандидата, не имеющего никаких объективных показаний в его пользу.

Быч неожиданно придал делу оборот ведомственной амбиции.

— Мы (т. е. он и Савицкий) не имеем намерения вмешиваться в дело назначения служащих по ведомствам Земледелия и Контроля (т. е. по моим ведомствам), так же не хотели бы, чтобы и Д. Е. вмешивался бы в наши назначения.

Жаркий и неприятный спор ни к чему не привел. Быч и Савицкий настояли на своем; полк. Р-в был назначен нашим первым Атаманом отдела по возвращении на Кубань, и, *забегая несколько вперед, отмечу, что он на первых же порах своего администрирования сел в самую грязную лужу.*

Жестокость большевизанствующих банд в станицах общеизвестна. Ответная казачья реакция, по изгнании большевиков, тоже не была особенно милостивой. Но, во-первых, такой общей их меры, как: «к стенке!» — казаки не применяли, во-вторых, так как верховоды большевизанов успевали уходить с отступающими войсками, то у казаков даже и не оставалось, к кому можно было бы применить ту же ответную меру. Оставались или те, кто большевикам сочувствовал, или те, кто может быть, даже помогал; и казаки находили, что таких нет основания «ставить к стенке» и в массовом порядке стали применять к ним публичную порку и облекли даже в определенную форму мрачного юмора, особенно, если дело касалось лиц того же казачьего звания.

— Ты оторвался от нас, выписался из нашего общества, теперь тебя следует обратно приписать к обществу... — Ложись!... и розгами или плетьми делали «приписку» на задней части тела виноватого...

Так вот в это дело и ввязался вновь нами назначенный Атаман Кавказского Отдела полк. Р-в. Он своим приказом Атамана отдела установил, кому, за какую вину, сколько полагается уда-

ров плетьми или розгами. Получилось как-бы узаконение публичных телесных наказаний и их градация.

Быч потом только руками разводил: — Вот так народная власть!... Р-ва он после этого убрал, а на его место был назначен полковник и более молодой, и более культурный.

На том же воскресном первом заседании Кубанского Правительства в с. Белая-Глина был принят, опять же с большими спорами при нашей оппозиции тому же Бычу и нашему члену Пр-ва по ведомству юстиции Н-ву, Приказ № 10 о чрезвычайных военных судах. Авторы его не отрицали и его спорности, и кроющейся в нем опасности для доброй репутации краевой юстиции, но настаивали на его принятии, что будто-бы он все-таки являлся канализацией мстительного чувства населения к прежним обидчикам и подчинял его юридическим нормам.

В смысле наказаний по этому Приказу № 10 предусматривались наказания от двух недель ареста при полицейском управлении до смертной казни, включительно. Правда, предусматривался публичный разбор дела, обвиняемый имел право приглашать защитника и за ним сохранялось право аппеляции в Окружной военный Суд в случае недовольства вынесенным приговором низшей инстанции. Последнее, конечно, было положительной стороной этого приказа № 10-ый.

..Мы возвращались к себе домой после описанного воскресного заседания Куб. Пр-ва. Путь лежал через церковную площадь. Как раз народ выходил из церкви.

Большая толпа народа приметно сгустилась в одном месте против южных ворот церковной ограды. А над толпой возвышается человек и все как — будто что-то ловит рукой, как будто, что выпустил и теперь старается захватить, голову опустил на сторону.

Я сначала не приметил других подробностей. Когда подошли ближе, стало понятно... И солнце стало не мило. И толпа потеряла краски. Ни одно лицо не запомнилось, что на нем выражалось.

На глазах у всех, у порога храма приводился в исполнение приговор добровольческого военно-полевого суда. Повесили осужденных большевиков.

Сушков и Намитоков остро заспорили между собой, о чем, — повидимому, и сами мало сознавали. Отвратительное состояние духа.

Бой за обладание сел. Белая Глина отличался особой жестокостью. Раненые добровольцы, попавшие в руки к красным, замучивались. Мало того: обезображивались трупы.

Особенно тяжелые потери понесла дивизия Дроздовского. Она была новой дивизией в Добровольческой Армии, пришла с развалившегося румынского фронта и влилась в Д. А. строго дисциплинированной частью. Но дивизия пришла со своим особым духом и резко выраженным монархическим настроением с романовскими ленточками на груди (черный - желтый - белый). Сам полковник

Дроздовский, при личном знакомстве, произвел впечатление волевого человека, но узкого и фанатичного.

В селении «Белая Глина» по приказанию Дроздовского были расстрелены пленные. На жителей была наложена контрибуция (которую те полностью выполнили).

ГЛАВА XXVII.

Следующая наша остановка была уже на кубанской земле в станице Ново-Покровской. Здесь в заседании Пр-ва рассматривался финансовый вопрос и Быч выступил с предложением заключить заем на Украине. Нас, другую сторону, возмутила прежде всего эта настойчивость подводить Кубань все к тому же источнику, надежды на который уже были так жестоко обмануты.

Кроме того заем в бумажных корбованцах, которые после того должны стать ходячей монетой на Кубани, несомненно крыл в себе агитационный момент в пользу Нэньки - Україні, после мог быть поставлен вопрос об унификации денежного знака и так легко было докатиться до постоянного карбованца, как общего денежного знака Украины — Кубани. И еще: базой карбованца была — германская марка. Немцы у них, — значит немцы и у нас.

Сушков и я, — мы решительно заявили о недопустимости всей этой сомнительной затеи и настояли на своем, несмотря на то, что в какой-то момент на сторону Быча перешел, было, и наш «министр финансов» из иногородних А. А. Трусковский.

Было принято общее принципиальное постановление о желательности совместных с донцами и добровольцами усилий для разрешения финансовых затруднений. Предположительно даже говорилось о возможности принудительного внутреннего займа по занятии Екатеринодара и очищения краевой территории от большевиков.

Практическим результатом спора явилось постановление о командировке Трусковского в Новочеркасск для займа необходимой суммы у Донского Пр-ва.

...Нужно признать, что настойчивая игра в это время генерала Краснова в донское великодержавие очень мешала фактическому объединению казачьих краевых правительств. Между тем, объединение действий являлось крайней необходимостью и по внутренним казачьим соображениям и по соображениям установления правильных взаимоотношений с руководителями Д. А. и с возникавшими государственными образованиями на российской территории, Ставрополем и др.

В ст. Ново-Покровской произошло торжество вручения знамени первому вновь-сформировавшемуся Кубанскому пластунскому батальону.

Основная волна мобилизованных на освобождаемых частях Края и притекающих добровольно из других его частей, шла главным образом на пополнение старых добровольческих кубанских частей, но вот теперь уже составлялись и новые части, традиционно-кубанские пластунские батальоны и конные казачьи полки.

Продвижение вперед делалось по-прежнему походным порядком.

Было уже начало июля: страдная пора полевых работ.

Кто из сельских хозяев поспешил, тот успел до начала боев скосить и свезти сено.

Созревала пшеница. Перестояли ячмени. Зацвели полосы подсолнуха.

И много всего этого вытаптывалось отступавшими и наступавшими...

Подступы к хутору Тихорецкому были обнесены окопами, опутаны проволокой.

Бои здесь произошли по правилам военного искусства с прибавкой особенностей гражданской войны: коварства и жестокости расправы.

Большевики, чтобы подмануть поближе добровольцев, выкинули белый флаг; а когда добровольцы им поверили и приблизились на нужное расстояние, они открыли по добровольцам уничтожающий огонь. За то потом была учинена жестокая расправа с вероломными... У большевиков, командование тихорецким узлом находилось в руках офицеров ген. штаба. Командующий латыш Калнин успел убежать. Его нач. штаба застрелился.

Числа 5-6 июля в хут. Тихорецком состоялось заседание Рады, на котором впервые перед нами появился человек, приобретший большую известность в гражданской войне — А. Гр. Шкуро[31]). Слыхали мы о нем и раньше, как об удачливом партизане в Великую войну, с некоторыми своими причудами. Перед нами предстала миниатюрная фигурка казачьего офицера с нервно-подергивающимся лицом с насмешливой (может быть, даже нахальной) улыбкой.

Он сделал краткий доклад о том, как зачинался и как вырастал его противобольшевицкий отряд, как он с глуши горной части Баталпашинского отдела выбрался на его равнинную часть и, наконец, добрался до г. Ставрополя и как теперь он предъявил ультиматум засевшим в Ставрополе большевикам. Он познакомил нас с содержанием своей прокламации, с которой он обратился к на-

---

31) Природная его фамилия, казака ст. Пашковской, — Шкура. Перемену последней гласной в начертании фамильного имени он произвел самовольно.

селению Ставропольской губернии: — Мы не против советской власти, мы воюем с большевицкими комиссарами - насильниками за народную власть.

Рада, по выслушании доклада Шкуро, постановила командировать в его отряд одного из членов правительства (избрали меня) и одного члена Рады (избрали сотника У., уполномоченного Баталпашинского отд.). Нам поручалось: 1) ознакомиться на месте с состоянием отряда и с его настроениями, и 2) в свою очередь, познакомить отряд со взглядами Правительства и Рады на сущность антибольшевицкой борьбы и на организацию антибольшевицких сил.

По железной дороге мы должны были проехать до ст. Песчанокопской и затем автомобилем через сел. «Медвежье» в с. «Ладовская - Балка», где должен был тогда находиться отряд. Сам Шкуро в отряд с нами не поехал, а должен был выехать туда через ст. Кавказскую, только что занятую добровольцами.

С нами выехал лишь его офицер для поручений ес. М., мрачный молодой человек, исключительно озлобленный против большевиков и вообще против революции... В ст. Баталпашинской большевизаны замучили, чуть ли ни живым зарыли в землю, — его старика отца, достойнейшего педагога, Павла Минаевича Мельникова.

ГЛАВА XXVIII.

Когда мы усаживались на ст. Песчанокопской в ожидавший нас автомобиль-грузовичок с пулеметами при пулеметчиках, к нам взобрался пожилой генерал.

— Послушайте, поручик, — обратился он к молодому офицеру, провожавшему его до автомобиля: — дайте и мне винтовку... Она мне может пригодиться... Хоть будет из чего застрелиться...

Депутат У-в зиркнул на меня: — Хорош воин... Начинает путешествие с мыслью о самоубийстве.

К вечеру мы подъезжали к сел. «Ладовская-Балка». Люди в нем, видно, привыкли жить в довольстве, хорошо обстроились, просторные усадебные места, обширные сады при них...

За селением на выгоне — лагерь шкуринцев. Лишь в древних военных хрониках можно встретить описание подобных походных лагерей.

— В несколько концентрически расположенных кругов придвинуты одна к другой повозки. Узкие проходы вели на свободную от повозок площадь посредине, где находилась основная масса людей, где очаги котлов, где «кашевары» приготовляли пищу на всех воинов.

Штаб отряда на этот раз помещался в селении в доме зажиточного купца. Встретили нас с интересом, но настороженно, — кто? зачем пожаловали?

Пока пили предложенный нам чай, полковник Слащов (нач. штаба) удалился для заслушания доклада, приехавшего с нами ес. Мельникова. Вернувшись к нам, Слащов продолжал разговор уже более спокойно и деловито. Спросил о принципах организации кубанской власти, о взаимоотношениях с главным командованием Д. А. Тут же кратко рассказал, что их отряд почти исключительно состоит из кубанских казаков, все много перенесли и переносят невзгод, но бодрости не теряют. Все у полковника Слащова складно и деловито.

Генерала, — нашего спутника, — по дороге выяснилось, что это не кто иной, как вновь назначенный ген. Деникиным губернатор Ставропольской губернии, — Слащов тоже очень спокойно выслушал, в меру обнаружил уважение к его высокому чину, но дал ясно понять, что в отряде, впредь до возвращения полковника Шкуро, он, Слащов [32]), главный начальник, полномочия губернатора начнутся по взятии главного города губернии Ставрополя. Нам тоже обещал посодействовать взаимному ознакомлению с казаками, когда все будем в Ставрополе, а пока что будем делать остальную часть похода совместно.

Вечером двинулись всем отрядом по направлению к Ставрополю. Ночной привал делали в сел. «Птичьем» и тут штаб и мы спали вповалку на полу, а в такой обстановке лучше всего понять друг друга.

С рассветом двинулись дальше. Спустились в низину, открытую и ровную. Весь отряд перед глазами. С нами идут главные силы. В стороне на полверсты гарцуют сотни полторы всадников, — бригада войск.-старш. Солоцкого.

Сил, вообще говоря, мало. Но отдельные части отряда носят громкие названия: бригад, полков. В отряде не было ни одной пушки, было несколько бомбометов, а, между тем, одиноко трусил на лошади полковник Сейдлер, — «инспектор артиллерии».

Главные силы все или на повозках, или верхом на лошадях. Как каждый вырвался из дому — с чем и в чем был, — так и ездят теперь по степям Ставрополья. У тех, кто сумел достать или отбить у большевиков, имеются винтовки. А у некоторых лишь домашнее охотничье ружье. Численно весь отряд едва ли больше 3000, около бригады пластунов, — остальное сборная кавалерия.

На выборку возьму несколько персонажей отряда.

Неподалеку гарцевал на хорошей лошади всадник. Грязная зем-

---

32) Это был тот именно Слащов, который впоследствии приобрел известность, как защитник Крыма, прославился жестокостью, одним из первых потом сменил вехи и ушел на советскую службу.

ляного цвета рубаха, разодранная сверху донизу и связана узлом, изодранные шаровары, на босу ногу чувяки, сбоку шашка. Через прорехи просвечивает тело, обветренное, грязное. Лицо загорело. Как из меди вылит человек.

Другой. Сотник Б. По общим отзывам, прекрасный молодой офицер. Сейчас по внешности тип карачаевца в горах у своего коша. Конусообразная войлочная шляпа. Черкеска в заплатах. На ногах карачаевская обувь из сырцовой кожи.

...Подходим к селению Московскому, огибаем околицу, в сторону сельских дворов высылается цепь комендантской сотни. Никому не позволяется врываться в селение. Табором располагаемся на широкой площади. Слащов направляет просьбу сельским властям доставить продовольствие его отряду на время привала. Сельские власти просьбу удовлетворяют, и все выходит, как говорится, чинно - благородно.

С именем Шкуро связано много рассказов о легкомысленном отношении к чужой собственности близких людей и даже его самого. Что было после, не берусь ни утверждать, ни отрицать этого, но в описываемое время, по моему впечатлению, сами они бедствовали, но населения не обирали.

Исключения, конечно, могли быть.

Например, заехали мы во двор почтаря, чтобы переменить лошадей. Хозяйство у него налаженное. В конюшне несколько пар в прекрасном теле лошадей. Пока перепрягали, баба пригласила зайти в горницу выпить молока. Вдруг во дворе шум, скандал. Выхожу на крыльцо, и ясная картина: чин отряда пытается оставить своего заезженного коня, а взять покрепче из конюшни. Почтарь упирается, не дает.

Увидав меня, чин засуетился, застеснялся, и быстро выскочил со двора на прежней своей лошади.

Я узнал его: старый знакомый. Был писарем в моей родной станице еще до революции, и за многие беды его выпроводили из станицы. За таким всюду должен быть хороший глаз.

...Полковник Шкуро, отправляясь для доклада в Тихорецкую, послал большевицким комиссарам в г. Ставрополь требование очистить город, иначе угрожал подвергнуть его бомбардировке тяжелой артиллерией.

Как уже было выше сказано, ни одной пушки в отряде не было, — было лишь всего несколько бомбометов, — угроза была сплошным блефом, но она была сделана, и были назначены сроки. Эти сроки приближались, и теперь отряд шел занимать город. Когда солнце склонилось к западу, мы двинулись из селения Московского по направлению к Ставрополю.

Существует очень распространенное мнение о так называемом обаянии личности отдельных людей.

В гражданской войне приходилось наблюдать особый гипноз

имени. К таким именам нужно отнести имя А. Г. Шкуро. Как-будто даже не зря занимался он с такой настойчивостью фонетикой своего фамильного имени:

— Шкура — Шкуранский [33]). — Шкуро...

В момент первого знакомства со Шкуро вам, прежде всего, бросается в глаза его миниатюрность, подвижность, непосредственность, и, говоря правду, общая незначительность. — Мало ли таких забулдыг - парней встречается? Между тем, заочно, при часто повторяемом имени, создается представление о суровом карателе, неумолимом мстителе и беспощадном преследователе... Шкуро...

Я не берусь утверждать, что все, что я сейчас приведу, абсолютно точно, но в штабе Шкуро утверждали, отнюдь без желания поставить себе и своему вождю в заслугу:

— За весь длительный и обильный всяческими осложнениями поход Шкуро по Ставрополью и северной части Кубани, только один раз был назначен военно-полевой суд, который приговорил подсудимого к высшей мере наказания — смертной казни.

Это был суд по делу комиссара Петрова, прославившегося жестокостью.

Он бежал из Ставрополя с деньгами и пулеметами на автомобиле. Его с четырьмя спутниками захватили в сел. Кугульта. Суд был составлен при председателе офицере с юридическим образованием и из выборных стариков от каждого полка. Этот суд приговорил всех к смертной казни. Шкуро этого приговора не утвердил, а перенес дело на разрешение «громады» отряда. Эта «громада» признала шофера с его помощником невиновными и их сразу отпустили на все четыре стороны. В отношении Петрова Шкуро приговор утвердил, а двоим его помощникам заменил высшую меру наказания поркой. Петров перед смертью попросил отправить его тело матери; эта его последняя просьба была выполнена.

Комиссары испугались тени шкуринцев.

В лунную ночь с 8-го на 9-е июля мы приблизились к Ставрополю и остановились на господствующей над городом возвышенности.

---

33) В ноябре 1917 г. с Кавказского фронта поступили две просьбы в Кубанское правительство о перемене фамилий: некий Бардак просил заменить его фамилию другой более благозвучной — Валентинов, и войск. старш. Шкура просил изменить родовую фамилию — на «Шкуранский». Правительство уважило обе просьбы, но извещение Правительства об этом уже не могло дойти во-время до просителей в виду развала фронта. В июле 1918 г. войск. старшина Шкура предстал в хут. Тихорецком в виде полк. Шкуро, и этой фамилией пошел именоваться и дальше, — у конечной буквы «а» своей фамилии отнял только одну палочку: не Шкура, а Шкоро.

Здесь уже поджидала депутация города из представителей всех слоев населения: от купцов до рабочих включительно.

Полковник Слащов, действовавший именем Шкуро, принял представителей, поблагодарил, предложил всем депутатам возвратиться к пославшему их населению и оставаться спокойными.

Губернатор Уваров выступил на сцену и в автомобиле с небольшой охраной отправился в город принимать приветствия «восторженного населения».

Под прикрытием ночи отряд втянулся в город и в нем потонул. Сила его была недостаточной, чтобы обслужить должным образом защиту такого города, как Ставрополь.

Штаб отряда расположился в здании мужской гимназии. Пристроились там и мы с членом Рады У-м.

На другой день прибыл в Ставрополь полк. Шкуро и тотчас же занялся развертыванием своего отряда в дивизию, согласно указанию штаба Добровольческой Армии.

Мне пришлось быть при очень характерной сцене.

Шкуро сидел за столом и закусывал. Ему подали жареную курицу. Он пригласил меня разделить трапезу.

В комнате толкотня. Входят и выходят адъютанты. Заходит войсковой старшина Солоцкий, член известной офицерской фамилии на Кубани, но за старшим его поколением установилась молва, как о старорежимных скулодробителях.

Этот же, из молодых, до мобилизации на войну, был студентом политехникума, и вообще, вопреки семейной традиции, из него получился культурный и вдумчивый казачий офицер. При общей тенденции к устрашающей врага бутаде в отряде, он мирился со своим высоким наименованием бригадного, но тут, когда поставлен был вопрос о формировании подлинных воинских частей, молодой Солоцкий явился к начальнику с отказом от предложенной ему должности командира бригады:

— Послушай, Андрей Григорьевич. Ну, какой я — бригадный, — я до полка еще не дорос.

— Што-о? А кого ж я назначу бригадным?.. Ты об этом подумал? Нет, у меня более достойных...

— Как хочешь, а я не могу...

Резонились долго и, наконец, столковались. Солоцкий согласился принять полк, а о подходящем кандидате на должность командира бригады Шкуро обещал еще подумать.

По уходе С-го тут же при мне доложили начальнику отряда о неожиданном затруднении в вопросе об обмундировании офицеров.

Все они предвкушали возможность немного почиститься и приодеться. Сильно оборванным из них было приказано пока совсем не показываться на улицах города. Полковые каптенармусы бро-

сились на розыски сукна и другого материала, чтобы тут же приняться за изготовление черкесок, бешметов и пр. Они напали на значительное интендантское имущество в городских складах. Но губератор Уваров уже, оказывается, упредил шкуринских каптенармусов и поставил стражу у этих интендантских складов и отказался выдать распоряжение об отпуске нужных материалов из складов.

Шкуро вскипел и приказал **«взять»** из складов сукно и все необходимое для обмундирования.

Я видел, какая нужда была в том, чтобы прикрыть буквально подлинную наготу партизан, и у меня не нашлось слов, чтобы остановить Шкуро. Бездушный формализм и бестактность Уварова била в глаза.

У ген. Деникина об этом случае в «Очерках» было сказано: «партизаны поделили склады»... Если бы не было уваровской попытки отказать голому партизану в рубахе, то не пришлось бы писать и этой фразы...

Сам ген. Деникин дал убийственную общую характеристику этому своему — по истине — анекдотическому губернатору: он успел отдать ряд «оглушительных приказов»: один «об аннулировании всех законов Временного Правительства», другой «об уничтожении преступников на месте преступления» и третий «о вознаграждении проторей и убытков помещиков» и т. п.

Я наблюдал, какое впечатление получалось у ставропольских обывателей при чтении первых приказов Уварова. (Он оказался очень плодовитым на них).

В одном из первых приказов он оповещал, кого он избрал себе в сотрудники по охране города: выкопал самого старорежимного пристава и вручил ему всю полноту полицейской власти...

Большевицкие комиссары, убегая из города, перед тем сильно хлопнули дверью: порубили и расстреляли многих из старших офицеров в городе, активных людей из купечества и пр.

Город Ставрополь мнился большим административным центром: в нем церковная кафедра архиепископа Ставропольского и Екатеринодарского, Контрольная Палата, также общая для Ставропольской губ. и Кубани, а кроме того и все другие свои губернские власти, но от города тянуло плесенью времен и виделись страшные гримасы современности.

Избавление от большевицкой — «диавольской власти» — Ставрополь собрался праздновать на просторной площади перед духовной семинарией.

Подготовка к торжественному служению благодарственного Богу молебствия. Архиерей и прочее духовенство в светлых ризах. Средина лета, июль месяц, но все торжество — пасхальное. Перед началом служения восторженное архипастырское слово:

— Христос Воскресе, братие и сестры!

И опять:

— *Христос Воскресе, братие и сестры!*

И в третий раз так же.

В ответ трижды рокот народной волны:

— Воистину Воскресе!

Нервы не выдерживают. Многие рыдают.

Взглянул я искоса на рядом стоявшего главного виновника торжества «волка» Шкуро, а у него слезы в три-ручья, и он уже не пытается скрыть их. Фигурка же его беспомощная, слабая...

В тот же день начальник отряда устроил «парад войскам», но не при свете дня, а вечером, когда уже сгустились сумерки.

На площади громко трубили трубачи. Как положено, перед начальником проходили войска. Полк за полком выходили и затем уходили все через одни и те же ворота...

Хрипловатый голос Шкуро раздавался в темноте:

— Спасибо за сверх-доблестную службу!

— Спасибо, богатыри!...

Вне строя за стеной зрителей стояли старики отряда и давали волю своему восторгу:

— Отец наш!...

В доверительной беседе я как-то спросил полковника Г., интенданта отряда, его мнение о Шкуро.

Сам полковник Г. с большим служебным стажем и летами много старше Шкуро, но его восхищение начальником отряда переходило границы:

— Это наш Суворов...

У Шкуро были свои чудачества. Личный его флаг начальника отряда был очень оригинальный: на черном фоне волчья голова с открытой пастью. У самого Шкуро и у его близких шапки изготовлены из волчьего меха и т. д.

...Позже Шкуро растворился в овациях толпы, взбаломученной гражданской войной. Писаки-проходимцы курили ему фимиам... При других условиях, быть может, лучше сохранился бы человек...

Когда пообчистились немного офицеры, приоделись, был устроен торжественный завтрак: Шкуро, Слащов и другие офицеры, кто не был на позициях, и мы с членом Рады У-м.

В то время, как в основной массе отряда много пожилых казаков, среди же офицерства преобладала молодежь, — пожилых 3-4 человека.

За завтраком, вопреки ожиданию, Шкуро почти ничего не пил, да и вообще офицеры отряда выпивали умеренно. Среди молодежи много наивных хороших лиц.

Весь поход, весь подвиг, который они совершили, для них тя-

желое, но неизбежное. Если не ушли бы из станицы в лес, не образовали бы отряда и не вступили бы, наконец, в борьбу, все равно их захватили бы, издевались бы над ними, «поставили бы к стенке», а теперь еще неизвестно кто - кого.

Рядовое молодое офицерство — прапорщики ускоренных выпусков военных школ — приняли на себя всю тяжесть руководства боями последних месяцев Великой Войны, с недоумением, чаще с непониманием, вступили в революцию, докатились со своими сотнями до родных куреней, а тут и началось... Какой нибудь «Васька Ермиченков» иноверец — хлыст из базарных торговцев — начинал баламутить станицу; он же из города привел организованную военную часть и первыми звали к ответу офицеров. Для последних выбора не было. Все-равно один раз погибать, — буду ли прилаживаться и унижаться или буду бороться и отстаивать свое право на жизнь...

...В отряде Шкуро сложилась своя конституция. Офицеры и сам начальник отряда в бою командовали, держали суровую боевую дисциплину. Но в момент решения общих вопросов призывался к участию весь народ отряда — старики.

По казачьей терминологии слово «старик» имеет двойное значение: *по возрасту «старый», но еще и тот, которого выбрали, упол*номочили на решение общественных вопросов: «выборные старики», здесь в отряде — уполномоченные «громады».

Выше было отмечено обращение к выборным от громады в случае суда над комиссаром Петровым.

К авторитету стариков Шкуро обращался часто для сдержки отрядной массы от мародерства и др. насилия в отношении мирного населения и пр.

Об этих стариках ген. Деникиным сказано в его «Очерках»:

«Старики - кубанцы ворчали: не для того они шли в отряды, чтоб защищать буржуев»...

И дальше:

«Поддаваясь обаянию своего пылкого начальника, они в то же время скептически относились к его молодости и к житейскому опыту до того, что не ясно было, кто над кем верховодит» [34]).

...Человеку, для которого военная субординация стала его второй природой, трудно понять эту казачью свою демократическую субординацию. Ген. Деникин являлся не первым и не последним свидетелем такого губительного непонимания.

Установление в отряде Шкуро обычая обращаться в ответственные тяжелые моменты к авторитету выборных стариков, громады, не трудно уразуметь и усмотреть господствовавшее в отряде стремление к народности, к подчинению всего движения народному началу, народной воле, — как это было у казаков встарь.

...У нас, в хуторе Тихорецком, откуда я выехал в Ставрополь, к

34) См. Деникин: Очерки Р. См., т. III, стр. 188.

этому времени уже утвердились формы непрерывной тяжбы между началом добровольческой диктатуры и кубанским, вообще говоря, народным началом...

...Сложное чувство владело мною, когда я сидел за общей трапезой *с общей офицерской массой отряда, с прослойкой в ней в* лице полк. Слащова, Сейдлера и некоторых других, не-казаков.

Когда наступил момент и стало ясно, что нужно каким-то словом приветствовать этих простых людей, в неведении совершивших геройство чистого служения свободе, то, конечно, не о споре между двумя началами нужно было говорить, а о том, что и в том и другом месте породило естественное стремление к свободе. *Как-то само собой вспомнился поход 10.000 греков, потерявших* в одну ночь вероломно-обезглавленных персами всех своих стратегов, но не павших духом и в ту же ночь успевших выбрать себе из своей среды новых стратегов и с ними совершить знаменитый в веках поход среди враждебных им племен и народов.

— Вы с честью проделали свой АНАБАЗИС и он будет включен в записи борьбы за свободу человеческой личности.

Доброе дружеское состояние создалось за столом, подходили многие запросто расспрашивали, как там у нас, какие слухи доходят из России. После моей поездки на Дон, на Украину у меня было достаточно материала для ответов на вопросы.

...Ставропольские торжества оказались кратковременными. Большевики скоро опомнились, увидели и узнали малочисленность *шкуринцев и повели наступление с трех сторон. В поисках под*крепления командование объявило призыв к оружию офицеров, проживавших в Ставрополе. Были также посланы мобилизующие кадры в соседнюю кубанскую станицу Новорождественскую. Но, если вообще мобилизации в гражданскую войну — вопрос лишь случая и удачи, то здесь, при трех-дневном существовании власти да еще при тех ее оказаниях, какие обнаружил губерна*тор Уваров, — при этих условиях, мобилизация не обещала быть* успешной. Офицерский полк оказался не боеспособным и стал к тому же рассасываться. Мобилизованные казачьи сотни тоже оказались неустойчивыми.

Притихшие, было, и притаившиеся в городе большевизаны подняли голову и принялись за работу по разложению свеже-мобилизованных частей [35]).

Со Слащовым мы выехали на окраину города. Линия фронта

---

35) Пришлось быть свидетелем очень любопытного случая способа борьбы с агитатором.

Вижу Шкуро, нервно расхаживающего у входа в здание гимназии, около него три адъютанта, одного из которых я раньше знал очень мирным секретарем нашего кубанского министра финансов Л-ча. Тут он в черкеске, при оружии.

Казаки подводят к начальнику отряда некоего господина в штатском

перед глазами, тянется ниточкой. Вялая перестрелка. Пока Слащов осматривал в бинокль позиции, со стороны большевиков из леса выскочил всадник и промчался взад и вперед вдоль окопов, — очевидно, передал какие-то приказания.

Проезжаем с. Надежинское, пулеметчики и все другие при оружии. Жители же селения сидят на заваленках за дворами, разговаривают промеж себя. Ни к фронтовой линии, ни к нашим пулеметам, как-будто совсем нет интереса.

На позициях казаки устроились по-свойски, как-будто выехали к себе на участок для ранне-весенней пахоты или сева.

Те, что в окопах, держат линию, а метров на двести ниже в ложбинке водовозка, один казак чистит картофель, другой дробит мясо на порции, — это кашевары готовят обед.

Я подошел, спрашиваю, какой станицы, они в свою очередь: — а вы какой?

Начало разговора для казаков обычное, оказались общие знакомые у меня с ними, разговор мог бы затянуться на долгий срок, но подъехал Слащов с позиции, поехали в город. В сел. Надежинском наш автомобиль задержали фуры со снопами хлеба, хлеборобы на всякий случай спешат свезти сжатую пшеницу с полей к дому поближе.

Жизнь в здании гимназии на бивуаках сопряжена была со многими неудобствами, и мне была отведена комната в гостинице. Провел несколько вечеров у знакомых в городе. Но вот, кажется, 15-16 июля с/с. утром прибежал ординарец штаба с предложением перейти с вещами в штаб-квартиру, т. е. в гимназию. Категоричность предложения не оставляет никакого сомнения, что дела наши — дрянь.

Действительно, мобилизованные казаки станицы Новорождественской оставили позиции, того и жди, большевики ринутся в прорыв. Шкуро нервничает. Хуже того: приказывает вынести ему из комнаты кавалерийское ружьецо, щеголевато отделанное накладным серебром, и вскидывает ремень через плечо.

и докладывают, что полчаса тому назад этот господин убеждал их повернуть оружие против притеснителей буржуев и их приспешников офицеров - золотопогонников...

Шкуро напустился на агитатора. Тот стал что-то возражать. Мой знакомый адъютант Шкуро — вдруг вижу — пришел в какое-то звериное состояние и хватается за свою деревянную кобуру, в которой помещается револьвер очень убедительной системы.

Его движение уловил Шкуро и быстро, повысив тон, выкрикнул:

— Высечь!... Двадцать пять плетей!

Штатский в шляпе, видно, еще не уразумев обстановки и, указывая перстом себе в грудь:

— То-есть... Как?... Мне?...

— А ты думаешь, — кому?... И рука адъютанта уже расстегивает кобуру... Теперь штатский сразу понял весь ужас обстановки.

— Где прикажете ложиться? — так и спросил...

Это уже из рук вон плохо, когда командующий отрядом вооружается винтовкой.

Мне предложено держаться штаба и со двора гимназии не отлучаться. Кругом суета. Строятся в ряды все, кого только можно собрать, и высылаются на фронт. Город подвергнут довольно интенсивной артиллерийской бомбардировке большевиков.

Шкуро садится на коня и с конвоем мчится за город. Во двор въезжает знакомый автомобиль с двумя пулеметами. Спокойный начальник штаба Слащов сходит с сидения рядом с шофером.

— Ничего, все устроится.

Это он с шофером и пулеметчиком держали обнаженный новорождественцами фронт. — Теперь Шкуро их далеко отгонит... банды неприятеля...

...На другой день прибыл по железной дороге в Ставрополь батальон корниловцев и положение упрочилось.

Мне с моим товарищем по делегации больше нечего делать в Ставрополе. Попрощались со Шкуро, со штабом, с офицерами и казаками, с какими установилось знакомство, и выехали из Ставрополя с поездом, накануне привезшим добровольцев.

(Тут вместе со мной выехал из Ставрополя и А. И. Кулабухов, в свое время в ст. Успенской, покинувший нас и пробравшийся оттуда к своей семье в Ставрополь, — он знал, что она будет жить у тестя в Ставрополе).

ГЛАВА XXIX.

На станцию Тихорецкую мы прибыли в разгар подготовки командованием Добровольческой Армии Екатеринодарской операции.

Была занята ст. Пластуновская, как крайний пункт по направлению к Екатеринодару, — в 37 верст. от него. Шло сосредоточение войск для главного удара.

В сторону Армавира также жили приливами надежд и разочарований: 14 июля был занят Армавир, чтобы 17-го затем его оставить. Ликование городского населения сменялось оцепенением при жестокостях большевицкой расправы.

К нам в Тихорецкую прибыли вырвавшиеся оттуда известные местные деятели. Среди них был хорошо мне знакомый местный муниципальный деятель К-в. При встрече он указал мне на странность кубанской административной реакции на большевицкое в этом отношении головотяпство: предназначение на дожность Атамана Лабинского отдела офицера гвардейского дивизиона, а на должность Армавирского городского головы какого-то старого отставного полковника, очень правого политического уклона.

Еще при старом режиме общественная жизнь в Армавире била живым ключем. Кроме центров кооперативного объединения обоих видов — кредитного и потребительского, были влиятельные профессиональные объединения: О-во Торговых служащих, О-во взаимопомощи учащих и учивших в учебных заведениях Лабинского и Баталпашинского отделов; особо выделившееся на Северном Кавказе Армавирское О-во Попечения о детях, основателем которого был такой замечательный общественный деятель, как В. И. Лунин и т. д.

Все эти общества сумели еще при старом режиме утвердиться и занять такое положение, что даже старая чиновная областная власть считалась с армавирским общественным мнением. Издавалась влиятельная в крае газета.

Сюда даже при старом режиме назначались Атаманами отделов и их помощниками люди по особому отбору.

В Лабинском отделе — несколько станиц с населением свыше 20.000 душ, которые имели у себя средние учебные заведения — гимназии, реальные училища, ср. сельско-хоз. уч. и др.

...Быч и Савицкий в порядке согласования ведомственных решений (еще до моего возвращения в Тихорецкую), назначили Атаманом Лабинского отдела, полк. Б., бывшего товарища Савицкого по службе в Конвое Его Величества, достаточно тароватого, способного на произнесение складной застольной речи, и совершенно уже мало связанного со станицей и еще менее с какой-либо городской общественностью.

Как-бы нарочно, демонстрировалось восстановление старого режима и как-будто бы даже в худшем виде.

В силу своего положения, депутата Лаб. Отдела, вместе с некоторыми членами рады, — я побывал у Быча, который в это время уже сидел в вагоне екатеринодарского направления. От пересмотра вопроса об уже состоявшихся назначениях он решительно отказался, а о новых назначениях обещал подумать.

Систему городского самоуправления, установленную Временным Всероссийским Правительством и функционировавшую вплоть до нашего выхода в поход, большевики отменили. Эта система не была восстановлена и Бычом. Создано было особое временное положение об управлении городами впредь до разработки и утверждения особого о них положения.

В силу этого временного положения Городским головой Армавира был, действительно, назначен какой-то отставной полковник Гвоздев, человек очень правого политического уклона... Неоднократно потом Кубанскому Краевому Правительству придется останавливаться на деятельности так неудачно назначенных в Армавир представителей власти.

За время моей поездки в Ставрополь председатель правительства Быч (в сотрудничестве с б. членом пр-ва Манжулой) успел

выпустить приказ и по моему ведомству земледелия, злополучный приказ о трети урожая в пользу владельца земли, запаханной в захватном порядке земледельцами. Стоимость земли устанавливалась, таким образом, повышенная и затемнялся, к тому же предустанавливаемый революционный принцип отчуждения частновладельческой земли.

В кубанской практике этот приказ, впрочем, не имел большого значения. По своем возвращении я издал особые разъяснения к нему, смягчающие его одиозность. В самом приказе содержались указания, что он действителен лишь для сбора и распределения урожая текущего сезона. Подчеркивалось, что проведение земельной реформы должно быть произведено согласно постановлению Рады 12-го декабря 1917 г., по которому частная собственность на землю отменяется. Все земли сельскохозяйственного значения должны перейти к работающим на них казачеству и крестьянству.

Генерал Деникин ознаменовал вступление на кубанскую территорию выпуском письменного обращения на имя кубанского атамана с указанием на необходимость для Атамана и Правительства предварительно составить схему гражданского управления областью и военных мероприятий с тем, чтобы общие схемы и планы были бы предварительно обсуждены совместно с ним, ген. Деникиным, как равно и способ проведения их в жизнь.

С своей стороны он подчеркнул необходимость:

I. Полного напряжения сил Кубани для скорейшего своего освобождения от большевиков.

II. Все первоочередные части военных сил Кубани должны входить впредь в состав Добровольческой Армии для выполнения общегосударственных задач.

III. В дальнейшем со стороны освобожденного кубанского казачества не должно быть проявлено никакого сепаратизма..

Тон обращения таким образом содержал признаки стремления к верховному руководству, к диктату, что станет потом навязчивой идеей командования Добр. Армией во все время гражданской войны: не сожительство и сотрудничество сил объединенных единством цели, а сосуществование под знаком субординации высшего руководства над низшими.

То обязывались не вмешиваться во внутренние кубанские дела, — теперь требовали на предварительное рассмотрение схемы и планы гражданского внутреннего управления.

Наконец, строгая директива — «никакого сепаратизма», — как бы не забытая любовь по строгому приказу.

Как реакция на это «обращение» ген. Деникина, последовало со стороны Быча и Савицкого предложение Атаману подписать

приказ — и Атаман его подписал — о призыве в войска служилых казаков, освобожденных станиц — всех очередей, о порядке прохождения мобилизации с распределением мобилизованных по привычным кубанским полкам, распределением по ним же офицерского состава и т. д.

Как очень серьезное соображение в пользу этого предупреждающего распоряжения, было следующее постановление: в гражданскую войну было очень заметной слабостью высших военных начальников содержание при себе многолюдных конвоев, каждый из них охотно брал в свой конвой казаков, что затрудняло формирование боевых частей.

...Новое негодование со стороны главнокомандующего, усмотревшего в приказе опасный психологический момент, который может вызвать расстройство добровольческих частей.

Наша линейская группа делала попытку объясниться в откровенную с ген. Деникиным и Романовским, чтобы поверить друг другу хотя-бы в основном — в общем желании бороться за обновленную Россию и в приемлемости народного начала в налаживании управления в освобождаемых областях.

Мы с Сушковым пригласили к себе Н. М. Успенского, сослуживца в прошлом ген. Романовского, и попросил его устроить свидание Сушкова с ген. Деникиным.

Свидание это потом было, но значительных результатов оно не имело.

— «Вы все нас боитесь», — бросил при этом фразу ген. Деникин: — «среди нас ищите монархистов... На себя оглянитесь. Посмотрите на тех среди вас, кто до сих пор не хочет снять конвойской красной шапки...».

Верно. Демократизм Савицкого, офицера императорского конвоя, был более, чем сомнителен. В угоду Бычу и его группе, от благорасположения которых теперь зависела его карьера, он, Савицкий, мог произносить всякие слова демократического значения. Но по существу он был типичный носитель идеологии офицерства декоративной дворцовой части. Он, действительно, часто и нахлобучивал на голову красную конвойскую фуражку.

Тяжелым осадком ложилась вся эта наша общая неустроенность на душу, утомленную зрелищем трудно передаваемых картин жестокости и обнаженно-цинического отношения к человеческой жизни. Садизм вывороченной наизнанку человеческой души. Русские люди с ожесточением уничтожали друг друга.

Путь страдания, героизма и крови пройден кубанцами и добровольцами от Екатеринодара до Мечетинской. Теперь шли обратно, и, быть может, завтра снова вступим в Екатеринодар, а нет уве-

ренности, что, вступивши в него, не начнем союзными усилиями ломать друг другу ребра и никому не дано знать, где будет враг и где друг в грядущей сваре. В личном порядке возникало желание: бросить, отойти, по крайней мере, тогда не будет ответственности. Но никогда малодушие не являлось гражданской доблестью. В силу своих возможностей нужно бороться.

Развитие Екатеринодарской операции неожиданно натолкнулось на хорошо руководимое сопротивление екатеринодарской большевицкой военной группы. В то же время со стороны Ростова обнаружилась большевицкая военная группа в несколько десятков тысяч, оттесненная в эту сторону наступавшими с Украины немцами. Состав ее был довольно пестрый: матросы, латыши, китайцы и др.[36]). Но командующим группой оказался крупный военный самородок кубанский офицер из фельдшеров Сорокин, казак левобережной (по Кубани) ст. Петропавловской. Для него поле разыгравшихся здесь боев — родные места. Обнаружив, что по линии жел. дор. Тихорецкая — Екатеринодар — имеются только слабые заслоны, а главные силы ушли, с одной стороны, под Екатеринодар, а, с другой, — ведут бои под Армавиром, он повел свои части на прорыв добровольческого фронта, чтобы уйти со своей группой, оказавшейся в окружении, за Кубань. Напряженные бои длились с 14-го по 25-ое июля. Фактически Сорокин оказался в тылу добровольческих сил. На Тихорецкой станции наступило оцепенение. Севшие, было, в поезда, чтобы не опоздать в Екатеринодар, вышли из вагонов. В одно очень смятенное утро приготовились даже грузить в вагоны для эвакуации раненых. Но, переправив за Кубань свою главную массу, Сорокин ушел туда же за нею.

Самоучка из фельдшеров, большевицкий главковерх, получит потом лестную аттестацию от своего противника. Ген. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты» называет его «крупным военноначальником».

Счастье к нам вернулось, но очень тяжкой ценой: были понесены большие потери и... ущерб для авторитета командования. Сумятица была такая, что в «сводке» штаба армии отмечались потери от стрельбы по своим.

Вечером 2-го августа Кубанский Корниловский конный полк первым вошел в Екатеринодар, а затем — Запорожский и Уманский — кубанские полки.

(Корниловским полком в это время командовал подполковник Науменко, впоследствии генерал, Походный Атаман и заграничней Войсковой Атаман).

---

[36]) Китайцы оказались очень устойчивыми в боях, у пленных спрашивали:

— Ходя, за что борешься? Ответ: «За родная Кубань».

Утром 3-го августа вступили в Екатеринодар также добровольческие части. Прибыл на вокзал и штаб Армии.

Екатеринодарская группа большевицких войск вслед за Сорокинской отступила за Кубань. Общая масса их была много крупнее тех небольших отрядов, с которыми мы вышли из Екатеринодара и много больше группы ген. Корнилова, вышедшей из Ростова.

Рада и Правительство поездом двинулись 2-го августа вечером из Тихорецкой в Екатеринодар. По пути останавливались на станциях и обменивались приветствиями с делегациями больших станиц, выходившими на вокзалы нас встречать.

Не мало было спора между добровольческой верхушкой и кубанской о церемониале въезда в Екатеринодар.

Фактически ген. Деникин въехал первым, но держался со штабом на вокзале. Тут же на вокзале утром на другой день Председатель Рады Рябовол и Председатель Правительства Быч устроили ему «встречу» и в его лице приветствовали Добровольческую Армию.

При въезде в город во глае колонны были — ген. Деникин рядом с Кубанским Войсковым Атаманом А. П. Филимоновым. Во второй паре были Предс. Правительства Быч и начальник штаба Добр. Армии ген. Романовский и т. д. В нисходящем порядке пары и четверки добровольческих высших офицеров с нами, членами Правительства и пр. По улице шпалеры войск и много народу. Колонна двигалась не спеша по направлению Войскового Собора с загибом к Атаманскому Дворцу. В соборе было совершено торжественное благодарственное Богу молебствие, затем на площади — парад войскам и т. д.

Вечером за общим обедом распределение мест по тому же церемониалу.

Застольным речам за этим обедом ораторы, видно, придавали особое значение.

Атаман Филимонов в своей речи давал успокоительные заверения, лил бальзам на душу вождей добровольчества.

— Кубань отлично сознает, что она может быть счастлива только при условии единства со своей Матерью Россией...

— Закончив борьбу за освобождение Кубани, казаки будут биться в рядах Добровольческой Армии за свобождение и возрождение великой Единой России.

...Но роль Атамана по кубанской конституции декоративная, по преимуществу, для представительства...

Председатель Правительства Быч в этот раз даже читал свою речь по бумажке, отмечая заслуги Д. А. по борьбе ее со всероссийской анархией. Он устанавливал: «готовность кубанцев сотрудничать с армиею». «Стремление кубанцев устраивать свою жизнь на началах народоправства является их основным стремлением»...

Председатель Рады Рябовол оттенил: — «*Краевая Рада соберется* и по своему крайнему разумению выскажется, какую кубанцы желают установить у себя власть».

Ген. Деникин в речи здесь на обеде от «души пожелал», чтобы освобожденная Кубань «не стала вновь ареной политической борьбы» *и как можно скорее приступила бы «к творческой работе»*.

Как он, ген. Деникин, понимал эту «творческую работу», он успел изложить в своем письме, которое послал Атаману Филимонову за несколько дней до этого обеда вместе с извещением о взятии г. Екатеринодара. В нем он выражал «уверенность», что «Краевая Рада создаст единоличную твердую власть, состоящую в тесной связи с Добр. Армией», «не станет ломать основного законодательства, подлежащего коренному пересмотру в будущих всероссийских законодательных учреждениях и «не повторит социальных опытов, приведших народ ко взаимной дикой вражде и обнищанию».

Таким образом уже на торжественном обеде показались коготки и с той, и с другой стороны.

Была еще устроена совместная встреча ген. М. В. Алексееву, тоже устраивался обед и говорились речи.

Кончился Второй Кубанский Поход.

ГЛАВА XXX.

Главное командование Добр. Армии утвердило особый знак — орденского значения для участников «Ледяного Похода» — меч в терновом венке на георгиевской ленте с розеткой из национальных цветов. Знак получали одинаково, как добровольцы, так и кубанцы. *Вообще говоря, с фасадной стороны у нас было коечто демонстративно объединяющее, но в глубине процесс разъединения действовал, не останавливаясь.*

Главное Командование Д. А. взяло за основу своей власти «положение о полевом управлении войск» старого закона, делая отсюда выводы, что органы Кубанского Краевого Правительства вообще должны являться лишь подсобными исполнителями для Армии [37]).

Нечего и говорить, что этот явочный порядок установления подобных «законных взаимоотношений» не мог способствовать нормальному течению дел на Кубани.

Л. Л. Быч, Председатель Кубанского Правительства, продол-

---

[37]) См. Деникин. «Очерки Р. См.», т. III, стр. 203. Резолюция ген. Алексеева от 31 авг. 1918 г.

жал у нас заведывать «Внешними Сношениями», «Внутренними Делами», «Продовольствием и Снабжением». По всем делам именно он продолжал наиболее часто сноситься с Главнокомандующим и его помощниками. Атмосфера взаимной неприязни не рассеивалась, а больше сгущалась, особенно с того момента, когда на руководящих постах при генералах Алексееве и Деникине появились в составе руководящей добровольческой верхушки генералы Драгомиров и Лукомский. Они в походе не участвовали. Их старорежимные повадки вызывали у кубанцев сомнение и подозрение в опасном сдвиге к «реакции» всего Главного Командования.

Недоразумения множились и на местах — в станицах. Старшие командиры проходивших частей войск назначали своих начальников гарнизонов, которые часто действовали, пренебрегая установившимися требованиями местного общежития, высокомерно и нередко бестолково обращаясь с представителями местной выборной власти — станичными и хуторскими атаманами, сельскими и аульными старшинами и т. д.

Яблоком раздора часто являлась «военная добыча». На узловых ж.-д. станциях захватывались продовольственные грузы, а также застрявшие вагоны с лесом, мануфактурой, с сахаром и пр.

Прежде всего это добыча общая — добровольцы командовали, казаки воевали, отбивали «добычу»... Хлебные же грузы, явно были реквизированы у кубанского же населения, — большевики не успели вывезти этот отобранный у населения хлеб. Устанавливать, у кого он был отобран, и возврашать было бы очень сложно, но обратить это количество хлеба в зачет того, которое Кубанское Правительство обязалось предоставлять на продовольствие Армии, было бы естественно, как естественно было бы обратить на удовлетворение нужд населения по доступной цене захваченный лес, мануфактуру, сахар. Кубанскому ведомству «Продовольствия и Снабжения» заняться этим было бы вполне естественно, в особенности при наличии в крае мощного союза кооперативных обществ с их лавками в станицах и хуторах. Но добровольческий центр, установив на эти грузы взгляд, как на военный «приз», решил их реализовать своими средствами с главной целью поправления своих финансов, — стали множиться слухи о спекулятивной вакханалии вокруг этой «военной добычи». Позже в своих «Очерках Р. См.» (т. III, стр. 178-179) об этом ген. Деникин запишет: — «Для реализации военной добычи ген. Алексеев создал особую комиссию. Дело пошло, к сожалению, плохо... Проходили недели, месяцы — грузы портились, расхищались». «Большинство членов комиссии, — пишет один из членов ее, — лица совершенно неподготовленные и бесполезные, один заведомо вредный и невежественный»... — «Вас испугало, — отвечает ему другой, — «что разные недостойные люди начинают свивать себе гнездо, и паутиной интриг и личной выгоды опутывать свя-

тое дело... Но разве вы только вчера родились и не знаете, что, к сожалению, на одного честного человека приходится тысяча негодяев...».

В итоге «за ближайшие месяцы — август, сентябрь — комиссия успела реализовать из числа многомиллионного имущества всего на один миллион рублей»...

12/25 августа в особняке, занимаемом Кубанским Атаманом А. П. Филимоновым, собрались на первое общее заседание возглавители Добровольческой Армии и Куб. Правительства.

Именно здесь, среди нас, впервые появились генералы Драгомиров и Лукомский. За чаем до открытия заседания завязался общий разговор, и тут многие из нас были озадачены откровенными заявлениями именно ген. Драгомирова:... — «Что бы там ни говорили, а Россия должна вернуться к своим историческим формам бытия. Конечно, неизбежны кое-какие коррективы»...

У кубанцев зароились сомнения: — «Исторические формы бытия»... Это что же?... Старая монархия?... Итак, лицо, призванное к руководству Добр. Армией, не стесняясь, демонстрирует при нас свои реставрационно-монархические взгляды? Лишь допуская «кое-какие коррективы»?

Можно было подумать, что он высказался лишь по новости для него обстановки, не учел, что среди кубанцев о своих заветных чаяниях нужно пока помалкивать. А как же другие?... Старые наши знакомые?...

...В официальную часть программы этого заседания Войсковой Атаман, по соглашению с Правительством, поставил вопрос о воссоздании Кубанской Армии. Из присутствующих генералов — Алексеев, Деникин и Романовский поставили свою подпись под актом соглашения в ст. Ново-Дмитриевской, важным пунктом которого для кубанцев было воссоздание Кубанской Армии. Для тех и других из собравшихся было ясно, что сейчас это вопрос не только стратегического значения, но и значения иного: — для одних — как удержать, а для других — как обратно получить — надежную опору для достижения целей борьбы с большевизмом согласно своему определению.

...Один из присутствующих на собрании добровольческих генералов (Лукомский) в последующем образно выскажется об этом соблазнительном моменте: — «Добровольцы не верили, что армия Быча и Рябовола пойдет с ними на Москву» [38])... В их глазах, следовательно, две одиозные фигуры закрывали всю Кубань. До Москвы еще было очень далеко, а уже через 3-4 месяца отставка Быча станет непреложным фактом кубанской дйствительности...

---

[38]) См. Ген. Лукомский. Воспоминания, т. II, стр. 89.

Псевдо-дальновидные расчеты генералов, углубляя взаимное недоверие, ослабляли значение уже достигнутых общими усилиями результатов..

Опасное намерение, глубоко-ошибочный расчет внезапного удара с плеча обнаружился тотчас, как было открыто данное совместное собрание командования добровольцев и кубанцев, первое общее Собрание после «Ледяных походов».

Быч Л. Л., чтобы преподнести добровольцам неприятное для них *напоминание*, что пришло время для воссоздания Кубанской Армии, т. к. Екатеринодар был уже занят, подбирая, повидимому, более мягкие выражения, привел, между прочим, и такой аргумент:
— У кубанских казаков наблюдается неудовлетворительное самочувствие, когда их разъединяют и вкрапливают одиночками или малыми группами в добровольческие части...

Генерал Деникин, не дослушав речи Быча, порывисто поднялся и, в сильном волнении, выпалил:

— Я не допущу, чтобы здесь оскорбляли [39]) доблестное Кубанское казачество! — и быстрыми шагами удалился из собрания. Ген. Романовский, начальник штаба, последовал за ним. Все другие продолжали молча сидеть некоторое время. Через какой-то момент заговорил тихо и спокойно ген. Алексеев, убеждая не придавать выходке особого значения. Что-то успокоительное произнес и ген. Лукомский. Но разговор не наладился. Так и разошлись ни с чем.

К рядовому казачеству у Деникина неизменно доброе отношение, но, по преимуществу, как к боевому материалу: — «Элемент храбрый и надежный»...

...Екатеринодар был занят. Большевицкие войска отступили за Кубань, но они не были разбиты. Группа их войск под командой казака ст. Петропавловской (как раз данного района Закубанья) Сорокина, сохранила боеспособность, чтобы в ближайшие дни воспрепятствовать войскам ген. Эрдели форсировать р. Кубань и нанести им достаточно тяжелый урон. Так называемая Таманская их группа войск, задержалась на левом берегу реки Протоки, у ст. Славянской, скоро оправилась и, сохраняя боеспособность, *обороняясь, отступила через Новороссийск на Черно*морское побережье, а оттуда через Хадыженский перевал вышла к ст. Белореченской и таким образом сблизилась с частями главковерха Сорокина.

На левом берегу Кубани с ее притоками р. р. Белой, Лабой,

---

39) В этом случае хочется отметить любопытный акт: — станичный сбор Незамаевской станицы, наследницы Незамаевского запорожского куреня, приговором постановил принять ген. Деникина в число полноправных своих казаков с наделением ему пая земли и пр.

Урупом и пр. на территориях Лабинского, Майкопского и Баталпашинского — линейских отделов — с центрами г. г. Армавиром, Майкопом и большими станицами Лабинской, Михайловской, Урупской и др. происходили кровавые бои в течение августа, сентября и октября.

По данным Главнокомандования Добр. Армии силы Северо-Кавказской большевицкой армии исчислялись в сентябре месяце 1918 г. свыше 90.000 бойцов при 124 орудиях, которым противостояли 35-40.000 штыков и шашек Добр. Армии при 89 орудиях. Борьба при этом была упорная. Часто станицы, сегодня занятые одними, завтра переходили в руки других.

Что происходило в самих станицах?

Еще незадолго до приближения фронта в каждой станице, и в хуторах образовывались повстанческие отряды с заранее намеченными командирами, вахмистрами, урядниками-взводными и пр.; свои пластунские части, своя кавалерия, — каждому определялась его роль... Если отряд красных в станице был не особенно сильным, выступление повстанцев делалось, не ожидая прихода «белых»; в другом случае выступали уже в поддержку «белым», пришедшим в станицу и вместе с ними гнали «красных». Если «красные» успевали получить подкрепление и занимали станицу, повстанческие отряды отступали уже с «белыми», а над оставшимися семьями красные творили суд и расправу, как правило, жестокую с издевкой. — Беги! — предложили приговоренному к смерти старому бывшему атаману станицы; — уйдешь, — твое счастье... Бросившегося бежать атамана один из судей же догнал и снес ему шашкой голову. Свидетели сцены были поражены, что дородная атаманская фигура уже без головы пробежала еще некоторое расстояние и лишь потом рухнула на землю...

Когда станицу обратно заняли «белые», то расправа происходила и с другой стороны.

Случалось, что вновь занимали станицу «красные», опять волна расправы большевицкой, еще более жестокой.

Наученные горьким опытом уходили теперь вместе со своими «повстанцами» и их семьи, с домашним скарбом, иногда даже с живностью, со всем, что успевали захватить. Да так неделями и месяцами блуждали табором в тылу своих, в ожидании, когда вновь отвоюют родную станицу.

Конспирировали теперь обе стороны: и возлагавшие надежду на белых и сочувствующие красным. Творились тягчайшие уголовные преступления, по понятиям, конечно, нормального времени.

— Дядя из «белых», выехал в степь вместе с «красным» племянником, — последний (племянник) вернулся домой живым и торжествующим, а бездыханного дядю привезли на повозке сами лошади, хорошо знавшие дорогу к дому. — У дяди смертельная рана в затылок от пули из револьвера племянника. Из родных

убитого никто и заикнуться не посмел о расследовании этого дела.

В жизнь проникал звериный обычай. Лично тебя пока что не трогают, молчи, таись, — придет время, посчитаемся... Чем ниже по моральному облику был человек, тем более звериную форму принимали его поступки. Одного такого в родной станице принуждены были арестовать свои же станичные власти и отправить в город в тюрьму, там он заразился тифом и умер. Отец привез тело в станицу похоронить. Ни одна душа из станичников, кроме родного отца, не пошла за гробом.

...Кровавой борьбой была охвачена вся жизнь на Кубани. Могли ли мы добровольцам (или добровольцы нам) поставить вопрос ребром: — или соглашение, или разрыв? Конечно, нет, (См. об этом: Оч. Русской См. III, стр. 209).

...Трудно было тому же Бычу после описанной выходки ген. Деникина идти по встретившейся надобности снова в штаб главнокомандующего для «совместного рассмотрения вопросов». Но Быч это делал, и другие это делали.

Чтобы помочь каждому члену правительства освободиться от нежелательных ведомственных сотрудников, чтобы с большей осмотрительностью подобрать новый штат служащих, Совет Краевого Правительства в начале же августа месяца постановил: считать уволенными со службы всех чиновников, не отказавшихся от службы у большевиков, предложив, однако, всем желающим из них подать прошение об обратном приеме на службу. Мера в целом оказалась целесообразной, вызвавшая, однако, в отдельных случаях недоразумения и даже обиду.

У меня, например, по ведомству земледелия был такой случай со служащими «Кубанской Опытной Станции Табаководства и Других Технических Культур».

Заведывающим этой станцией был очень почтенный и очень уважаемый и большой специалист в свой области А. В. Отрыганьев. Подобрал он себе сотрудников из числа хорошо научно-подготовленных специалистов этого дела. Учреждение весьма удачно выполняло свое дело. Мне нравилось бывать у них. И вот: получаю специальное приглашение директора прибыть к ним. С особенной предупредительностью все показывали мне, давали исчерпывающие объяснения на мои вопросы, а потом все собрались в кабинете директора, и один за другим все, включая директора, подали мне прошения об отставке.

Отрыганьев, вручая свое прошение, подчеркнул, что все они полагали, что их научная работа не должна зависеть от перемены властей, что работа ими ведется для пользы всего населения Края и для государства.

Прошения их я всем им вернул, попросил продолжать полезную работу, но обратил их внимание, что решения обще-политического

порядка трудно сочетать с индивидуальными переживаниями. — За оградой Опытной Станции из-за политики проливается кровь и гибнут тысячи жизней..

ГЛАВА XXXI.

Моя ведомственная работа, как и до выхода в поход, распределялась между Краевым Контролем и Ведомством Земледелия.

Освободиться от ненужного, а иногда и вредного элемента мне, отчасти, удалось.

Так получилось именно в отношении ведомств контроля и земледелия, но мне пришлось встретиться и с особым явлением как-бы тоже обслуживающими интересы Края, своего рода межуемычными учреждениями, по задачам своим и по бюджету как-бы болтающимся в меж-канцелярском пространстве. С ними было много хлопот.

Таким оказалось, например, особое статистическое бюро, учрежденное еще старой государственной властью для производства сельско-хозяйственной переписи в крае. Работа его затянулась. Началась перемена властей, потом — гражданская война: то одна часть области занята враждебной существующей в Екатеринодаре власти, то другая.

Между тем, ценность уже произведенной статистической работы вне сомнения, нужно привести ее в порядок, цифровые данные закончить. Кто-то из Правительства этим должен заняться, добыть ассигновку на нее и наблюсти за расходованием средств, за производством работы.

Совет Правительства, по настойчивому ходатайству заведующего этим бюро некоего г. К., «прикомандировал» его к моему ведомству. Как в принципе временное учреждение, оно должно было жить по срочным ассигновкам. А сам же г. К. оказался неуживчивого характера и с большой фантазией. Жалобы на него шли изнутри учреждения и извне. В смысле численности персонала бюро его как-будто бы должно приобрести статическое положение, а у него в один месяц больше служащих, в другой — меньше. Как правило, первое явление наблюдалось чаще, чем второе. После выяснилось, что он просто оказывал приют безработным своим знакомым.

Еще был (после нас остался) Совет Обследования и Изучения Кубанского Края.

Предприимчивый человек, заведующий особым отделом «маслопродукта» при центральном продовольственном органе старого правительства Пр. придумал простой способ «накопления» средств для его ведомственных нужд. Был установлен особый денежный

сбор на всякий вывозимый из Края пуд подсолнечного масла, товара по моменту наиболее ходкого. К тому же последние месяцы существования всероссийского Временного Правительства контроль на местах ослабел. И местные власти тоже были в состоянии перманентного формирования. В распоряжении Пр., этого заведующего отделом «масло-продукта», оказались значительные суммы денег. Он стал «меценатом». Под его председательством и сформировался «Совет Обследования». Тут собрались очень видные по местному масштабу специалисты: почвоведы, химики, рыбоведы, горняки. Реквизировали под учерждение здание, отделы учреждения обзавелись лабораториями, составили обширную библиотеку (по преимуществу из книг, свезенных в комиссариат милиции после обысков в частных буржуазных квартирах). Эти «библиофилы» из Совета Обследования как-то сумели получить эти книги для своей библиотеки...

Но в этом учреждении был какой-то мало-приятный пробольшевицкий привкус, тем не менее минимум полезной работы произведен. Под покровом этого учреждения собрались полезные для Края специалисты с научной подготовкой.

Краевая власть, однако, не могла терпеть такой несообразности, как существование отдела продовольственного ведомства, по существу своей работы к нему не имеющего отношения, к тому же с самостоятельным бюджетом. Господин Пр. увидел, что ему приходится сжиматься. Вот он и избрал мое ведомство, как убежище для «Совета Обследования», от которого и последовала просьба Правительству определить его в бюджетном и административном порядке по ведомству земледелия, на что и последовало согласие Пр-ва. Некоторые из серьезных специалистов, собравшихся в этом учреждении сами поняли ложность своего положения, обратили свое внимание в другую сторону, и отсюда возникла инициатива, увенчавшаяся созданием первого высшего учебного заведения в Екатеринодаре — Кубанского Политехникума, в котором с самого начала учебная и научная работа пошла при хорошем составе профессоров и научных работников. Сам же Совет обследования и изучения Кубанского Края вырос до состояния серьезного научного учреждения.

Был и третий у меня ведомственный приемыш — Тракторный Отдел. Сформировался он все при том же прежнем Продовольственном Комитете, как и Совет Обследования и, безусловно, не без влияния того же Пр.

С фронта Великой Войны прибыли на Дон и на Кубань железнодорожные эшелоны с грузом неуклюжих громоздких «Мартэновских» тракторов на высоких колесах и гусеничных. Живая тяговая сила — лошади, волы и пр. — за время войны очень пострадала, а тут как бы с неба свалился в Край большой запас механической тяги. При взгляде на эти внешне мощные машины, мысль сразу обращалась к тому, как выгодно было бы пустить эту силу

в местное сельское хозяйство или определить для городского хозяйства. Еще до нашего обратного прихода в Екатеринодар, при большевицком кратковременном хозяйствовании, Тракторный Отдел быстро разросся в широкое предприятие общественного назначения. Нашлись инженеры-специалисты. Реквизировали для него целое подворье. Мобилизовались штаты механиков и других мастеров. Средства на это шли все с тех же сборов за вывозимые из Края предметы продовольствия.

Ко времени нашего возвращения с похода, несколько машин уже было исправлено, доведено до состояния работоспособности. Демонстративно перевозились по городу тяжести. Нещадно при этом портились городские мостовые, настил которых не был рассчитан на столь тяжелые машины.

Несколько машин с гусеничной системой были в состоянии произвести показательную вспашку на опытном поле под Екатеринодаром. Плуг о пяти лемехах. Работа спорая, качественно безукоризненная.

При более или менее внимательно произведенной бюджетной регулировке правительственных ведомств тракторному отделу совсем не находилось места в бюджете ведомства Продовольствия и Снабжения.

Но плуги пахали. Это говорило за то, что и тракторный отдел должен перейти в ведомство земледелия. Я ездил смотреть на вспашку поля. Прекрасно. Но машины изготовлялись в Америке. Ну, а если что поломается, — откуда взять запасные части? Инженер Т-с, уже числившийся заведующим отделом, повез меня на их подворье и показал склад запасных частей; правда, при этом признался, что не все части можно найти в запасе, придется некоторые изготовлять самим, оказалось, что им уже присмотрено пустующее в пригороде заводского типа здание, которое можно недорого купить и приспособить под завод нужного нам типа...

Поданное тогдашним управляющим ведомством Продовольствия и С-я заявление о переводе Тракторного Отдела из его ведомства в мое Совет Правительства охотно поддержал. Таким образом у меня оказался третий нахлебник, неспокойный, со многими планами на будущее, со сметами на ремонт, на образование транспортных и землепашных тракторных отрядов, на образование распределительно-починочных баз:[40]) в Армавире, хут. Романовском и т. п. Главная база, конечно, в Екатеринодаре. Здание под завод мы купили, и я ездил смотреть на отливку чугунных колес...

...С несколькими машинами, впрочем, дело обстояло совсем благополучно. Они попали в хорошие руки, и их успели хорошо использовать для хозяйства, как, например, в Кубанском Сельскохозяйственном Училище, и в некоторых других хозяйствах. По всей

---

[40]) Прообраз созданных при советской коллективизации М. Т. С.

вероятности, так и следовало бы лишь частично использовать эти машины, раздав их в культурные хозяйства, где за ними был бы присмотр непосредственно заинтересованных лиц. Машины, безусловно имели свои конструктивные недостатки, некоторые мелкие, но в общей конструкции важные части, при сочетании с другими слишком громоздкими, часто ломались, происходили простои в работе. Тракторный отдел съедал не только свои заработки, но и все дополнительные ассигновки по ведомству.

...Тракторный отдел я ввел в качестве под-отдела в свой отдел Сельско-Хозяйственных Машин, где было несколько хороших инженеров и во главе его был с хорошей репутацией инж. Б-в. Ну, так вот он на одном докладе у меня по тракторному подотделу взял да расплакался. Нервы оказались слабыми у человека с наружностью червоного короля. Пришлось тракторный подотдел частично спустить на положение консервации с очень осторожными сметными предположениями о возможно прочной эксплоатации машин.

Таким образом мой служебный день проходил при двойной или даже вернее при тройной рабочей нагрузке: ведомственная работа, затем в Совете Правительства и еще в группе Законодательной Рады.

По ведомству земледелия всегда бывал большой приток посетителей, — часто по несколько десятков человек в день, — многие из них по отделу землеустройства.

Приказом Краевого Правительства было объявлено, что постановления Всероссийского Временного Правительства в отношении земельного вопроса (как и в отношении других вопросов) административной практики и законодательства обязательны в пределах Кубанского Края впредь до изменения или дополнения их постановлениями Совета Кр. Правительства или Краевой Рады. Согласно этому приказу объявлялись недействительными всякие сделки на землю, если они были произведены без согласия на то Министра Земледелия, — в нашей кубанской практике, — члена правительства по Ведомству Земледелия. Одной, следовательно, из моих обязанностей стало разрешение или неразрешение сделок на землю.

Общим ходом событий и господствующим настроением было уже предопределено направление зем. реформы в Крае: — частной собственности, — в особенности, крупной частной зем. собственности — не существовать [41]).

Земельные собственники чувствовали нависшую над ними угрозу и делали напор на члена правительства, но обычно успеха не имели. Было лишь выдано условное ведомственное согласие на закрепление крупного земельного участка земли в 5—6000 десят. земли за одной акционерной кампанией, для образования концес-

[41]) См. выше программное постановл. Краевой Рады 1917 г.

сии, обязавшейся построить второй сахарный завод и организовать на участке эмледельческое хозяйство для производства необходимого для завода сырья. Были выработаны условия срочности постройки завода, был установлен срок, когда должна была начаться выработка сахара на заводе. В случае невыполнения к указанному сроку условий, разрешение на отчуждение участка земли теряло силу и кроме того компания обязывалась уплатить крупную неустойку. Будущие сахарозаводчики обязывались также подчиниться всем требованиям закона о земле, каковой должен быть принять в ближайшем будущем Радой.

До революции в Кубанском Крае существовал только один небольшой сахарный завод, ежегодная продукция которого была 200 - 300 тысяч пудов сахару, — количество слишком недостаточное для населения края. Доставка сахара с Украины сопряжена была с большими затруднениями при установвившихся межкраевых кордонах.

Впоследствии, когда пришлось доложить комиссии Краевой Рады о данном факте, — комиссия его одобрила [42]).

(Другие отделы ведомства земледелия — агрономический, мелиоративный, рыболовства и рыбоведения — меньше отнимали времени каждый в отдельности, — но в целом, — более, чем достаточно). Преимущества моего ведомства земледелия заключалось в том, что на Кубань к этому времени пришло достаточное количество хороших специалистов и людей к тому же искушенных в администрировании, поэтому во главе ведомственных отделов и под-отделов удалось поставить опытных и знающих сотрудников и работа налаживалась.

Первую половину дня я проводил, главным образом, в ведомстве земледелия.

В Контроле, где работа, по преимуществу, канцелярского порядка, и где по роду занятий не могло быть большого количества извне приходящих посетителей и где у меня был помощник контролера, я ходил на работу после завтрака. Главной рабочей силой там был секретарь контроля, опытный и дельный чиновник старого Областного Правления Н. В. Ш. Своенравное его чиновничье самолюбие, однако, простиралось до того, что однажды на докладе, не получив утверждения нескольких его повторных «заключений», он от обиды даже расплакался.

Вечера уходили на заседания в Совете Правительства.

Заседали мы подолгу, до 12 час. ночи почти всегда. По праздникам и по воскресеньям заседали по утрам, нередко до 2-х часов дня.

Совет Правительства тогда был и высшей административной инстанцией и органом местного законодательства (до созыва но-

---

42) В законе о земле будет оговорено положение культурных земледельческих и производственных хозяйств в Крае.

вой Рады, ибо проделавшая поход Рада была, по собственному ее постановлению, распущена.

В своем личном составе Совет Правительства, со времени выхода в поход, претерпел значительные изменения.

С нами в поход не пошли члены правительства, избранные паритетной радой от иногородних, Турутин и Трофимов. Они сами себя как-бы исключили из состава Совета. В ст. Мечетинской отказался от исполнения своих обязанностей чл. пр-ва Бырдин. Хорошо не помню, когда и где отстал от нас чл. пр-ва Сверчков. В Екатеринодаре в нашей среде оставался членом правительства, избранный паритетной радой из иногородних, лишь А. А. Трусковский. На место Турутина по ведомству Путей Сообщения был приглашен инж. Кашкин. Через некоторое время в Совете Правительства стал появляться третий иногородний ростовский коммерсант Панченко в качестве управляющего ведомством Продовольствия и Снабжения. Это звание освобождало Панченко от ответственности за направление политики Совета Пр-ва, но зато он имел право решающего голоса лишь по вопросам своего ведомства.

Кулабухов А. И., в свое время избранный радой на должность помощника члена пр-ва по ведомству внутренних дел, стал ведать «внутренними делами» более самостоятельно, так как теперь Быч был перегружен работой по должности председателя.

Я, по должности члена пр-ва, пользовался обычными правами, присвоенными этому званию, но по должности Краевого Контролера — еще и правом «вето»: опротестованное мною сметное предположение по любому ведомству должно было пересматриваться и исправляться в заинтересованном ведомстве и только потом могло поступить в Совет на новое рассмотрение.

Вскоре после возвращения в Екатеринодар мною были разработаны и опубликованы, по утверждении Войсковым Атаманом, «ПРАВИЛА» прохождения смет и специальных ассигнований по всем ведомствам. Я установил систему всех трех видов контроля: предварительного, фактического и последующего. Благодаря этой разработанной регламентации, мое личное вмешательство в процесс контроля свелось к минимуму. В Совет Пр-ва сметы поступали уже побывавшие в соответствующем отделе Контроля с грифом ревизора. Зато теперь иногда другие члены пр-ва ворчали на строгость предварительной ревизии. Впрочем, жалобы шли, главным образом, со стороны тех, у которых замечалась небрежность в составлении сметных предположений.

———

ГЛАВА XXXII.

Переходя в дальнейшем к изложению фактов из жизни других краевых ведомств за этот период, — перед новой Краевой Радой, — уместно будет напомнить, что Куб. Краевое Пр-во по действующему тогда «положению о высших органах» управления (1917 г.) не было в обычном смысле Объединенным Пр-вом. Общеправительственная ответственность перед Радой была устанавлена позже, теперь же Пр-во состояло из председателя и членов Пр-ва,, избранных — каждый самостоятельно — Законодательной Радой. Действия их по своим ведомствам были в известной степени автономны. За общие решения в Совете они несли ответственность лишь как за решения, вынесенные по принципу большинства. В этом заключались большие неудобства: чувство общекубанской солидарности иногда заставляло молчать, где по содержанию делаемых от имени правительства заявлений не все соответствовало общему мнению кубанцев. Перед лицом посторонних не хотелось обнаруживать внутреннюю кубанскую склоку.

Зато позже, когда отношения начали сильно обостряться, Быч как-то не без основания бросил фразу:

— Мы съедаем друг друга... Мы импотентны...

Л. Л. Быч, при таких взаимоотношениях членов Совета Пр-ва, стремился изолировать от нашего влияния наибольший круг деятельности руководимой им лично правительственной работы: по делам внешних сношений, внутренних и продовольствия. С этой частью правительственной деятельности мы знакомились часто лишь «пост - фактум», а «предварительно» лишь в тех случаях, когда Бычу приходилось обращаться в Совет Пр-ва за санкцией проэктов ведомственных штатов, легализации смет и т. п.

Примечательным было в этот период тесное сотрудничество Быча с Кулабуховым.

Еще совсем недавно А. И. Кулабухов держался наших — линейских взглядов, тем более, что и по происхождению он был казаком старой линейской станицы Ново-Покровской... Не хотелось бы здесь распространяться о человеке, который жестоко впоследствии пострадал трагически, тем не менее объективность требует отметить, что устойчивостью взглядов он не отличался...

Быч в описываемое время ему покровительствовал, и Кулабухов, буквально, приклеился к Бычу и во всем творил его волю.

Я уже рассказывал, как по-началу (после возвращения на Кубань) Бычем, в сотрудничестве с Савицким, производилось восстановление власти старорежимных атаманов в Кавказском и в Лабинском отделах. Теперь Кулабухов продолжал то же. Ста-

рые полковники ставились во главе всей «земской» работы освобождаемых от большевиков отделов — Екатеринодарского, Ейского, Таманского и др. В городах назначались «головы» и члены управы по какому-то особому признаку определяемой их «деловитости».

Правда, через некоторое время в Екатеринодар был вызван бывший армавирский городской голова Колычев и под его возглавлением был создан при председателе правительства особый отдел законодательных предположений по ведомству внутренних дел, где г. Колычев и занялся разработкой «нормального типа» городского самоуправления в Кубанском Крае, а впоследствии, уже при нашем «линейском» правительстве, также и положения о местном «земском» самоуправлении.

...Синодик прегрешений этого периода ведомства внутренних дел в отношении периодической печати был довольно тяжелый: до закрытия типографий, навешивания замков на двери редакции и типографии и накладывания казенной печати, включительно.

По приказу Кулабухова (24/X 1918 г.) члену правительства по внутренним делам присваивалось право «закрывать газеты» за статьи, «вызывающие недоверие к Краевой власти и затрагивающие представителей соседних дружественных новообразований».

Впрочем, в одном отношении здесь необходимо сделать оговорку.

Руководители добровольчества очень настойчиво напирали на эту прореху в деятельности кубанских властей.Но этим не могут умалиться *их собственные прегрешения в отношении необходимой* доли гражданской свободы и предосудительной — осважной — обработки общественного мнения. Нельзя пропускать мимо внимания того особого покровительства, которое оказывали добровольческие власти газете Шульгина, начавшей выходить в Екатеринодаре в начале сентября и ставшей как бы официальным органом Добр. Командования. Идеи монархизма и узкого национализма выпирали с каждой строчки «России», «Великой России» и пр. И была еще особая сторона дела: их великодержавный тон, пренебрежение к местным силам. Ген. Драгомиров и Лукомский особенно грешили этим, била в глаза сама их манера держаться с местными людьми: как-бы «римляне» среди «варваров»... Шульгин со своими присными им вторил, может быть, инспирировал.

Казалось, общность прегрешения в отношении гибнущей российской государственности должна бы внушить мысль о скромности заслуг прошлого. Казалось, некому и нечем было кичиться (в особенности ген. Драгомирову и г-ну Шульгину) перед кубанцами.. В обостренном революцией и гражданской войной сознании кубанского деятеля, черноморской складки, этот тон великодержавной непогрешимости г. г. Шульгиных воспринимался, как

крайне неуместный вызов правилам житейской добропорядочности:

— Пришли к нам на Кубань да нас же и поучают... а сами?!

Кубанское правительство усвоило от старого времени обыкновение выпускать свою официальную газету. Прежде это были *«Кубанские Областные Ведомости» теперь стала «Вольная Кубань»*. Назначение газеты прежнее: выражать взгляды местной власти и быть одновременно обязательным сборником приказов, распоряжений и других следов правительственной деятельности. Вместе с тем сознавалось, что совместительство задач официоза и официальных ведомостей не может привести к добрым результатам. Неоднократно ставился вопрос о разделении задач. Проэктировалось выпускать «Правительственные ведомости» и большую ежедневную газету «Вольную Кубань», которая должна быть — *лишь идеологически связанной с правительством. Но этим намерениям* так и не суждено было сбыться, во-первых, по экономическим соображениям, — Кубанское Правительство всегда было экономно в смысле расходования общественных средств, — во-вторых, само Кубанское Правительство этого состава политически не было однородным.

«Вольная Кубань» продолжала, таким образом, ловить сразу двух зайцев, поэтому с поля внимания ее исчезал то один из них, то другой.

Л. Л. Быч, как председатель, стремился подчинить газету своему влиянию, но это ему удавалось лишь отчасти.

Редактором «Вольной Кубани» был то старик Щербина, то некий полк. ген. штаба Дульцев, то отличавшийся неустойчивостью взглядов Д. А. Филимонов. После их всех газетой безраздельно завладел ненавистный черноморцам Фендриков Ф. Н.

Отдельные передовые статьи вызывали бурю негодований в *лагере добровольцев духом «самостийности»: — «Кубань будет* отстаивать свои суверенные права»... и т. д.

В одну кучу сваливались и «независимость мнений» об отношении к соседним областям и «независимость» при установлении взаимоотношений с соседними государствами. Или: то полная частная и общественная инициатива во всех вопросах экономической политики, то вдруг капризная редакция официоза «вольнолюбивого правительства» пускала под шумок мысль о пользе режима «ежовых руковиц».

Одним словом, официозно — официальная «Вольная Кубань» совсем не в редкость являла собою вид листка «без руля и без ветрил». Но она часто фигурировала, как вещественное доказательство противо-добровольческих грехов кубанской власти. Здесь можно отметить любопытное наблюдение: в те времена на юге России относились к печатному слову без особого уважения, но к нему предъявляли большие требования и им много занимались, а

к руководству им допускали очень часто общественно «сомнительных личностей».

У добровольцев зародился добровольческий Осведомительно-агитационный отдел — «Осваг», а у кубанцев параллельный ему такого же назначения, но с другими директивами Кубанский отдел пропаганды — «Коп».

Судьбе было угодно соединить в деле организации кубанской «охранки» два имени, трагически столкнувшихся впоследствии: Кулабухова и Карташева.

Запомнился знаменательный доклад в Совете Правительства о смете «Особого Отдела Ведомства Внутр. Дел». Испрашивалось ассигнование в дополнение к обычной смете головокружительной суммы денег на это новое учреждение. Доклад делался Кулабуховым, поддерживался Бычом. Я, как контролер, решительно стал в оппозицию подобному размаху сомнительного начинания. В поддержку доклада Быч высказался:

— Я сам никогда не был большим сторонником «охранки», но если бы вы, Д. Е., сами послушали горячий доклад начинателя этого дела, капитана Карташева, которого мы предполагаем поставить во главе этого дела, то, право, — вы должны бы были без возражений согласиться с нами. Человек так увлекается своим делом и так горячо берется за него...

Я все же настоял на своем. Потребовал чуть-ли ни наполовину сократить ассигновку и к будущему представить в Совет более четкую формулировку задач учреждения. Быч и Кулабухов подчинились этому, но в результате вторичного рассмотрения «штатов» охранки добились их утверждения и назначили капитана — теперь по-казачьи — есаула Карташева начальником «Особого отдела» кубанского ведомства Внутренних Дел.

И что же? Служа под начальством Быча и Кулабухова, он именно за ними, главным образом, производил наблюдения в пользу других [43]). (В скобках замечу, что впоследствии Карташев похвалялся, что Быч поручал ему следить за кубанскими министрами — Сушковым и Скобцовым...).

В унисон с Бычом по-прежнему тянул свою ноту его ставленник, член правительства по военным делам, полк. Савицкий.

То, что в это время гладко проходили все случаи мобилизации казаков и выполнялась другая организационная работа по военному делу, это скорее нужно было объяснить наличием в деле хорошо сработавшегося за время великой войны аппарата «Кубанского Войскового Штаба».

Вскоре, — по возвращении с похода, — было открыто свое

---

[43]) См.: Ген. Деникин: «Оч. Русской Смуты», т. IV, стр. 58.

кубанское военное училище. При старом режиме его на Кубани не было, и для получения военного образования кубанским молодым казакам приходилось ездить в другие города: Петербург, Москву, Оренбург, Тифлис и др.

Теперь при ведомственных успехах сам Савицкий приобрел показную развязность, заносчивость и, как говорится, в словах не стеснялся.

Однажды в перерыве на заседании правительства, когда с мест не встают и возникают частные переговоры, Савицкий выпалил с демонстрацией в нашу сторону:

— Меня считают монархистом... Да, я монархист... Но не монархист Антона Ивановича Деникина...

А чуть перемолчав, добавил:

— Я — монархист великого князя Михаила Александровича...

Быч потупил очи и заулыбался себе в усы... — Одолжил приятель...

Было не мало и других случаев того же порядка.

Приведу еще один пример. По обратном занятии Екатеринодара была получена телеграмма из Тифлиса от председателя «Меджилиса» «суверенной» Северо-Кавказской Республики того времени... Где проходили границы этой республики, точно никто не знал, но ее глава Т. Чермоев прислал нам из Тифлиса поздравление с обратным занятием «столицы Екатеринодара» и выражал самые лучшие нам пожелания.

Среди «вермишельных» вопросов, Быч огласил эту телеграмму и полушутя, полусерьезно предложил поблагодарить отыскавшегося союзника.

Савицкий с Чермоевым старые сослуживцы, оба — офицеры былой декоративной Кубанско-Терской воинской части — конвоя Его Величества.

— Лука Лаврентьевич! — обзывает Савицкий Быча: — разрешите, я отвечу Топе (имя Чермоева).

— Пожалуйста... Но как вы намерены ему ответить?

— Да, так... по-свойски: — Ду-к, ты, Топа, сам бездельничаешь и нас от дела отрываешь...

Нам давался образец кавказской дружбы на манер «аллаверды, Господь с тобою», но кто бы тогда мог подумать, какие печальные результаты последуют от нее, когда Топа Чермоев, Савицкий... Быч, Кулабухов и некоторые другие окажутся несколько позже в Париже и с развязанными руками займутся без стеснения деланием кружковой политики на манер международных сношений, заключения международных договоров, а для несчастного Кулабухова все закончится так трагически.

На экономическую краевую жизнь давили твердые цены на хлеб и другие продукты сельского краевого хозяйства и, как неизбеж-

ное дополнение к твердым ценам, разрешительная система вывоза, вывозные пошлины, установление пограничной стражи.

Кубанское Правительство обязалось доставлять продовольствие для Армии Добровольческой с кубанскими частями, а равно и для Дона, где была якобы нехватка собственных продовольственных продуктов.

Твердые цены в обстановке того времени, когда отсутствовали эквивалентно оплачиваемые товары, потребные населению, — это искусственно пониженные цены, чтобы меньше платить земледельцу. Закупать зерно и масло по рыночным ценам краевая власть не могла за недостатком денег. Чтобы удержаться на уровне наименьшего зла, специальные краевые ведомства должны были бы обладать высокой способностью привлечения в Край потребных для населения хозяйственных товаров. Как это было тогда сложно, я убедился из личного опыта по заготовке так называемого «манильского шпагата» для жаток — сноповязалок. Подготовительная кампания к уборочному сезону лета 1919 г. началась еще в конце 1918 г., но к началу сезона шпагата было заготовлено недостаточно.

Не было общепризнанной твердой денежной единицы. Рынок был наводнен всяческими денежными суррогатами: бумажными деньгами разных выпусков Всероссийского Правительства, купонами различных займов, банковыми обязательствами, деньгами разных «республик» (пятигорской, черноморской) и пр. Незадолго до нашего возвращения большевики пустили в обращение, как деньги, белые вексельные бланки, просочились в Край и другие деньги всероссийских большевицких выпусков. Актами Краевого Правительства, а затем и Добровольческого, большевицкие деньги были аннулированы, чем, следовательно, сразу население было ударено по карману.

Курс оставшихся в обращении бумажных денег не был «устойчивым», но, как правило, — всегда понижался.

Вокруг дела заготовки и вывоза продовольственных грузов завязался нездоровый ажиотаж. Скоро поползла молва о взяточничестве в ведомстве *Продовольствия и Снабжения. То же* стали говорить и о пограничной страже.

(Об этой страже «улица» множила разные мало-почтенные анекдоты, в роде нижеследующего:

— Кто едет? — будто вопрашает пограничный страж с винтовкой, приближающуюся фуру с мешками.

— Ермак Тимофеевич! — ответствует возница фуры.

— Вороти назад!

— Дюже строгий... Мы знакомы и с Атаманом Платовым...

После обмена рукопожатиями, быстрый осмотр мешков, и фура продолжает путь через границу.

...На кредитке донского выпуска 100-рублевого достоинства был изобаржен памятник завоевателю Сибири Ермаку, а на кредитке

250-рублевого достоинства — Атаману Платову, герою Отечественной войны).

Сами донцы пользовались печатным станком неограниченно, нам же отпускали кредитки малыми порциями, расплачиваясь в то же время за кубанскую пшеницу теми же кредитками из расчета «твердых цен». В кубанских кругах пошла молва, что Дон реализует получаемую от нас пшеницу из расчета на твердую иностранную валюту [44]).

Начинать нужно бы с унификации денежного знака, установления общего контроля над его выпуском и правильного распределения денег между краевыми казначействами.

Но Дон всех опередил, раньше других приспособился печатать кредитки, приличные с внешней стороны, при Ростовской Конторе Государственного банка, и всех поставил от себя в зависимость. Все попытки этой осени и последующего времени договориться с Доном, чтобы установить справедливую систему распределения запасов кредиток, приводили лишь к заключению «конвенций», неизбежным последствием коих было предусмотрительное затормаживание работ кубанского финансового ведомства по выпуску собственных кубанских денежных знаков.

В мемуарной литературе деятелей противобольшевицкого движения много рассказано, в какой тупик попадало оно в вопросе о путях сообщения. Отмечалось обыкновенно, как главная причина неустройства: раздробленность управления неделимыми раньше жел.-дорожными магистралями. Это справедливо только отчасти.

Командование Добр. Арм. наложило свою руку на все пути сообщения, назначив своего единого «Начальника Военных Сообщений». Но кассы жел. дорог страдали от большого количества перевозок по военным нарядам. В бюджетном отношении железнодорожное движение становилось дефицитным.

Например: Черноморско-Кубанская ж.-д. (одна из немногих всецело кубанских дорог, созданная на кооперативных началах станицами Черноморья) обращалась неоднократно к Краевому Пр-ву за субсидией, и Пр-во принуждено было ей выдавать эту субсидию, иначе дороге нечем было расплачиваться со служащими.

---

44) Высшей номинальной ценой кредиток кубанского выпуска того времени были 50 рублей, Дона — 500 и 1000 рублей. Добровольцы наводнили денежный рынок своими «колокольчиками» в 1000 и 10.000 рублей...

Человеку, пожелавшему объективно разобраться в репутациях членов фактической противобольшевицкой коалиции, следует обратить на это особое внимание...

В области пассажирского движения скоро установился пагубный обычай военных начальников пользоваться специальными поездами: поезд Главнокомандующего, поезд ген. Врангеля, поезд ген. Шкуро и т. д.

И родственникам «героев» представлялись отделные классные вагоны.

На укомплектование этих «специальных» поездов высших начальников, на предоставление удобств передвижения важным особам уходили лучшие классные вагоны. Для поездов, обслуживающих общие нужды, оставалось недостаточное количество классных вагонов худшего состояния: ободранных, изношенных и загаженных. Скоро стало не безопасно ездить в этих вагонах; они становились рассадниками заболевания тифом и пр.

По ведомству юстиции до выхода в поход — членом правительства был старый судейский деятель из природных кавказцев, почтенный Паша-Бек-Султанов. Он старательно оберегал от развала старый кубанский судейский корпус. Но, кажется, уже при нем стал выделяться из местных прокуроров на ролях скорострельной юстиции гражданской войны статский-сов. Лукин. Он с группой своих сотрудников вышел с нами и в поход, и нужно думать, что это не без его участия был разработан проэкт Приказа Кубанского Правительства № 10, проведенный через Совет Правительства преемником Паши-Бека, горцем А. А. Намитоковым.

По ведомству Народного Просвещения Ф. С. Сушков бесшумно делал свое дело, и в Крае не только восстанавливались уже бывшие в станицах и городах учебные заведения, но открывались и новые с общей тенденцией достигнуть всеобщности начального образования. Так как в Крае обнаружился большой приток профессоров и б. преподавателей в Высших Учебных заведениях (между прочим, из Тифлиса, где Грузинское правительство проводило национализацию школы), то было подготовлено и было открыто первое высшее учебное заведение в Екатеринодаре — Кубанский Политехнический Институт сначала с двумя отделениями — Сельско-Хозяйственным и Экономическим, а затем еще инженерно-строительным, электро-механическим и химическим.

ГЛАВА XXXIII.

Военное дело, финансы, общехозяйственные нужды, область внешних сношений — все требовало создания объединенного, общепризнанного высшего распорядительного органа, — это сознавалось всеми, но как прийти к этому, — думали по разному. Генерал Краснов, избранный Донским Атаманом, для обоснования

донской обособленности выкопал из тьмы веков название «все-великости» Донского Войска и герб с казачьей «обнаженностью» в центре, флаг, и пр. аксессуары донской самостоятельности. Павло Скоропадский, украинский гетман, самая прозаическая по времени креатура проникших на Украину немцев, — для Краснова — «брат». В Берлин к императору Вильгельму (который сам через несколько месяцев побежит искать убежища у голландской королевы) Краснов отправляет посольство — «Зимовую Станицу», как во времена былой «обыкновенности» посылались с Дона «Зимовые Станицы» в Москву. А в адрес Добровольческого командования — элиты русских генералов — брошено им сравнение: «бродячие музыканты»...

...Кубанцы, придерживаясь прежних постановлений Рады и декларации о временности своего государственного образования и о принципе общероссийской федеративности, объявили «приказ» о созыве новой Краевой Рады на конец октября (28). Предлагалось казачьим станицам, хуторам, а также селениям с жителями коренными крестьянами, аулам (с жителями горцами) прислать своих представителей по одному — от 5.000 душ населения; фиксировалось какое количество представителей должны прислать каждый из кубанских городов — Екатеринодар, Армавир, Ейск, Майкоп, Анапа, Темрюк.

Много вызвавший споров до выхода в «ледяной поход» принцип паритетности представительства отдельных групп населения был теперь обойден молчанием.

Так как раньше бывали случаи представительства в Краевой Раде от воинских частей, то теперь этот вопрос был представлен на усмотрение Главного Командования Армии; оно приняло предложение прислать представителей армии в Раду. Таким образом, кубанцы как бы оставляли открытыми двери для принятия общих решений с добровольцами. Но перенося разрешение всех вопросов в Краевую Раду, кубанцы без экивоков ставили вопрос о принципе народоправия в пределах захваченного борьбой населения.

Какую систему власти для себя и для всего объединения лелеяли и вынашивали добровольцы? Консервативный деятель и журналист Шульгин подал мысль ген. Драгомирову об организации «Особого Совещания» при Верховном Руководителе Добровольческой Армии. Шульгин же, будто бы, составил и перечень тех отделов, из которых должен был состоять этот орган [45]). Дальнейшая разработка проэкта первого варьянта «Особого Совещания» производилась под руководством и ответственностью ген. Драгомирова. Форма власти — диктатура, а по этому ее варианту — с любопытной подробностью: диктатура двуглавая и при этом с явным уклоном к особому типу генеральской олигар-

---

45) См. об этом: Соколов. Правление ген. Деникина.

хии. Общепризнанный вожль Добр. Армии, ген. Алексеев определялся, как Председатель Особого Совещания, но лишь для больших его заседаний, для разрешения наиболее серьезных вопросов и для рассмотрения сложных законопроэктов, затрагивающих интересы нескольких ведомств.

Кроме больших могли созываться малые заседания под председательством командующего Армией ген. Деникина, при обязательном присутствии в них генералов Лукомского и Романовского, а из остальных управляющих ведомствами министров могли присутствовать лишь те, которых признал нужным пригласить председатель. Право принятия окончательных решений по законопроэктам и придания им силы законов, независимо даже от решений «больших заседаний», оставалось за обоими генералами — Алексеевым и Деникиным. «Положение» при этом требовало, чтобы управляющие отделами докладывали на ближайшем большом заседании о решениях, принятых на малых заседаниях. Управляющие отделами имели право личного доклада у Верховного Руководителя и у Командующего Армией. В положении были зафиксированы имена генералов, последовательно заменяющих один другого в случае неизбежности: Алексеев, Деникин, Драгомиров и Лукомский, сменяющие друг друга председатели и возглавители власти и затем именной член Совещания ген. Романовский. Этот *проэкт ген. Драгомирова об Особом Совещании, утвержденный* 18-го августа ген. Алексеевым, пролежал в столе Драгомирова под замком — в виде секретного документа, чтобы «до времени не вызывать возбуждения в кубанской среде», весь срок своего существования, т .е. до дня смерти ген. Алексеева — 5 сентября 1918 года. В дальнейшем, так как потом «неписаная конституция Д. А. не знала иной власти, кроме ее Командующего», то никто не возбуждал после смерти Алексеева вопроса о преемственности, за санкцией новых писаных ее вариантов обращались теперь уже непосредственно к ген. Дникину.

Устанавливалась новая директива:

Временная власть командования Добровольческой Армии, преследуя обще-русские интересы, должна быть неограниченной, в виде единоличной диктатуры. В части личной компетенции разрешать организационные вопросы «все стало ясно». И сам Драгомиров[46]) должен был хлопотать лишь в качестве исполнителя предначертаний и лишь о подготовке и шлифовке конституционных вариантов. Им это дело перепоручено было проф. Соколову, члену партии к.-д. Последний до этого довольно долго

---

[46]) *О самом ген. Драгомирове Деникин* свидетельствует (37 гл. Очерков), что Драгомиров был приглашен Алексеевым для совместного путешествия в г. Уфу, т. е. подчеркивалась персональная связь Драгомирова с Алексеевым и, вообще временность его работы в Д. А. на Кубани и на Дону.

колесил по Советской России, пока ни обосновался в Екатеринодаре. Соколов, появившийся у нас на Кубани совместно с другими видными членами к.-д. партии, разделил в полной мере добровольческую точку зрения о неизбежности диктатуры и целесообразности ее, как единственно мыслимой формы организации власти при политической ситуации того времени. Принималось, как бесспорное, что успешное противопоставление диктатуре Ленина и Троцкого возможно только лишь в виде власти столь же сконцентрированной и выделенной из среды Д. А., а почему так, — доказательства будто бы даже и не требовалось.

К нам, кубанцам, эти штатские проводники диктатуры пришли не в виде людей от Драгомирова, а в особом виде частных посредников, в виде как-бы третьей стороны, предлагающей сговор двум другим спорящим сторонам.

У нас с этими посредниками — К. Н. Соколовым и В. А. Степановым — состоялось два совещания: одно в квартире П. М. Каплина [47]), одного из немногих кубанских ка-детов, другое — в помещении куб. ведомства Здравоохранения.

Наши посредники, очевидно, возымели намерение сначала побеседовать с кубанцами, наиболее «мирно настроенными» в отношении добровольцев, — Сушковым, Скобцовым, Каплиным, Филимоновым...

Собеседование начал Соколов, указав, что ему «известно» направление работ комиссии при Главном Командовании по созданию объединенной власти противо-большевицких сил. По его сведениям эта комиссия полагает желательным нижеследующее:

> «Главнокомандующий стоит во главе всех морских и сухопутных вооруженных сил, определяет устройство армии и флота и руководит всем делом государственной обороны, представляет области, занимаемые Д. А., в их сношениях с иностранными державами, заключает международные договоры, объявляет войну и заключает мир, издает законы и указы по всем отраслям государственной жизни, устанавливает единую систему денежного обращения, назначает на все высшие должности военной и гражданской службы, осуществляет право помилования и смягчения наказаний и пр., объявляет местности на военном и исключительном положении».
>
> «Для содействия Верховному Руководителю Добровольче-

47) П. М. Каплин был впоследствии членом Куб. П-ва по ведомству Юстиции, как раз в это время составлял проэкт «Положения о Высших Органах Управления Куб. Края» (Кубанской Конституции), положив в основу принципы конституции Третьей Франц. Республики. У него в это время в квартире жил К. Н. Соколов в качестве гостя и на том же столе изощрялся над составлением проэкта положения об Особом Совещании при диктаторе ген. Деникине, о чем сам потом расскажет в своей книге: «Правление ген. Деникина».

ской Армией и ее главнокомандующему в делах законодательства и управления» при нем определяется состоящим «Особое Совещание» из обычных министерских отделов с компетенцией составлять свое мнение по всем законодательным предположениям, по всем правительственным мероприятиям общегосударственного значения и, наконец, по всем предположениям замещения главных должностей».

«Особое Совещание в полном составе, а равно управляющие отделами, пользующиеся правами министров, за общий ход государственного управления ответствуют единственно перед Верховным Руководителем Добровольческой Армии».

По этой принципиальной части предположений о единоличной диктатуре, мы, кубанцы, в этом же первом собрании нашем с «посредниками» высказались единодушно и совершенно отрицательно. Наш кубанский ка-де Каплин был солидарен со мной и Сушковым...

Мы указывали на «предвзятость мнения» о спасительности диктатуры. Если наши противники - большевики предпочли для себя и своей партии применять этот принцип власти, то мы, признавая, что это гибельно для России, никак не должны в подражание своим противникам строить свою объединяющую власть на том же самом основании. Нецелесообразно применять в политике простейший принцип механики: — «клин клином вышибается...».

Кубанская почва совершенно не пригодна для укрепления власти диктатора. У нас невозможно при создавшемся положении добровольное признание власти диктатора, принудительное же внедрение диктатуры в краевую жизнь должно оказаться чреватым опасными последствиями.

Мы обращали при этом внимание наших собеседников на то, что так говорим мы, наиболее благожелательно настроенные в отношении добровольцев. Другая группа Кубанцев, наши черноморцы, совсем иначе могут взглянуть на это дело.

Ф. С. Сушков с большой откровенностью рассказал о натянутости отношений в кубанской среде и о том, как важно при создавшемся положении соблюсти осторожность и осмотрительность в действиях.

Сейчас, все кубанцы, без различия партий захвачены идеей борьбы, и это нужно ценить и не производить опасных экспериментов.

В части положительной наши предложения были приблизительно следующими:

«Объединение власти и с кубанской точки зрения крайне желательно и серьезно предпринятые к тому шаги со стороны

добровольцев найдут среди кубанцев благоприятное к себе отношние. *Установление подходящего вида внешних сношений и согласованное разрешение общих экономических проблем является неотложным».*

«Общая польза требует, чтобы население других освобождаемых от большевиков областей почувствовало сразу же разницу между большевицкими методами управления и нашими, и с этой точки зрения необходимо привлечение к делу составления власти представителей населения и неказачьих областей, практически — для данного момента — представителей Ставропольской и Черноморской губерний».

«Генерал Деникин, пользуясь полнотою власти, как командующий военными силами, в гражданском отношении не должен добиваться исключительных полномочий. Нужно найти удовлетворительную формулу временного персонального *конституционного носителя верховной власти и только в этих пределах ген. Деникин мог осуществлять его функции».*

«В гражданском отношении исполнительная власть должна опираться на народное доверие и быть ответственной».

«Кубанский Край в своей внутренней жизни должен оставаться автономным с правом производства неотложных реформ социального значения, земельной и проч.».

«В сферу внутренней жизни не должно быть вмешательства добровольцев ни со стороны их руководителей, ни со стороны низших начальников на местах. Формы внутреннего управления Кубани вырабатываются ее властью, составленной по принципу широкого народоправства».

Господа Соколов и Степанов были явно обескуражены нашими заявлениями: «определенностью и упорством кубанской политической психологии» [48]).

В 1917 г. мы, кубанцы, между собою спорили, как именоваться: «область» слишком напоминала старое бесправное положение, «республика» — *сепаратизм, «Край» — нечто среднее, подчеркивающее внутреннюю самостоятельность, особенность в федеративном целом. А тут с первых же слов, как только диктатор приготовился с нами говорить,* сейчас же снижал нас до прежнего бесправного положения, — «область» то же, что «губерния»...

...А еще *вчера,* — в ст. Ново-Дмитриевской, — генералы Алексеев, Деникин, Романовский подписывали соглашение с кубанцами, как равный с равным, потом прошли совместно путь борьбы за историческую справедливость, за разумный новый правопорядок. Судьбе угодно было дать победу нашему конституционно неоформленному объединению, и вот теперь... почему же один из

---

48) См. Соколов: «Правление ген. Деникина».

членов коалиции претендует на роль диктующего другому свои условия?!

Глубоким соблазном было и наличие «третьей стороны», этих, якобы, «посредников» Соколова, Степанова и других членов партии ка-де. Вся их «хитрая механика» была шита белыми нитками. Это были не посредники, а пособники генеральской олигархии. За ними главными фигурами являлись даже уже не Алексеев и Деникин, а Драгомиров и Лукомский, а там Шульгин с «Россией», а дальше «Осваг» с наружу выпирающей старорежимной пропагандой, а еще дальше — развернувшийся уже в очень неприглядных формах произвол во всех отраслях управления.

Впоследствии ген. А. И. Деникин неоднократно укажет в своих «Очерках Русской Смуты» на психологию армии, которая — якобы — не примирилась бы с отступлениями наметившегося курса добровольческой политики и составления власти.

— «Армия при первой же неудаче вышла бы из подчинения»...

Категоричность суждения едва ли может быть оправдана в свете развившихся впоследствии событий.

Горький опыт вооруженной борьбы на юге России показал, что Армия отказалась итти до конца за властью, организованной по рецептам Драгомирова, Шульгина, Соколова... Ссылка на коллективную психологию всегда может иметь двухстороннее значение.

В отношении добровольческого генералитета и некоторой части высшего офицерства утверждения бывшего главнокомандующего, наверно, имели под собою основание. Но в армии в это время числилось не менее 70% казаков. А только единицы казачьего офицерства продвинулись в высшие сферы добровольцев. Остальная масса жила своей психологией с несомненным преобладанием в ней казачье-народного начала.

... — «Казачество в целом — в описываемое время — не было пока вовлечено в нашу распрю»...

... — «Сильный враг был еще у порога Екатеринодара».

К этим словам ген. Деникина следует добавить: в это время «распря» еще таилась в скрытом состоянии, и масса не могла еще делать из нее своих выводов. И еще: если генералы Алексеев, Деникин и Романовский были известны кубанским казакам и у казаков определилось к ним отношение психологической близости, то о Драгомирове и Лукомском никак нельзя этого сказать... — Досужие перелеты!... тем паче о Соколове, Степанове и др.

На второе наше собрание проф. К. Н. Соколов пришел уже не только в качестве «осведомленного» лица о том, как думают о составлении объединяющей власти в верхах добровольчества, но уже и в качестве автора проэкта двух возможных вариантов составления этой власти:

1. Временного положения об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией.

2. Положения о Северо-Кавказском Союзе.

Первый вариант содержал «разделы» о пределах власти «Верховного Руководителя и Главнокомандующего» Добр. Армии именно те, о которых говорилось Соколовым в прошлом собрании, т. е. *о полной его диктатуре*.

К предметам ведения кубанской областной власти по этому 1-му варианту относились: местная полиция, санитарное и медицинское дело, тюремное дело, установление и взимание местных налогов, пути сообщения местного значения, заботы о развитии местной торговли и промышленности, продовольствие населения, земледелие и землеустройство, народное просвещение — при *соблюдении прав государственного языка*, — контроль местных *правительственных учреждений*.

В пределах такой местной компетенции, — допускалось в положении, — образование ведомств: внутренних дел, войсковых, финансовое и пр.

Кубанское областное правительство возглавляется Атаманом. Вообще говоря, во всех деталях последовательно была проведена *идея узкого областничества*. Как-будто бы не ограничивалась *лишь компетенция моего* ведомства — *земледелия и землеустройства*, другие ведомства или совсем исчезали, или теряли главную часть своего содержания. Особенно подчеркнута была такая тенденция в отношении краевого ведомства Продовольствия и Снабжения.

Нам теперь оставлялось лишь продовольствие местного населения. *Продовольствие армии и все снабжение изымалось из компетенции краевой власти*.

Чтобы осмыслить странность и несвоевременность подобного предложения, необходимо не упускать из виду, что в описываемое время (как еще долго и потом) Кубань являлась основной, если не единственной, базой продовольствия всего дела борьбы, тогда как фабрикаты для снабжения населения попадали на юг в весьма ограниченном количестве и, следовательно, весьма важно было *бы удержать распределение этих малых запасов фабрикатов в* руках наиболее близкой населению ее краевой власти.

Отказаться также от контроля заготовки в Крае продовольствия для Армии кубанцам представлялось совершенно немыслимым. Нравы очень понизились в среде нахлынувших в Край дельцов «для обслуживания нужд Армии». Отчужденность заготовительных органов от населения, неподчиненность их в смысле *контроля краевой власти могли послужить причиной* новых всяческих недоразумений между нами и добровольцами. Согласившись на это, кубанцы приобрели бы сомнительное удовольствие применять к себе, в прямом смысле, свою местную поговорку:

— За мое жито, та мене і бито.

Наконец, заключительная, 8-ая глава положения гласила: «Основной закон об управлении Кубанской областью вырабатыва-

ется в пределах настоящего положения Кубанской Краевой Радой и **утверждается** и обнародуется Верховным Руководителем и Главнокомандующим Добровольческой Армии; в этом же порядке, в случае нужды, проводится пересмотр означенного основного закона». Так определяется по первому варианту Соколова порядок «октроирования» кубанской областной автономии вчерашним союзником.

Нам же этот порядок и этот вид соколовского «октроирования» показался содержащим в себе даже элемент глумления над выраженной однажды волей краевого населения.

Мы чтили память первых добровольцев и собирателей добровольчества генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова. Добрая память у нас осталась о таком общем герое добровольчества, как ген. С. Л. Марков, и о других, павших на полях Кубани героях-добровольцах. Уважение и почитание военной доблести образовалось у нас лично к ген. Деникину и его помощнику ген. И. П. Романовскому. Мы видели в походе смелость их личного риска и готовность к жертве, но, коль скоро вопрос переходил к форме и порядку повседневной гражданской жизни, мы не могли не видеть, как с неудержимой настойчивостью все правящие органы добровольчества от верхов до низов забивались реакционным элементом, людьми, которые в большинстве своем «ничего не забыли» и «ничему не научились». Кубань для них та же старая область - губерния, к которой они рвутся по старому управлять и по старому эксплоатировать.

Старый Шульгин, в конец проигравшийся при развале старой империи, появился тут-же на Кубани со своей «Великой Россией»... с готовностью нами «идейно руководить»...

Но большинство бойцов в армии — кубанцы, основная территория — кубанская, жизненные ресурсы — кубанские, а к тому же и преемственность от последнего законного всероссийского правительства власти самоуправляться была у кубанцев же. (См. об этом выше).

Наши возражения профессору К. Н. Соколову на этот раз носили более резкий характер.

Обращаясь к его второму предложению, к так называемому «Положению о Северо-Кавказском Союзе», мы высказались, что в нем для нас могла бы оказаться приемлемой основная рамка: не диктат, *а двухстороннее соглашение верховного руководителя* Д. А. и кубанского краевого правительства, первого — от имени населения не казачьих областей, и второго — от имени населения Кубанского Края.

По содержанию же его основных статей положения о «Союзе», где к примеру, в ст. 3-ей говорилось без экивоков о «всей полноте власти Верховного Руководителя Д. А. в вопросах законодательства и в вопросах управления в пределах Союза», то мы высказались, что для нас это неприемлемо.

В своей книге «Правление ген. Деникина» проф. Соколов обмолвился, как он прибег тут к некоей «хитрой механике», чтобы сочетать с диктатурой нечто от федерации и соглашения.

Кубанцы «раскумекали» профессорскую «хитрую механику».

Пропуская мимо ушей тон людей, подходящих к нам с запасом профессорского лукавства, мы выразили надежду, что при честном отказе от предвзятой мысли о «спасительности» организации объединяющей власти только в форме личной диктатуры, дальнейшие переговоры могут иметь успех.

Но другая сторона — добровольческое командование — увлеклась своим размахом захвата прав на распоряжение силами и ресурсами Кубани.

Генералу Деникину даже соколовское положение о «Северо-Кавказском Союзе» показалось «недостаточно обеспечивающим полноту власти» и не отвечало тому положению, которое должна будет занять Кубанская область в строе «Российской Державы»... Как теперь странно читать эти слова!...

ГЛАВА XXXIV.

Л. Л. Быч, председатель Правительства и заведующий нашими краевыми внешними сношениями, упорно молчал по поводу желательной для него формы объединения власти. Однажды в заседании Совета Правительства, в порядке внеочередного заявления, мы сами этот вопрос поставили и Быч предложил поручить члену правительсва по ведомству юстиции, горцу А. А. Намитокову, представить в Совет соображения о желательной форме «объединения власти». По своей политической ориентации Намитоков был близок к Бычу, поэтому скоро нам была доложена излюбленная Бычом формула «объединения» в виде широкого Южно-Русского Союза, вернее было бы сказать: Южно-Русской конфедерации — с непременным участием в ней, кроме Дона, Кубани, Терека, также Крыма, Украины Грузии, Азербейджана, Армении и пр. Во главе Союза проэктировалось поставить Союзный Совет, многоголовое учреждение, которое действует через назначаемое им правительство и при особом законодательном собрании представителей каждой из входящих в Союз держав, нечто подобное «Союзному Совету» (Бундесрату) времен до-бисмарковской Германии.

Слабость такой конструкции власти была самоочевидной для данного острого момента гражданской войны. Это была другая крайность по сравнению с добровольческой навязчивой идеей — «единоличной диктатуры». Не терпящий отлагательства вопрос

объединения власти отодвигался на неопределенное время, ставился в зависимость от привлечения широкого круга предполагаемых участников, при этом таких, о которых не было известно, желают ли они, объединения, которые, к тому же, в силу обстоятельств попали в сферу различных иностранных влияний — Грузия [49]) и др. закавказские республики сначала немецкого, а потом английского, Украина, Крым — немецкого, а затем общего союзнического — французского. Непрактичность и по моменту крайняя нецелесообразность предложения Быча—Намитокова била в глаза и крайне раздражала. В Совете Куб. Пр-ва обмен мнений принял резкий оборот. Несмотря на неотложность объединительного завершения, вопрос о нем сошел с повестки на неопределенное время, что у нас нередко тогда случалось. К нему Совет П-ва принужден был вернуться, когда от командования Д. А. последовало официальное приглашение принять участие в совещании по поводу образования объединенной власти. Добровольцы к этому периоду по своему подготовились. Составленное Соколовым «Временное Положение» было в целом одобрено на совещаниях у Деникина. В смысле порядка проведения в жизнь «единоличной диктатуры» решено было не навязывать ее насильно, не предписывать ее кубанцам, а на ней «сговориться»:

— Диктатура, покоящаяся на сговоре.

Практика диктатуры, между тем, уже о себе широко заявила на образцах управления очищенными от большевиков частями Ставропольской и Черноморской губерний. Они были отданы в руки молодых и решительных полковников: Глазенапа и Кутепова.

Об административной практике ген. Уварова уже говорилось выше. Сам ген. Деникин даст потом оценку этому образцу диктатуриального управления своих молодых помощников исключительно безотрадную.

— Военные губернаторы обрастали мало-по-малу махровым цветом старого чиновничества. Издавались «оглушительные приказы»...

— Уездные административные должности становились этапом *в арестантские роты* [50]). *Местная интеллигенция не хотела* сотрудничать с такого рода администраторами и от занятия предлагаемых должностей отказывалась.

Правда, чистая диктатура тогда еще не была объявлена, эти проявления тогдашнего добровольческого управления проходили *под ярлыком еще военно-полевого управления, но как показала* последующая практика, это не имело существенного значения.

---

[49]) Грузия 26 мая 1919 года отпраздновала уже первую годовщину своей независимости, как «самостоятельной державы», *чтобы потерять* эту самостоятельность 25 февраля 1921 г. (См. Авалов: «Независимая Грузия». Стр. 30).

[50]) Деникин: «Очерки Русской Смуты», IV, 44-46.

Мы уже тогда полагали, что новая форма одной и той же сущности, при тех же самых действующих лицах ничего нового не принесет, а так как примеры заразительны, то и Кубань не будет гарантирована от укрепления на ее собственной почве подобной практики. В добровольческом лагере думали, повидимому, иначе и начинали хлопотать о «сговоре». До нас дошли слухи о начале «сговора» с донскими общественными деятелями кадетской партии, казачьими представителями в Государственной Думе, В. А. Харламовым и Воронковым, и бывшим короткое время комиссаром Временного Правительства в г. Ростове, ростовским адвокатом, В. Ф. Зеелером.

16-го октября в Особом Совещании под председательством ген. Драгомирова, при участии названных лиц, был поставлен вопрос об общности взглядов, как проводить сговор с казаками, в частности, с кубанцами.

Совещание имело интимный характер. Только Степанов и Харламов будто-бы высказались против единоличной диктатуры, но на какую-то коллегиальную диктатуру будто-бы соглашались и они «по тактическим соображениям» [51]).

Штатские члены совещания проявили тут значительную дозу макиавелизма. Ген. Деникин отметил следующее любопытное заявление Зеелера: — «Если имеется власть и сила, то нечего спрашивать, а нужно делать то, что является необходимым... Ну, а если есть колебание и нет уверенности в том, что все пройдет гладко, тогда давайте разговаривать...» [52]).

...На заседании Совета Кубанского Правительства при рассмотрении предложения добровольцев для совместного обсуждения вопроса об объединении власти, явился Н. Ст. Рябовол, видно, по специальному приглашению Быча. Суждения изобиловали взаимными упреками, что вот де мы, благодаря внутренним трениям, всегда несем ущерб в наших внешних выступлениях. Мне лично Н. С. Рябовол бросил упрек в моей, якобы, слишком большой податливости в обще-российскую сторону и в пренебрежении казачьим интересам. Я в долгу не остался и упрекнул его, что он, как председатель рады, вообще, очень часто свободно обращается с мнением ее членов, что мы, благодаря его импульсивности, много теряем в нашем кубанском деле.

Из-за столь острого оборота прений, к сожалению, ставшего у нас обычным, ни к какой системе объединенной власти снова не

---

51) Деникин: «Очерки Русской Смуты», IV. 44-46.

52) Уже в Париже, летом 1926 года, пришлось как-то беседовать с В. А. Харламовым на эту тему. Он утверждал, что им, — штатским посредникам с Дона, — удалось добиться согласия ген. Деникина на то, что в области гражданского управления он (Деникин) согласен пойти на уступки и стать конституционным главой организуемой власти, в области же военного управления и командования он требовал для себя неограниченных полномочий.

пришли и решили на первое совещание с добровольцами итти без своего предложения, сначала выслушать их.

Быч и его друзья, видимо, согласились на это из боязни не получить большинства в Совете, и в то же время сочувствуя оттяжке. Мы же пошли на это, как на неизбежное, — проэкт Быча и Намитокова нам казался хуже, чем ничего. Конструктивные предложения нашей группы — линейской — и на этих своих кубанских совещаниях были по существу те же, что и на совещаниях с добровольцами.

I. Объединение власти в противобольшевистской коалиции крайне желательно. Установление подходящей формы объединенных внешних сношений и согласованное разрешение общих экономических проблем является неотложным.

II. Ген. Деникин, пользуясь полнотою власти в смысле командования военными силами коалиции, в гражданском отношении не должен добиваться исключительных полномочий. Нужно найти для ген. Деникина удовлетворительную формулу уставного носителя верховной власти и только в этих пределах ген. Деникин мог бы осуществлять ее функции.

III. Кубанский Край, как и Всевеликое Войско Донское, в своей внутренней жизни автономны с правом производства неотложных реформ социального и внутри-краевого экономического значения, земельной реформы и проч.

IV. В первую голову неотложно и необходимо договориться и установить единение с Доном о правильном распределении тягот борьбы, согласованности по проведению социальных реформ и равномерном финансировании общих предприятий.

V. Кубань, как и Дон, имеют объединенными — Кубанскую и Донскую Армии, свои воинские части, в смысле общего командования подчиненные ген. Деникину.

VI. Объединение и дружественные отношения с другими свободными от большевистской власти государственными образованиями — Украиной, Грузией, Арменией и др. — в высшей степени желательны, к ним всячески нужно стремиться, но не ставить в зависимость от них фактического, уже установленного ближайшего единства. Нужно помнить и всегда стремиться к расширению объединения противо-большевистских сил, но преступно, стремясь к широкому объединению, расшатывать ближайшее.

На этом, собственно, прервались наши совещания об организации объединенной власти до созыва Рады. Своего Кубанского проэкта мы представить не были в состояни, вследствие внутренних трений.

———

ГЛАВА XXXV.

Доно-Кавказский Союз.

Изложение возникавших в течение лета и первой половины осени 1918 г. инициатив по созданию объединенной власти было-бы неполно, если оставить без внимания инициативу Донского Атамана ген. Краснова. Это должно представить интерес с точки зрения также состояния умов активных деятелей того времени.

Как уже рассказывалось здесь, в ст. Мечетинской Рада поручила заключение Союза с Доном Л. Л. Бычу. Я уже отмечал также, как мы сожалели, что допустили такое решение Рады, — украинцу Бычу не было на руку выправлять Кубань через Дон на большую Московскую дорогу. В результате переговоров Быча с Красновым был подписан 24 мая ст. ст. 1918 г. договор, значение коего и тогда, и после было ничтожно, вследствие отстутствия в договоре реального содержания. В качестве уполномоченного Быча на Дону остался младший брат Макаренко П. Л. Донской Атаман ген. Краснов, отнесясь по началу с холодком к кубанской объединительной инициативе в мае месяце, уже в начале лета обнаружил горячее желание объединиться и выступил с предложением заключения Доно-Кавказского Союза. Но к этому делу на этот раз были допущены такие господа, как кн. Тандутов, побывавший в качестве якобы Астраханского Атамана у имп. Вильгельма и распространявшийся теперь в официальных и частных разговорах о «доверительных» с ним беседах. Герцог Лейхтенбергский также был привлечен к этому делу, а он выполнял какие-то поручения того же императора. Сама идея Союза опорочивалась теперь тем, что попадала под покровительство германского императора, как призванная служить немецким видам.

Создание Доно-Кавказского Союза проэктировалось в виде суверенного государства (федерации), в состав коей должны войти на правах самостоятельно управляемых государств: Всевеликое войско Донское, Кубанское войско, Астраханское и Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана (ст. 1-я). Законы Доно-Кавказского Союза проэктировалось разделить на общие для всего Союза и местные, каковые каждое государство имеет свои (ст. 3). Во главе Доно-Кавказского Союза стоит верховный совет: из атаманов (или их заместителей) Донского, Кубанского, Терского, Астраханского и главы Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, избирающих из своей среды Председателя, который и приводит в исполнение постановления Верховного Совета (ст. 5). При верховном Совете периодически собирается не менее раза в год Сейм представителей от населения государств, входящих в Кавказский Союз (ст. 6). Доно-Кавказский Союз имеет армию и

флот. Командующий всеми вооруженными силами Союза назначается Верховным Советом (ст. 8). Предусматривалось (ст. 9) образование общих министерств: Иностранных Дел, Военного и Морского, Финансов, Путей Сообщения, Почты и Телеграфа, Государственного Контролера и Государственного Секретаря. Устанавливались общими: монетная система, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки, а также тарифы железно-дорожные, таможенные, портовые, почтовые и телеграфные (ст. 11).

Все положение о Доно-Кавказском Союзе запроэктировано было в 16 статьях. В последней (16-й) статье выражалась готовность *«послать свои дипломатические миссии к признавшим его державам».*

В книжке г. Георгия Покровского: «Деникинщина», вообще говоря, крайне тенденциозно изображающей события годов гражданской войны на юге России, имеются, тем не менее, в части касающейся объединительных начинаний, весьма любопытные даные из официальной переписки Л. Л. Быча с уполномоченным на Дону П. Л. Макаренко (цитируются: уведомление председателя правительства от 2 июня 1918 г. и донесения его представителя 29 июня, № 51, 11 июля № 106 и 4 авг.). Мы, рядовые члены правительства, не были знакомы с содержанием этой переписки до последнего времени. Принимая во внимание эту переписку, можно отнести ответственность за неудачу этой попытки объединения почти всецело насчет кубанцев, действовавших здесь в качестве представителей Кубани, Л. Л. Быча, его агентов П. Л. Макаренко и горца А. А. Намитокова. На Дону, на первом собрании в атаманском дворце 8 июня, ген. Краснов прямо бросил обвинение кубанцам в невозможности создать союз, «так как кубанцы не хотят его организации». На следующем собрании 4-го июля Макаренко также саботировал работу по созданию Союза. Он заявил, что его присутствие не санкционирует от имени Кубани тех решений и постановлений, которые могут быть приняты собранием и т. п. Собравшиеся предложили Макаренко определить срок, когда он может получить дополнительные инструкции и полномочия. Предлагался недельный срок и выражалась готовность со стороны Атамана Краснова предоставить в распоряжение Макаренко автомобиль для доставления окончательного ответа Кубанского Правительства. Так, очевидно, было сильно желание других членов проэктированного Союза скорее его заключить. Макаренко оказался в этом деле до конца верен себе и не связал себя никаким ограничением времени. Объяснение такому отношению Быча и Макаренко к этому начинанию можно искать только в их несочувствии самому объединению. Думать, что Бычу и Макаренко претило в деле наличие немецкого влияния не приходится. Оба они принадлежали к той кубанской группе деятелей, которую мало пугала ориентация на немцев.

Схема же организации власти Союза была, повидимому, на

столько близка их пониманию, что несколько месяцев спустя они повторят ее почти без изменений, предложив ее в проэкте Намитокова в противовес добровольческой диктатуре. Тот же Верховный Совет, как возглавление, те же самостоятельные государства, входящие в Союз и т. п. Но тут само объединение шло мимо *Украины, значит, оно было г. Бычу ненужно. В жертву партийной идеологии здесь приносилась насущнейшая нужда края и* всего дела борьбы. Холодное к себе отношение встретил «Союз» и со стороны командования Д. А. Здесь красновская инициатива была воспринята, как несовместимая с идеологией Д. А., возникло опасение стать орудием «сомнительной областной политики».

Однако, ген. Деникин обратился к бывшему тогда председателем Донского Правительства, ген. Богаевскому с письмом по поводу Союза. В нем подчеркивалась «недопустимость включения *в Союз Ставропольской губернии без особого представителя от* нее» и заявлена желательность исключения из декларации о нем некоторых пунктов. Высказывалось также пожелание, чтобы была отмечена временность образования Союза, впредь до воссоздания России, чтобы были включены в состав проэктируемого Верховного Совета представители Д. А. и военного губернатора Ставропольской губ., чтобы командующим всеми вооруженными силами Союза был назначен командующий Д. А., чтобы, наконец, *окончательная редакция была бы выработана после созыва Большого Круга на Дону и Рады на Кубани, при участии представи*теля Добовольческой Армии, игнорировать которую недопустимо.

Известны теперь пометки Атамана Краснова на полях письма ген. Деникина. Не упуская случая уколоть самолюбие вождей Добр. Армии напоминанием таких старых прописных истин как вроде: «Армия вне политики» и проч., ген. Краснов не находил, однако, существенных возражений против замечаний ген. Деникина. Или, во *всяком случае, возражения его были такого рода, что при наличии доброго желания обоих корреспондентов все их разногласия не* трудно было бы согласовать. Но было, очевидно, особое психологическое настроение действующих лиц, которое мешало делу гражданского мира, и другое: в сношениях генералов — атамана Краснова и главнокомандующего Деникина чувствовалась напряженная, хотя и скрытая борьба «белых генералов» за свое влияние и за свои методы воссоздания России.

Представитель Комуча. Были еще предложения объединиться, *пришедшие к нам со стороны. Как-то, в Екатеринодаре появился посланец восточного Комуча. Очень скромный молодой человек* из группы ес-еров. Он все больше уединялся с Л. Л. Бычем в его кабинете, а тот, после этих таинственных совещаний иронизировал над попытками организовать всероссийскую власть. По существу, отношение Бычa и его группы к Комучу мало чем отличались от отношения к нему же добровольческого руководительства, по другим, правда, мотивам: Бычу антипатично было все, что

приобретало печать демократической всероссийскости, добровольческим же генералам — все, что имело в своем составе от «революционной демократии».

Замечательно было то, что сама российская демократия никогда не давала себе труда поискать среди казачества родственных себе элементов. Она искала сочувствия в группах по признаку большей оппозиции руководительству Добровольческой армии, в нашем случае, в группе Быча, Рябовола и др.

А для них сама она, эта всероссийская демократия, была не более желательна, чем то же Главное Командование... — «Уси москали». Так молодой человек от «Комуча» и уехал от нас в качестве таинственного для нас «частного незнакомца».

Были переговоры с грузинами и с другими кавказцами.

К первой половине осени того года относятся переговоры с грузинами[53]). Но, по мимолетному сообщению Л. Л. Быча, они будто бы явились в Екатеринодар не в качестве ищущих объединения, а скорее в поисках разграничения. Возник спор у них с добровольцами из-за Сочинского округа, который, конечно, по здравому рассуждению никак не мог быть отнесен к Грузинской республике, — они же предъявляли на него свои претензии. С кубанцами по этому поводу грузины могли бы легче договориться, тем более, что со своим приездом на Кубань связывали и некоторые свои хлопоты продовольственного порядка. Кубанская пшеница могла бы недурно послужить дипломатическим целям обще-российского значения. Быч нам давал понять, что глава грузинской делегации Гегечкори с большей легкостью пойдет навстречу нам, кубанцам, но мы не придавали особенного значения этим переговорам.

ГЛАВА XXXVI.

Созыв Кубанской Краевой Рады 1918 г. был назначен на 28 октября. Но от ген. Деникина пришло предложение отложить открытие Рады на несколько дней. Он находился под г. Ставрополем, лично руководил там военной операцией, но хотел быть на открытии Рады в Екатеринодаре. Решением Краевого Правительства было определено: подготовительные занятия в Раде начать, как было назначено, 28/X, а торжественное открытие Рады перенести, согласно желанию Главнокомандующего, на 1-е ноября.

В Екатеринодаре собирались теперь уполномоченные населе-

---

53) Приезжал на Кубань Е. Гегечкори вместе с генералом Мазниевым (см. В. Авалов: «Независимость Грузии», стр. 148. — Париж, 1924).

ния, только что встряхнутого налетевшим шквалом большевизма. Не было полной уверенности, что прошла окончательно и не вернется волна большевицкого наплыва. Самочувствие депутатов западной части края было, однако, более спокойным, так как здесь эта волна прошла раньше и, преимущественно, лишь по побережью...

Меня в эту Раду станичники выбрали заочно. Состоя Краевым контролером и членом правительства, погорло занятый в Екатеринодаре, я так и не выбрал времени, чтобы поехать в родную станицу и потолковать со своими избирателями. После, лишь на Рождественских Святках удалось это сделать. В некоторых других станицах на этот раз дело с выборами имело показательные сюрпризы. В станице Незамаевской был забаллотирован П. Л. Макаренко. Было желание объяснить это тем, что сам депутат отсутствовал во время выборов, был занят исполнением поручения председателя Правительства на Украине. Объяснение, однако, мало основательное. И Н. Ст. Рябовол в своей станице (Диньской) прошел лишь незначительным большинством, а Манжула Ст. Ф., казак той же станицы, был даже совсем забаллотирован. Историк Кубанского Войска Ф. А. Щербина тоже потерял свой мандат. Были еще и другие баллотировочные неожиданности.

В смысле общего своего состава эта Рада мало отличалась от прежних представительных собраний Кубани: основную ее массу членов — 60% — составляли рядовые казаки и крестьяне хлеборобы, всего 5% насчитывалось офицеров, затем учителя и другие лица интеллигентских профессий.

Группировка депутатов в раде происходила попрежнему не по признаку общественно-политического единомыслия, а, преимущественно, по признаку территориально-национальному: девять групп, из них семь отдельских — Лабинского, Кавказского, Екатеринодарского, Таманского, Ейского, Майкопского и Баталпашинского отделов, — затем одна группа горско-национальная и одна крестьянская. *Между казаками бывшего войска Черноморского и войска Линейского существовало попрежнему некоторое несогласие на почве неравенства наделения землей, на почве использования общевойсковой казны и пр. Но, как и раньше уже отмечалось, не это полагало грань между черноморцами и линейцами;* в среде черноморцев теперь с большей отчетливостью укреплялось признание спасительности и неотложности образования на юге России сильного и самостоятельного государства, может быть, в форме конфедерации, но непременно при лидерстве Украины с ее 30.000.000 населением. Какие установятся у этой новой державы взаимоотношения с будущей оздоровленной Россией, этот вопрос для вождей черноморцев не имел в данный момент революции актуального значения. Такой экспансивный и очень активный член их группы, как Манжула Ст. Ф., не однажды бросал

по нашему адресу: — «Катувалы[1]) ви нас стільки років, тепер ми вас покатуемо»... А осторожные из нас, линейцев, при этом предупредительно умозаключали: — «Что у Манжулы на языке, то у Бескровного и Рябовола на уме»... Важно было с их точки зрения не только по соображениям национальным (преимущественно у Бескровного и Рябовола), но и по соображениям экономическим (у Л. Л. Быча) поставить воинствующий, привыкший распоряжаться всероссийский Север перед фактом государственной самостоятельности Юга.. — «После будем договариваться»... Как мотив, в пользу этой концепции, не всегда откровенно формулированной, *приводилось то, что де теперешняя международная* обстановка благоприятствует именно этому решению вопроса борьбы с большевиками. Западно-европейские державы поддержат именно южно-российское государство, обеспечивающее для них рынок сырья и отделяющее их от большевицкой заразы. Кубань должна войти в это южно-российское государство.

Мы, линейцы, считали всю эту теорию вредной, кроющей опасность жестокой междоусобицы в будущем, а в данный момент вызывающей ослабление напряжения сил в борьбе с большевизмом и распыление своих сил. Государство Российское прошло свое вековое историческое испытание, а всплески сепаратизма — лишь порождение эпохи распада. Чтобы предопределить более справедливое распределение благ государства между его частями, нужно поставить себе целью создание более соответствующих форм общероссийского государства на базе мирного сотрудничества его частей в процессе эксплоатации разносторонних богатств страны и правильно организованного обмена плодов трудовых усилий населения. Форма государственной федерации становится сейчас в известной степени общепризнанной, она применима и в пореволюционной России. Сейчас основная злоба времени — борьба с большевизмом. Сюда должны быть направлены все силы. Сыновнее отношение к матери России не допускает измены и предательства в тяжелую годину ее бедствий.

Мы — линейцы — мыслили, следовательно, обновленную Россию федеративной демократической республикой, а Кубань — ее частью, как отдельный штат, или образующий таковой совместно с другими областями Юго-Востока России: Доном, Тереком, Ставропольем и др. С нашей точки зрения нужно было считать естественным и благоприятным, что именно к нам в наши края — на Кубань, на Дон и Терек и соседствующие с нами области — Ставрополье и пр. — пришли добровольцы противобольшевицкого фронта и в особенности их высоко-квалифицированное добровольческое командование.

---

1) «Катувать» — от слова «Кат» — палач.

Определенность заявления генерала Алексеева на открытом (народном) собрании в ст. Успенской (см. выше) о верности добровольцев своей Родине и готовности их во имя ее на всякую жертву, а также определенность их декларации, объявленной на том же собрании ген. Деникиным о непредрешении ими — добровольческим командованием — будущего государственного строя России и о признании ими полноты права на это только у Всероссийского Учредительного Собрания нового свободного созыва, — это заявление вождей добровольчества мы принимали, как достойными доверия и совпадающими с нашими чаяниями. Правда, мы уже видели, слышали и знали, что добровольческая среда, как всякая человеческая среда, совсем не монолитна и далеко не единодушна в своих чаяниях и умонастроениях даже в отношении будущего государственного строя России, но к обязательным лозунгам таких лиц, как ген. М. В. Алексеев и ген. А. И. Деникин, нужно было относиться с доверием.

В дальнейшем выйдет так, что и извне, из кругов российской общественности, будут оказывать черноморцам моральную поддержку политически более левые общественные течения, к линейцам же станут проявлять благоприятное отношение круги умеренные. Впрочем, большевизанствующие лишь будут стремиться использовать запас оппозиционной энергии черноморско-украинской группы. Но к ней самой по существу будут относиться враждебно и презрительно. Приблизительно то же будет у русских правых к линейцам. Для братьев Сувориных, Чебышева, Шульгина и др. линейцы были почти в равной степени неприемлемы, как и черноморцы: — «младшие родственники», «туземцы», «парламентарии в черкесах» и пр.

Первое, что должна была сделать рада, это выбрать своего председателя. Черноморцы выставили кандидатуру Н. Ст. Рябовола, для линейцев мало приемлемую не только по соображениям политическим, но и в силу определившихся ранее свойств Рябовола, как председателя, который не прочь иногда воспользоваться к неугодному оратору лишними придирками и прочими председательскими «скорпионами». Но за Рябоволом уже была традиция и отмеченная уже выше казачья склонность действовать «по привычке»... и «как, мол, обидеть человека...». Выставлявшие его кандидатуру теперь учитывали это.

Группа линейцев в противовес Рябоволу выставила своего постоянного кандидата на первые роли — Ф. С. Сушкова. Он не был тем, кого обычно называют лидером группы, проявлялся в повседневной жизни ее самым незначительным образом, но это была фигура безукоризненная по своей общей порядочности и воспитанности, вообще же он держался демократических взглядов, вы-

соко ценил казачество и был верным поборником обще-российской идеи. Отсутствие красочности в нашей линейской фигуре ставило ее в невыгодное положение по сравнению с Рябоволом. К тому же в последний момент наши «друзья» из добровольцев выдвинули свою особую новую кандидатуру — Литовкина, кубанца-казака, но прошедшего в Раду по городу Екатеринодару, по партийной принадлежности, — одного из немногих казаков — «кадетов»; успеха эта кандидатура иметь не могла, но голоса от кандидатуры Сушкова отобрать должна была.

...Со стороны добровольцев тактически было ошибочно с первого шага в Раде подчеркивать свою особенность, свою «фракционность...».

Таким образом баллотировались в председатели трое. При данном положении больше всех шансов иметь должен был, конечно, Н. Ст. Рябовол, он и был избран. Избрание других членов президиума обычно происходило без споров.

До 1-го ноября Рада успела произвести необходимую организационную работу, избрала комиссии по управлению и самоуправлению, земельную, по ведомству «продовольствия и снабжения» и пр. Н. Ст. Рябовол успел порадеть и о своих людях; среди других «вермишельных» вопросов он успел провести решение Рады — допустить на ее заседания с правом «совещательного» голоса всех бывших членов Законодательной Рады, участников «Ледяных походов», но не избранных теперь в Раду, а фактически это были: П. Л. Макаренко, Ст. Ф. Манжула и др., — все видные члены «черноморской» группы.

В эти же дни еще до прибытия Главнокомандующего из-под Ставрополя, ему, генералу Деникину, была послана благодарственно-поздравительная телеграмма: ... — «Вы до конца довели решение освободить Кубань... Ваше твердое и непоколебимое стремление к намеченной цели... внушает полную веру в Вас и беспредельную надежду на доблестную армию»...

...1-го ноября сначала был отслужен молебен в Войсковом Соборе и затем совершилось торжественное шествие от Собора к зданию заседаний Рады всех ее членов во главе с Войсковым Атаманом, президиумом рады, правительством и пр.

Как было выше отмечено, большинство депутатов были оторваны от своих хозяйств, не могли долго оставаться в городе, но в раде тем не менее установилась торжественная обстановка, начались сладкозвучные речи. Велеречивостью и именно сладкозвучием своих приветствий раде отличались гости с Украины, к тому же их было несколько выпусков: от правительства (тогда еще гетманского) и от различных систем объединений — кооперации и пр. В этот раз в качестве правительственного посла Украины появился некий «барон» Боржинский в небывало пестром обмундировании: верхняя одежда — чекмень и бешмет — кубанские, но холодное оружие при этом времен еще старо-запорожских. Впоследствии, между

прочим, обнаружилось, что этот «барон» прибыл на Кубань в качестве посланца двойной ипостаси украинской того времени власти: легально от гетмана Скоропадского, а нелегально от Петлюры. Секретарем «миссии» был некий Поливан.

В обращении украинских представителей к раде проскользывали ноты не соответствующие действительности. Даже в речи старого и почтенного «отца украинской кооперации» Левицкого проскользнула двойственность. Он приветствовал Кубань, как любимую «дочку» «неньки» (матери) Украины. Быч в ответной речи принужден был внести поправку: не «ненька и дочка» (не мать и дочь), а обе — две «сестры». Мало того, он принужден был перед всей радой подчеркнуть нашу общекубанскую официальную точку зрения на свою краевую сущность, выразил уверенность, что Украина и Кубань «побачут світ соньця, спокій и щасте під великою всеросийскою ХВЕДЕРАТІВНОЮ крышею». Рябовол в своем ответе украинским гостям пошел даже дальше Быча. Он первую половину речи произнес по-русски, и лишь для второй части своей речи попросил у нас («братьев кубанцев-линейцев») разрешения, произнести ее на «мове»... «Ми ще дибоемо та спинаемось, хочемо навчітся ходити» и попросил послов «державнои Украины» посмотреть и учесть обстановку и «оценить успеваемость в преподаваемых уроках».

Кстати, тут же от Большого Круга Всевеликого Войска Донского выступил с приветствием сам председатель его В. А. Харламов, призывал к «осторожности» и не увлекаться «химерой» самостоятельности. Зато ген. Ажинов, посол Донского Атамана Краснова, как суверена, прочитал, держа перед собою лист пергаментной бумаги, большую часть послания с большой торжественностью, а под конец как-то как-будто виновато смутился и закончил: — Аллаверды к вам, братья - кубанцы!... Получилось нечто уж совсем закавказское: — Аллаверды, Господь с тобою!... В рядах рады раздался сдержанный смех и вообще всплеснуло веселое настроение... Наши старшины, впрочем, отвечали на атаманское приветствие с подобающей случаю серьезностью.

Приветствия были принесены и от других казачьих войск. Только Терское войско тогда отсутствовало на Кубанском торжестве. После убийства Атамана Караулова и его помощника Л. Е. Меденика оно еще не оправилось и жило в партизанской борьбе с бандами большевиков и большевизанов.

ГЛАВА XXXVII.

Гвоздем торжественного заседания Кубанской Краевой Рады (созыва 1918 года) была речь генерала Деникина. Специально для нее было изобретено двойное открытие Рады, специально из-за нее Главнокомандующий прибыл с фронта.

Дату открытия Кубанской Рады генерал Антон Иванович Деникин сблизил с датой завершения первой годовщины российского противобольшевицкого движения. Год тому назад «2-го ноября 1917 года прибыл в Новочеркаск генерал Алексеев, собрав двести офицеров, получив из России первый взнос в ЧЕТЫРЕСТА рублей». Скромность цифры российской жертвы должна была подчеркнуть, как значение подвига добровольцев, так и значение подвига кубанцев и всего казачества, не признавшего захватнической большевицкой власти и вступившей с нею в борьбу.

...«Все для борьбы... Надо бросить споры, интриги, местничество...».

...«Добровольческая Армия явилась сюда не для завоевания, а для освобождения...».

Речь свою ген. Деникин читал по бумаге с большим подъемом и волнением.

Мы мало еще тогда знали А. И. Деникина, как оратора и совсем не знали, как писателя. В сознании большинства, лично к нему относившегося доброжелательно, он представлялся хорошим и мужественным полководцем, честным человеком, внешняя грубоватость, однако, мешала подойти поближе, чтобы сделать попытку и, быть может, договориться. Если бы у нас был тот образ ген. Деникина, который существует теперь, после прочтения его 5-ти томов «Очерков Русской Смуты», добрый открытый к нему подход был бы вполне возможен... И если бы и у него и у других его соучастников в руководстве Армией был бы более терпимый к нам подход, то договариваться, находить общие решения больных вопросов фронта и тыла гражданской войны, определять ее ближайшие и дальнейшие цели было бы много легче.

...«Не должно быть Армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской», — объявлял генерал Деникин с кафедры Кубанской Краевой Рады: — «должна быть единая Русская Армия с единым фронтом, единым командованием, облеченным полною мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти»... Д. А. собирает вокруг себя и вооруженные силы и людей государственного опыта, приглашает все части русского государства, признающие единую неделимую Россию, сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства, для общей борьбы с врагом России,

для единого представительства и защиты русских интересов на будущей мирной конфереции».

«Д. А. не преследует никаких реакционных целей и не предрешает ни формы будущего правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю»...

«Д. А. признает необходимость широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта...». «Выяснилась возможность единения нашего с Доном, Крымом, Тереком, Арменией, Закаспийскими областями... возможно с Украиной... с мирным грузинским народом..., когда изменится политика его правительства»...

— «Добровольческая Армия от души приветствует собирание Русской земли»... «Находит необходимым, путем взаимных соглашений направить русские силы востока и юга к одной цели возрождения Великодержавной России».

В этой речи были элементы, которые приветствовались бы кубанцами, но были и другие, — были пункты весьма рогатые. Некоторые из последних можно привести на выдержку. Из Армий, названных генералом Деникиным, которые в данный момент существовали, но в каком-то будущем заменятся одной русской армией, Кубанской Армии в данный момент не было именно в силу настойчивого противодействия Главного Командования, хотя кубанцы составляли большинство бойцов Д. А. И это упорное противодействие происходило, несмотря на ранее данное согласие командования на «продолжение» ее существования. Сам вопрос уже давно принял определенное политическое значение застаревшей тяжбы. ..Торжественные слова генерала Деникина воспринимались нами, как стремление подвести зыбкое основание под свою тезу в споре.

...«Собираются вооруженные силы и люди государственного опыта»... Но повседневная практика свидетельствовала об одностороннем подборе и сотрудников и приближенных, или определенно «правых», как Драгомиров, Шульгин, или чрезмерно податливых умеренно-либеральных кругов русской общественности, как г. г. Соколов, Степанов и др.

...«Никаких реакционных целей не преследуется», — но вся деятельность «отдела пропаганды» и правительственных печатных органов была до крайности реакционного уклона. И затем совершенно темна, а, может быть, и двусмысленна формула о «непредрешении», «даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю»... И что же? Уже забыта декларация об Учредительном Собрании, объявленная в ст. Успенской?... А в заключительной части были слова, которые должны были вызвать особую психологическую реакцию в кубанских настороженных кругах:

«Я уверен, что Краевая Рада найдет в себе разум, мужество и силу создать твердую власть — единоличную, — стоящую в тес-

ной связи с Добровольческой Армией»... Это уже откровенное желание оказать воздействие на умонастроение членов данной рады... Интервенция в пользу единоличной власти?... Кого?... Атамана?... Или...

...Генерал Деникин взошел на трибуну и сошел с нее при полной овации, устроенной ему радой. Председатель ее Рябовол Н. С. прочитал и вручил ему утвержденное радой постановление сбора станицы Незамаевской об избрании ген. Деникина казаком этой станицы с полными правами, с паевым наделом земли и пр. Но при всем том ледяная корка, которой стала затягиваться река совместной жизни кубанцев и добровольцев, не растаяла. В лице ген. Деникина рада приветствовала главнокомандующего армией, под чьим командованием счастливо выполнена часть задачи, для кубанцев особенно желанная часть. Но в его же лице в раде находился претендент на диктатуру, выражавший к тому же надежду, что рада найдет в себе «разум, мужество и силу» и т. д.

Сделай ген. Деникин жест признания удачи именно от «соучастия» сторон в союзе и всей важности в деле «народного» якоря... — кто знает? — быть может, растаяла бы корка ледяная.

Профессор Соколов, говоря о впечатлениях от речи Деникина, замечает, что из кубанской среды «даже наш друг» Каплин[53]) выражал недовольство. — «Зато российские люди были премного довольны»... Была ли рассчитана эта речь, произнесенная в Кубанской Раде, лишь на российские круги, об этом историк умалчивает, но последовательность фактов и направление развернувшихся событий могли свидетельствовать, что и тогда в раде и потом вне ее добровольцы стремились убедить кубанцев не силой логики и исканием путей согласия, но последовательностью и неуклонностью избранной линии жесткой политики.

Прямым продолжением «торжественных заседаний» были собрания рады, посвященные докладам Атамана Филимонова, председателя правительства Быча и члена правительства по военным делам полковника Савицкого. Они рассказывали, как получилась победа и кубанское казачество вновь стало господином в своем краю, и вот «вы — Рада, — правомочный хозяин Кубани, — в праве распорядиться дальнейшей судьбой Края, дать ему закон и правду».

Особенной красочностью отличалась речь Филимонова. атамана. Перед походом у него была попытка (малодушно) уклониться от власти, а главное от ответственности. Он сделал заявление о сложении полномочий, но ему этого тогда не позволили.

Атаман Филимонов проделал поход вместе со всеми, но кубан-

---

[53]) П. М. Каплин — адвокат, член Рады, казак, партийный ка-де.

цы не чувствовали в походе близости своего Атамана. С небольшим своим конвоем обычно рысил он где-нибудь в стороне в сопровождении своей супруги, пересевшей, как и ее супруг, в казацкое седло. И этот уклон Атамана в тень наблюдался уже с самого начала похода. И нечего говорить о таких фигурах, как Корнилов и Алексеев..., но даже летчику Покровскому удалось оттеснить Филимонова в тень, на задний план.

...Позже в ст. Мечетинской А. П. Филимонов сделал, было, попытку учинить бунт. Собрал кубанское офицерство, преимущественно, тыловое - обозное, и пожаловался им, как его, Атамана, лишили (правительство и рада) присущей ему власти... Чувствовал, очевидно, потребность к самооправданию. Между прочим, высказывал без всяких оснований опасение, как бы поехавшая на Украину делегация (см. выше) не завела кубанцев под власть немцев или гетмана и т. п.

Непонятно только, что побудило тогда Быча и Савицкого, сейчас же после такого собрания, пойти в поздний час к ген. Деникину и будто бы просить его о защите. Командующий Армией понял тогда их обращение, как просьбу именно о личной защите и о защите кубанского народоправства. А об Атамане Филимонове Деникин запишет потом в «Очерках»: — «Впоследствии полковник Филимонов, в кругу лиц, враждебных революционной демократии, не раз говорил: — Я хотел еще в Мечетке покончить с Правительством и Радой, да генерал Деникин не позволил»...

Конечно, это была лишь пустая бравада в подходящей среде. Филимонов не был способен на резкие движения, тем более на движения, сопряженные с личным риском. К слову сказать, он всегда отличался лояльностью в отношении краевых установлений, чему, собственно, и был обязан успешностью в своей карьере при новом режиме. Красивая посадка на лошади, как например, при въезде в Екатеринодар, рядом с простоватой и угрюмой фигурой Деникина, блестящая застольная речь да вот эта лояльность, — его главные козыри.

Теперь на заседании рады он, облекши свое атаманское слово в искристую форму, окурив облаком фимиама само имя рады, говорил велеречиво о мудрости кубанских правителей, говорил, как они (в первую чреду, конечно, он, атаман), решили под напором «красной нечисти» разобрать стяг краевой власти и повезти его в родные горы и степи..., чтобы довезти этот стяг до сегодняшнего светлого дня и передать его «вам, хозяину земли Кубанской».

Доклад председателя правительства Л. Л. Быча был также чрезвычайно многословным, начиная с момента выбора его, Быча, председателем правительства (в декабре 1917 г.) и кончая сегодняшним днем.

— Бурный, богатый событиями год деятельности, увенчавшийся успехом: все сложные перипетии соглашения с иногородними,

паритет в составе законодательной рады и правительства. Отпадение иногородних, их колебания, нейтралитет и переход их значительной массы к большевикам и затем все этапы борьбы и все колебание счастья...

Рассказывая о положении дел с иногородними, Быч, по сознательному решению или по оплошности и неясности выражения, придал этой части правительственной деятельности как-бы значение борьбы казачьего представительства с иногородними. В действительности была борьба казаков с иногородними не по признаку сословности, а борьба политическая, в коей казаки отстаивали краевое право на устройство местной жизни без большевицкого насилия, на распоряжение местных людей искони принадлежащими им и обрабатываемыми ими землями, в форме, обеспечивающей правильное хозяйственное развитие. Это совсем другой смысл и значение деятельности кубанских представительных органов[54]), как могло показаться из некоторых заявлений Быча.

...Участие в походе правительства и рады. Трудности похода. Верность идее казачества. Вера в его здоровый государственный смысл. Объединение с добровольцами по мотивам концентрации сил. Темные и светлые стороны совместной борьбы. Занятие Екатеринодара. Последующая деятельность...

Л. Л. Быч — плохой оратор, — отсутствие пафоса, скованность всей фигуры его, как только поднимался он на трибуну, — все это могло лишь расхолаживать слушателя. Но факты говорили сами за себя почти без отношения к тому, как они изложены перед слушателем. Во всяком случае одно сопоставление само собой напрашивалось.

Всероссийское Правительство при первой неудаче в борьбе с ничтожным меньшинством захватчиков власти без серьезного сопротивления допустило растоптать идею народного суверенитета государственной власти, сдало власть и рассеялось. Донское правительство, после того, как незабываемый Атаман Каледин покончил счеты с жизнью, а Митрофан Петрович Богаевский не захотел прятаться и одиночкой погиб, — донское правительство рассеялось, но генерал Петр Харитонович Попов частным мужественным почином собрал свой отряд, не пошел с Дона, остался, чтобы при первой удаче вернуться в Новочеркасск и предложить действенную помощь для организации войсковой власти.

Погибли, но не сдались на Тереке Атаман Караулов и его помощник Л. Е. Медяник.

---

[54]) *Эта неточность выражений Л. Л. Быча, а вслед за ним тов-ща* предс. Рады Рябцева даст потом повод отдельным авторам и ген. Деникину отмечать, будто кубанские власти сознательно организовали борьбу с куб. иногородними, а эта борьба будто отразилась на местах в станицах и селах в форме притеснений и издевательств над иногородними со стороны казачьего населения; — это неверно.

На Кубани удалось сохранить законо-преемственную власть. В лице А. П. Филимонова и Л. Л. Быча с другими членами правительство теперь могло говорить о донесенном «стяге власти». В отношении Филимонова выполнение задач блекло при отсутствии личного напряжения при «несении стяга власти». В отношении же Быча это доброе выполнение службы меркло и теряло краски, благодаря его общему уклону и подчиненности его психологии влиянию центробежных сил. Служба во имя России покрывалась тенью искомой окраиной сомнительной державности. Но историческое мнение должно остаться объективным. *Л. Л. Быч*, принявший на свое имя столько одиозного, во многом по справедливости, в ноябре 1918 года мог гордиться сыгранной *в кубанской* среде *своею ролью*. Это *он был главным* стержнем в противобольшевицкой кубанской работе и, в частности, в сохранении *«стяга законопреемственной власти»*.

Искателем оваций и реализации их в виде неумеренной награды выступал на раде вслед за Филимоновым и Бычом полковник Савицкий.

Он, собственно лишь рассказывал, как одна за другой восставшие станицы высылали в противо-большевицкий стан своих сыновей, конных и вооруженных, как из этих самотеком образовавшихся сотен и дивизионов составлялись затем полки и батальоны пластунов и некоторые из них шли потом под старыми знаменами. Каждое закругленное сообщение Савицкого покрывалось громом аплодисментов, собственно, по адресу восстановленной и отличившейся военной части. Но вместе с каждым новым взрывом аплодисментов росла фигура самого Савицкого: он — член правительства, военный «министр», не без его де усилий получились хорошие результаты...

Рада по заслушании докладов почтила каждого из докладчиков особым вниманием. Атамана Филимонова из полковников произвела через чин в генерал-лейтенанты, Савицкого, несколько месяцев назад произведенного в полковники, теперь произвели в чин генерал-майора. Бычу — председателю правительства, Рябоволу — председателю рады, и опять тому же Филимонову Рада преподнесла особые адреса с соответствующим важному моменту текстом.

———

ГЛАВА XXXVIII.

После этих праздничных докладов по программе дня должны были выступить с докладами другие члены правительства о произведенной ведомственной будничной работе и о предположениях на будущее. Но план правительственного участия в подготовке Краевой Рады к разрешению очередных вопросов оказался рассчитанным неправильно. Доклады атамана и правительства, задача которых дать материал, проверенный практикой для суждений и постановлений радянских комиссий и самого пленума рады, — эти доклады слишком затянулись, торжественная часть в них отняла слишком много времени. На работах комиссий, которые пытались, не теряя времени, начать свою работу, только отчасти отразились впечатления правительственных речей. Членам правительства приходилось дублировать доклады: сначала в комиссии комкать и сокращать доклады, а потом несколько распространять их в раде... Как раньше, так и теперь во время заседаний Краевой Рады было не мало и таких моментов, когда никто не знал, куда, по какому направлению, поплывет, потерявшая волю кормчего ладья «хозяина земли кубанской». Нужно удивляться, что даже при таких условиях малой организованности все же както выискивалась равнодействующая чаяний краевого населения, и, руководствуясь ею, выносились решения. Но нервы у людей изматывались. Через какой-то срок рада начала сдавать. Уже к концу месяца радянских занятий чаще и чаще стали срываться постановления: — «поручить правительству»... «поручить законодательной раде совместно с правительством» и т. п. Остались не рассмотренными вопросы крайне нуждавшиеся в авторитетном решении рады.

Не затронутым остался вопрос о судьбе «Зеленого дома», т. е. ведомства «Продовольствия и Снабжения», о реорганизации происходящего в нем действа. Треххвостка в виде «разрешительной системы» вывоза за краевые пределы продуктов кубанского земледелия, установление на них «твердых цен» и, наконец, контрольные пограничные «рогатки», — вся эта «треххвостка» немилосердно изводила кубанских производителей. Совсем недвусмысленные слухи ходили о злоупотреблениях в этом ведомстве. По должности контролера я послал туда своих ревизоров, но они там встретили упорное сопротивление со стороны сплоченного ведомственного чиновничества. Под разными предлогами не давали ходу моим ревизорам. Между прочим, было отмечено характерное препятствие: бухгалтерские книги в хаотическом состоянии, в краевом ведомстве не находили нужным покупать на каждый отчетный год новые бухгалтерские книги...

И не только это. На глазах рады за время ее легислатуры ра-

зыгрались громкие скандалы, в которые были замешаны крупные чиновники ведомства «Продовольствия и Снабжения». Были произведены аресты [55]).

...*Твердые цены, разрешительная система вывоза, пограничные рогатки...*

Депутаты с мест в комиссиях и на отдельских совещаниях вопили о безобразиях, вытекающих из всей нашей торгово-промышленной и продовольственной системы. Но сами одиночки - депутаты, конечно, не были в состоянии предложить продуманных *охватывающих жизнь решений, а правительство не указало выхода. Разрешать же вопрос нужно было радикальным образом.* Или планомерная и замкнутая самостоятельность, с заключением правильно проведенных и сохраняющих интересы Края торговых договоров с соседями, с принятием своей денежной системы и прочими аксессуарами государственно - экономической самостоятельности. *Или, если этого нельзя было делать, — а этого, действительно, нельзя было делать при наличии* общего фронта борьбы, при слившихся интересах, при особой, наконец, психологии безболезненно этого провести нельзя было, а, если так, то нужно было смело действовать в направлении экономического сближения частей Юго-востока, где в то время развивалась общая борьба.

Общая денежная единица должна была сделаться действительно общей, другими словами, ростовский печатный станок должен был действовать не по одностороннему распоряжению Дона к его вящшей выгоде с отпуском другим, в том числе и Кубани, того, что (по пословице) у старшего брата «лишь сквозь пальцы протечет», но с правильно установленным распределением денежных *сумм пропорционально экономическому вкладу в общую сокровищницу* со стороны того или другого края и пропорциально его подлинным потребностям. Следовало бы спешить с разрешением вопроса об организации Обще-Союзного банка и казначейства и

---

55) Между другими, по распоряжению главного военного прокурора, был арестован тогда ген. Н. А. Букретов, по происхождению — из *евреев - кантонистов, получивший, однако, высшее военное* образование. Во время 1-ой Вел. войны он служил штабным офицером при кубанской пластунской бригаде; за дело, кажется, под Саракамышом был *награжден оф. георгиевским крестом. С войны Букретов вместе с пластунами* явился на Кубань, здесь пришелся по вкусу Л. Л. Бычу и в конце 1917 г. был назначен командующим кубанскими войсками, а через *короткий срок и членом правительства по военным* делам. Но тут же, когда выяснилось очень критическое положение на противобольшевицком фронте, Букретов ушел в отставку. Пока кубанцы вместе с *добровольцами совершали свои «ледяные»* походы, Букретов занимался в Екатеринодаре мелочной торговлей (торговал кислым молоком). По возвращении с похода ген. Деникин не принял Букретова в Добр. Армию. *Но Быч зачислил* его на службу в свое ведомство «Прод. и Снабж.». Тут-то он и оскандалился. После Букретов сыграет еще более темную и печальную роль на Кубани, о чем будет рассказано в своем месте.

найти формулу правильно организованного управления ими, правильно организованной с учетом общих интересов эмиссией.

Л. Л. Быч в походе не раз проявлялся, как лично мужественный человек при личной физической опасности, но здесь при разрешении сложной финансово-экономической задачи он не оказал ни мужества, ни настойчивости. Именно он был основным руководителем финансово-экономической и торгово-промышленной правительственной деятельности на Кубани, как равно и по ведомству продовольствия и снабжения. Временно управляющий этим последним ведомством ростовский коммерсант Панченко и член правительства по ведомству финансов, торговли и промышленности А. А. Трусковский действовали под его ближайшим руководством. И вот Л. Л. Быч, стяжавший славу самостийника, здесь в данных вопросах, близких ему по основной его специальности, не проявил ни достаточной смелости, ни достаточной служебной самостоятельности.

Мы не пошли именно по пути экономической самостоятельности, ни по пути тесного соглашения и экономического объединения, попали в лужу и в ней все время барахтались. Или еще более показательно: наладили печатание кубанских бумажных полтинок, когда их покупательная сила стала ниже себе-стоимости их изготовления...

Само собой разумеется, что, не сумев разрешить общей экономической проблемы, мы оказались бессильными при разрешении частных начинаний в этой области.

Бычом и Трусковским, членом правительства финансов, был запроэктирован договор с табачным трестом, а этот проэкт договора, еще не войдя в силу, вызвал бурю негодования в раде, когда член ее полковник Чекалов огласил на общем заседании этот проэкт под знаком тревожного разоблачения: «как распродают по частям Кубань». По объяснению заинтересованного ведомства со стороны полковника Ч-ва была лишь демагогия. Оказалось, что Трусковский и Быч проявили здесь готовность пойти навстречу краевым табачным фабрикантам в смысле установления лишь временных акцизных льгот, чтобы поощрить внутри-краевое производство табачных изделий. А то получалось так, что кубанский табак вывозился на Дон в г. Ростов или в Крым в г. Керчь, там перерабатывался в папиросы и разные дорогие сорта крошеного табаку, а уж оттуда частью экспортировался за границу и в остальные области России, а частью привозился к нам же на Кубань... Однако, в итоге чекаловская компания доставила не мало неприятных переживаний Бычу и Трусковскому. Вообще же говоря, над тактикой и планом наших экономических мероприятий тяготело все то же: — Быч смотрел на Украину, а там ничего нового обнадеживающего не было. Гетман Скоропадский как раз в это время сделал два резких поворота в своей политике: в октябре в сторону полной «незалежности» (са-

мостоятельности), а уже в начале ноября декларировал федерацию с Доном. С другой стороны давала знать о себе петлюровская готовность на авантюру. Или как писали фельетонисты: — «зашевелился у Белой-Церкви Петлюра»...

Когда в октябре 1918 года посылалась кубанская миссия в Киев (для нас, линейской части Краевого Пр-ва, она осталась секретной), то в послании гетману с Кубани писали: — «...буди на то воспоследует согласие Вашей Светлости, мы готовы поставить вопрос о заключении в ближайшее время соглашения... Исстари связанные историей, полной примеров борьбы за независимость, Украина и Кубань вновь явят пример могучего братского СОЮЗА...». Но тени тайной бычевской дипломатии тотчас стали меняться, когда Скоропадский стал «сдавать» перед «Директорией» *и Петлюрой*...

...Мы не имеем ни возможности, ни надобности здесь распространяться о тайной бычевской дипломатии. Но необходимо отметить, что эта роковая связанность дела кубанской краевой политики с тем, что происходило на Украине или еще прозрачней, что замышлял Петлюра, всегда приносило Кубани большие беды... Упускалось время для многих жизненно - необходимых мероприятий.

Сама Краевая Рада не могла, конечно, разобраться в сторонних *влияниях — петлюровщины и пр. — на краевую политику и* экономику и не могла разрешить всей сложности вопроса о направлении краевой торговли, дела продовольствия и снабжения. Вопросы оставались пребывать в сумбурном состоянии, хотя все отдельские радянские группы послали в комиссию лучших своих практиков-хозяев. Комиссия по продовольствию и снабжению заметных результатов не дала.

То же создалось и в финансовой комиссии. Прежде всего нужно было разрешить вопрос, как получить деньги от населения в *краевую казну. На обложение прямыми налогами* кубанское население не пошло бы, оно к этому не привыкло и слишком было переобременено всяческими реквизициями для военных надобностей. Финансовое наше ведомство и не решалось поставить этот вопрос перед Краевой Радой. Обычные косвенные сборы с торговли и промышленности необходимых сумм тоже дать не могли. К тому же установились особые условия краевой торговли и промышленности. По инерции от ближайшего прошлого великой войны оставалась тенденция государственно-распорядительной власти самой *непосредственно заниматься* своеобразным видом «торговли» и промышленности, расширяя функции ведомства «продовольствия и снабжения», *устанавливая свои особые отношения* с кооперацией, изыскивая возможности монополизации отдельных отраслей торговли, а таким образом вопрос о косвенных налогах приобретал значение откровенной накидки на себестоимости товара. К этому, собственно, и привела практика торгово-финан-

сового ведомства. Заготовлялись предметы обмена по «твердым ценам», установленным правительственными органами, а на вывозимый или вообще отпускаемый товар накладывали еще особые достаточно высокие вывозные пошлины. Среди мотивов к установлению их и по следующему повышению были далеко не все только фискального порядка. Были и соображения предохранительного порядка. Наши правительственные экономисты рассуждали, приблизительно, так: при существующих твердых ценах на хлеб, на постное масло и пр., искусственно пониженных, край могут наводнить всяческие скупщики, спекулянты. Давая населению несколько повышенную цену по сравнению с правительственными агентами и входя с населением в различные другие поощрительные сделки, они заберут за бесценок хлеб и потом вывезут заграницу, где продадут закупленные на Кубани продукты по значительно более высокой цене, кубанское же население останется с бумажками — деньгами, неизменно падающими в цене. За отсутствием же на рынке необходимых в хозяйстве фабрикатов скорая реализация денежной выручки будет затруднительна или совсем невозможна.

Итак краевая власть, собирая при сдержанной реализации краевого урожая необходимые для краевой казны средства, по существу искусственно задерживала развитие внутреннего и внешнего товарообмена. В крае, правда, накоплялись реальные ценности в виде зерна, масла и пр., но ни оздоровления финансового, ни оздоровления общеэкономического не достигалось.

ГЛАВА XXXIX.

Доклад Л. Л. Быча о политическом моменте.

Пока работа по рассмотрению конституции, аграрной реформы и других вопросов проходила в комиссиях, пленум рады мог бы оставаться некоторое время без работы.

Но работа ему нашлась.

К нашему удивлению, председатель Правительства Л. Л. Быч выступил 10 ноября с общим докладом об основах краевой политики. Совет правительства не был поставлен в известность не только о содержании доклада, но и о намерении председателя выступить с подобным докладом.

Доклад, между тем, был тщательно подготовлен, так как на другой день, 11-го ноября, по заслушании ораторов главнейших групп в раде, были внесены особо формулированные тезисы речи.

Доклад по содержанию отдельных его частей шел гораздо даль-

ше, чем осторожно формулированные потом тезисы. Особенно в том месте, где шла речь об Украине и об отношениях к ней Кубани.

Самый факт выступления перед Краевой Радой с темой об основах правительственной деятельности данного момента мог быть оспариваем. Эта тема скорее для законодательной рады.

Здесь Быч свою личную или групповую политическую точку зрения покушался сделать санкционированной Краевой Радой.

Со стороны группы линейцев выступал с возражениями против Быча М. А. Траценко.

Он указал, между прочим, Бычу, что его формулы станут гораздо яснее, если он прямо скажет, чего он хочет. А хочет он, по мнению Траценко, того, чтобы Кубанская Рада дала возможность ему, Бычу, и его единомышленникам заключить союз с Украиной. И этим своим заявлением Траценко попадал не в бровь, а в глаз Л. Л. Бычу. Только нужно было путем сопоставлений уже пройденных отдельных этапов этой политики установить связь и более ясно вскрыть двусмысленность новых предложений раде в виде новых формул доклада Быча. Но тут на помощь Бычу пришел Рябовол, председатель Рады; началось дергание оратора: то «прошу держаться ближе к теме», то «ваш срок истекает, говорите покороче» и т. д. — замечания не оправданные обстановкой и ставящие оратора в невыгодное положение по сравнению с теми, которым покровительствует председатель. М. А. Траценко — малоопытный оратор. Рябовол его успел привести в замешательство и ход его мыслей был нарушен.

Тем не менее, настроение большинства членов рады все же успело определиться во время развернувшихся прений. Быч учел это, поэтому его тезисы, внесенные после заслушания прений, значительно смягчали смысл произнесенной им речи. Содержание его тезисов было приблизительно таким, какое было в его заявлениях на собрании рады в ст. Мечетинской, перед нашим майским отъездом на Украину.

1. Образование на территории бывшего государства Российского самостоятельных государственных образований и принятие ими на себя верховной власти было актом неизбежным и в то же время актом самосохранения.

2. Основной задачей всех этих государственных образований является борьба с большевизмом, далеко еще не изжившим себя в Центральной и Северной России.

3. Для успешной борьбы необходимо в самое ближайшее время образование единого боевого фронта и единого командования.

4. Необходима организация единого представительства от южно-русских государственных образований на предстоящей мирной конференции. Необходимо немедленно, не ожидая образования федеративной власти в освобожденных от анархии областях,

принять меры к организации общего международного представительства.

5. Для достижения цели, поставленной пп. 3 и 4, необходимо образование южно-русского союза на федеративных началах.

6. Воссоздание России возможно в формах Всероссийской федерации.

7. Кубанский Край должен войти в состав Российской федерации, как член федерации.

8. Кубанская Краевая Рада, ставя своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь принципов широкого народовластия.

9. Восстановление будущей формы правления в Государстве Российском население Кубанского Края ставит в зависимость от волеизъявления народа во Всероссийском Учредительном Собрании нового состава.

По существу своему эти тезисы в главном выражали общекубанскую точку зрения по политическому моменту. Могло восприниматься как подозрительное противопоставление (см. пункт второй) Юга, якобы изжившего большевизм, Центру и Северу, не изжившего его. В этом чувствовался обычный бычевский мотив о противоположности интересов Юга и Севера. В пункте пятом упоминалось о «южно-русском союзе». Но тот ли это бесформенный Союз, с которым носился Быч и Наметоков еще перед заседаниями рады? Правда, теперь будто бы шла речь о федерации и ясно формулированной зависимости будущих форм правления в Государстве Российском «от волеизъявления народа» во Всероссийском Учредительном собрании.

Скрепя сердце и принимая все это как бы за чистую монету, избегая возбуждать страсти и не стремясь сосредоточиваться на отдельных моментах речи (доклада, а не тезисов) Быча, можно было пройти мимо его неудавшейся попытки получить от Кравеой Рады одобрение украинствующей политике его группы. Но попытка явно не удалась. И Бычевско-Рябоволовская группа это поняла.

Довольно поспешно рада приняла эти тезисы «к сведению». Другими словами, она не придала им того значения обязательного направления политики, которого добивался сначала Быч.

Но постольку, поскольку эти тезисы являлись выражением кубанской точки зрния, они поэтому уже являлись антитезой положениям обязатаельного добровольческого мышления.

В этом отношении уместно будет здесь противопоставить места из речи генерала Деникина, произнесенной в раде 1-го ноября, с данными положениями речи Быча 11-го ноября.

Кубанское положение о Всероссийской федерации являлось антитезой единой и неделимой России добровольческого понимания. Принципы широкого народовластия — антитеза единой твердой власти, о которой, где нужно и ненужно толковали добро-

вольцы. Наконец, Союз равноправных единиц, в том числе и *Добровольческой Армии, был противоположением деникинскому* приглашению «сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства». Примат, диктатура и вдруг... предложение равноправия. Явилась угроза, что в том горячем споре, который начался не сегодня и длился в течение долгих месяцев до *заседания рады, кубанская точка зрения может получить авторитетную* санкцию Краевой Рады, краевого народного представительства. В этом, собственно, и заключалась одиозная несвоевременность постановки ребром вопроса тезисов Быча и именно постановки их в Краевой Раде в данный момент. Добровольцы ринулись в бой.

Генерал Лукомский, член рады от Армии, «лидер» добровольческой фракции в Краевой Раде, обрушился с большим жаром на всю систему тезисов Быча, не разбираясь, где в них «общекубанское», а где *специфически бычевское*, вскрывая возможные будущие грозные последствия их: неизбежный разрыв и пр.

— «Создается многоголовое собрание, которому будет всецело подчинено командование и которое будет вмешиваться в военные дела...

— *«Главное Командование признает необходимость автономии* Кубани, но нужно повременить с решением вопроса об образовании государственной власти... до соглашения с Добровольческой Армией...

— «В том то и беда, что рада приняла тезисы Быча в конечном *счете лишь как выражение мнения, заявленного в раде*, а добровольцы восприняли их, как кубанский политический императив и именно в той их части, которая могла быть противопоставлена добровольческому мировоззрению.

— « Образуется орган из честолюбцев и сепаратистов всех *государственных образований, которые тотчас же предъявят пре*тензии не только на гражданское управление, но непременно и на назначение главнокомандующего».

Или еще более вульгарную формулу внесет позже в свои «очерки» генерал Деникин:

— «*Вручить судьбу национального противобольшевистского движения и Русской Армии* в руки Петлюры, Быча, Хана Хойского, Ноя Жордания и Топы Чермоева представлялось злой и неуместной шуткой». (См. Ген. Деникин. Очерки Русской Смуты, гл. IV, стр. 50).

Только значительно позже, при написании 5-го тома своих Очерков, ген. А. И. Деникин *сознает*:

— «Мы были ригористичны не только в духе, но и в формах определения государственных связей, считая что юридически элементы федерации, сговор и двустороннее октроирование — нарушат самую идею национального единства и создадут для будущей *общероссийской власти немалые затруднения*, немалые

и опаснейшие прецеденты. Но при этом мы упускали из виду, три важных обстоятельства: что отрыв окраин с течением времени становился все резче, углубляясь «давностью», государственной практикой и международными отношениями, что форма федерации не предрешала еще внутреннего содержания ее, которое могло стать вполне разумным и справедливым, не нарушая государственных интересов России, что, наконец, временные российские правительства Юга и Востока, лишенные преемственности власти и исторической традиции, не могли рассчитывать на скорое безболезненное и всеобщее признание...

— «В отношениях казачества — этот формальный ригоризм затруднял и затягивал соглашение...».

Это позднее признание — суровый приговор тому, что делалось тогда. Тогда в раде, как некогда в Карфагенском сенате, гордый римлянин, подъемля складку тоги, знаменовал этим жестом готовность объявить войну или принять мир, теперь в раде ген. Лукомский заговорил жестким языком ультиматума:

— Или рада должна отменить принятые решения, или...

Рада не захотела итти напопятную под влиянием угрозы и недвусмысленного давления.

И «римлянин» распустил складку своей тоги... Ген. Лукомский заявил с трибуны «об отозвании представителей армии из рады» и о том, что «в дальнейшем главное командование не может быть связано решениями рады».

И сам, почтенного возраста, русский генерал вышел поступью «гордого римлянина»... из «стана варваров» — членов Кубанской Краевой Рады... Году еще не прошло, как этот генерал Лукомский инкогнито пробирался на Кубань, кроясь под каким-то сомнительным присвоенным именем...

В раде, по выходе их, начались прения. — К чему нужно было обострять вопрос?

Сама група черноморцев была озадачена тем, какой оборот приняло дело.

По Екатеринодару пошли слухи о разрыве, о возможных столкновениях. Была среда, которая множила эти слухи и своими неосторожными не только словами, но и действиями увеличивала замешательство и раздувало конфликт.

На юге России во время гражданской войны никогда не было недостатка в тех типичных тыловиках, которые на фронт итти не хотели, они его боялись, но зато в тылу всегда были готовы открыть фронт «примерной расправы» с ненавистной им «революционной демократией». С другой стороны, и в среде кубанских «самостийников» не было недостатка в подобных же тыловых «воинах», прожектерах всевозможных сильных средств «отпора», чтобы в другой раз «не было повадно»...

Но не только праздные прожектеры множили тревогу. Бывший кубанский войсковой атаман А. П. Филимонов свидетельствует,

что к нему тогда приходили вместе генералы — Покровский и Шкуро — и предлагали ему, атаману, при их содействии взять всю власть в свои руки, т. е. произвести переворот. Позже в Париже, ген Шкуро в личных со мною (автором) беседах неоднократно возвращался к той же теме и уверял, что он не только не разделял взглядов Покровского, но, наоборот, останавливал его и давал ему понять, что в случае, если дело дойдет до открытого столкновения, он, Шкуро, не будет на стороне Покровского.

Как бы там ни было, но одно можно сказать, что в заговорщиках тогда недостатка не было.

В IV томе «Очерков Русской Смуты» (стр. 51) ген. Деникина имеются на этот счет выразительные указания, именно в том месте, где рассказывается, как генералы Драгомиров и Лукомский обращали внимание в беседе с ген. Деникиным на то, что общественное мнение обвиняет командование в попустительстве воинствующему сепаратизму черноморской группы.

Деникин поставил тогда вопрос ребром:

— Если вы скажете мне сейчас, что насильственные меры приведут к положительным результатам, то я завтра же корниловским полком разгромлю кубанское правительство...

— Нет, — ответили оба. Но вопрос-то, оказывается, поднимали. Идея заговора восходила, оказывается, в очень высокие добровольческие сферы.

14 и 15 ноября гг. Быч и Рябовол посетили ген. Деникина и указывали ему на всю опасность ходящих по городу совсем недвусмысленных слухов и просили смирить генералов. Их посещение ген. Деникин истолковал, как второй случай спасения им, Деникиным, кубанского народоправства (первый раз в ст. Мечетинской 30 мая 1918 года).

Заседания Правительства во время сессии рады происходили не регулярно, а лишь время от времени. На первом же собрании мы указывали Л. Л. Бычу на все печальные последствия его самочинного выступления в раде без предварительного обсуждения в правительстве ни самого факта выступления, ни содержания доклада.

Наши возражения были теперь и формального свойства и по существу. Мы находили, что нельзя превращать Краевую Раду в политический партийный орган. Краевая Рада должна оставаться выше партийных тактических соображений. Недопустимо втягивать ее в политические дрязги. Теряется авторитет надпартийного значения рады, а сами политические вопросы, политические программы, будучи проведенными через раду, теряют свою гибкость. Исполнительные органы теряют необходимую свободу маневрирования при неизбежных политических коллизиях. При этом Быч тогда выступал в раде в качестве председателя Правительства, сообщая т. о. своему личному или групповому мнению общеправительственное прикрытие. Выступать каждому из нас с возражениями против отдельных положений его доклада могло

было с одной стороны быть воспринято, как демонстрация правительственного разнобоя, а на это не всякий мог решиться.

Наши возражения по существу касались содержания именно речи Быча, а не его тезисов. Что же касается его тезисов, то мы обращали главное внимание на его пункт о «Союзе» и спрашивали: «Что это? Все тот же вид своеобразной конфедерации, о которой шла речь еще до заседания рады? Но тогда эта форма объединения встретила резкое возражение в самой правительственной среде. Мы, другая часть (не бычевская), достаточно ясно в свое время высказывались, что желательным видом объединенной власти является прочный и органический союз всех противобольшевицких сил, в первую голову Кубани и Дона, а с ними и Добровольческой Армии, как выполнявшей государственную задачу, т. е. объединение на основе народоправства и учета значения всех сил, действующих в борьбе. В отношении других «образований», которые могут мыслиться, как предполагаемые члены Союза, следовало бы действовать потом уже объединенным фронтом. В первую голову следует договориться самим ближайшим участникам борьбы, установить правильные принципы объединения без навязчивой идеи о добровольческой диктатуре и без потаенных бычевских мечтаний о бесформенном Союзе, который мог бы представлять сомнительное ристалище для его наиболее резвых членов, но действительного объединения сил не давал бы. Пора бросить неискренность в вопросе о поисках правильных форм объединения. Достоинство краевой власти требует ясного предложения в данном направлении».

Ф. С. Сушков, державшийся вообще довольно пассивно на заседаниях Совета Правительства в течение всей осени, часто отсутствовал, теперь на этом заседании вел себя непримиримо в отношении Быча, резко протестовал против его уклона в украинство.

— Благодаря этим уклонам Л. Л., мы едва не сделались, без нашего ведома, подданными Украины...

А личный друг и школьный товарищ Л. Л. Быча, Н. И. Воробьев, безоговорочный, вместе с тем, сторонник Добровольческой Армии, дал здесь волю своему негодованию и возмущению тайной дипломатией своего друга:

— «Добровольческая Армия — братская нам организация, а на наших заседаниях мы слушали только сплошную ругань по ее адресу со стороны председателя и члена правительства по военным делам» (Савицкого).

Л. Л. Быч был смущен создавшейся обстановкой, поэтому был сдержан. Он, оказывается, не допускал мысли, что представители Армии могут уйти из рады. Он признавал свою ошибку, что вовремя не был представлен правительственный контр-проэкт организации объединенной власти. Он уверял, что все происшедшее в раде с выходом из нее ген. Лукомского является лишь простым

недоразумением, что все можно уладить, создавши согласительную комиссию. По этому поводу он, Быч, уж беседовал с председателем рады и последний согласился сделать соответствующее предложение раде. По словам же председателя рады, настроение ее членов такое, что появление вновь в раде представителей Добровольческой Армии будет приветствоваться.

ГЛАВА XXXX.

В самой раде были также прения по вопросу, как уладить возникшее «недоразумение». Инициатива этих прений принадлежала, к сожалению, И. Л. Макаренко.

Я неоднократно останавливался уже на личности И. Л. Макаренко. Ему несомненно было свойственно понимание особенностей того тревожного времени, но, к сожалению, ему было свойственно одно неприятное качество: все бесконечно затягивать и как-будто бы даже удовлетворяться сознанием лишь важности производимой работы и своей роли в ней, а не ее результатами. Получалось даже иногда впечатление, что для него последние совсем и не так интересны.

И вот Иван Леонтьевич Макаренко начал в раде с опровержения слухов, которые «множит» зе жадная до сенсаций уличная толпа.

«Повсюду разносится звон о разрыве. Города и веси полны этих слухов. Кое-кто этому радуется».

«Никакого разрыва нет. Представители Добровольческой Армии просто погорячились...».

И. Л. Макаренко предложил раде избрать тут же членов согласительной комиссии, которая должна, совместно с представителями Д. А., разобраться в конфликте.

Рада согласилась и избрала тут же его, Макаренко, и других еще пятнадцать человек.

Добровольцы приняли идею «согласительной комиссии» и прислали своих пятнадцать членов во главе с 16-м ген. Лукомским, т. е. тем лицом, которое вызвало самый конфликт. Впрочем, в добровольческой делегации были и такие лица, как Нератов, Ковалевский...

В конференционном зале старого областного правления на Штабной улице произошли заседания этой согласительной комиссии.

Хозяева — кубанцы, по распоряжению все того же Макаренко, постарались придать соответствующую декорацию «переговорам»

сторон. По всей лестнице, от входной до залы заседания, был разостлан ковер. Ковры в зале. Три больших стола поставлены «покоем» и покрыты цветным сукном. Один стол для президиума, два других для делегаций, для каждой из них особый стол.

Президиум был сконструирован тоже особым образом: два председателя по одному от каждой стороны, которые председательствуют по очереди со строгим соблюдением ее; два секретаря, которые выполняют функции тоже по очереди, но в обратном порядке: при председателе - добровольце действовал секретарь кубанец и наоборот.

Со стороны добровольцев председателем оказался генерал-лейтенант Лукомский, со стороны кубанской — хорунжий Макаренко. Секретарями были Ковалевский и Коробьин.

На первом заседании сконструировались и разрешили вопрос, как будем производить голосование, и разошлись.

Потом потянулись нудные и полные безнадежности заседания *комиссии. Было бы важно, чтобы хотя одна из сторон обнаружила* искреннее желание договориться. Этого не было. Было желание склонить, если угодно, принудить противника к своей точке зрения.

Бычевский «союз» или Драгомировское «особое совещание» при генеральской диктатуре, — вот две грани, от которой не отходило большинство каждой из двух групп.

В нашей кубанской стороне были представлены обе части: черноморцы и линейцы. С одной стороны Макаренко, Манжула, Воропинов, Кулабухов и др. С другой стороны Сушков, Долгополов, Коробьин, Скобцов и др., при большинстве, однако, за Макаренко с Манжулой с их друзьями.

Но тем не менее, если бы со стороны наших добровольческих контр-агентов было бы обнаружено в какой-либо степени серьезное желание договориться, мы, — линейцы, — сделали бы все усилия, чтобы склонить раду к нужным решениям.

Но со стороны добровольцев и намека не было на это. Добровольческий «ригоризм» выпирал из каждого заявления ген. Лукомского. (Делал заявления от них именно ген. Лукомский).

*Присутствовавшие в комиссии штатские сотрудники добровольче*ства, стремились лишь придать более эластичную форму угловатой аргументации своего лидера и других своих военных коллег.

Переговоры начались предложением договориться сначала об общей формуле соглашения о власти. Долго над этим бились, пока убедились, что дело вперед не подвигается. Тогда решили начать с частностей и сначала последний метод будто имел успех, но это оказалось только видимостью его. Скоро снова уперлись в ту же добровольческую «диктатуру», как принцип, и в кубанскую «суверенность», как факт.

Имело место любопытное явление: перемена местами, как в кадрили. Спор шел о кубанском гражданстве, к слову сказать,

тогда и позже еще не разрешенный самими кубанцами. Было поручено юристам Соколову — добровольцу, и Коробьину — кубанцу из «иногородних» выработать проэкт формулы. Те выработали, но явно неприемлемую для кубанцев формулу. Тогда разошлись на фракционные совещания, и в кубанской фракции *была обсуждена и принята формула доктора Долгополова,* а добровольцы явились со своей формулой полк. Ковалевского и — о, чудо! для добровольцев оказалась более приемлемй долгополовская формула, а для кубанцев — добровольческая, составленная полковником Ковалевским. Повидимому, и те и другие единственный раз *обнаружили желание пойти друг другу на уступки.* Кубанцы поспешили присоединиться к формуле Ковалевского, но добровольцы — к формуле Долгополова. При голосовании добровольческой формулы присоединился к нам из добровольцев лишь сам автор ее Е. Е. Ковалевский, но этого оказалось достаточно, чтобы *она прошла* (*все голоса кубанцев плюс* Ковалевский).

Результат получился совершенно неожиданный. Добровольцы испугались своего успеха и были вне себя от принятой их же формулы по вопросу о кубанском гражданстве, вернее о положении «российских граждан» на Кубани. Было принято: «Российские граждане пользуются на Кубани на равных с кубанскими гражданами основаниях защитой закона». Как будто до этого постановления кто-то оспаривал это право у российских граждан? И вот, в силу ли сознательного решения или вследствие вспыльчивого своего характера, помощник Главнокомандующего ген. Лукомский именно тут вдруг оскорбился на реплику с места из-за стола кубанцев (*Манжула*), *произнесенную в момент, когда* кто-то из добровольческих ораторов назвал свою организацию «государством».

— «Государство без территории! — послышалось из-за кубанского стола (Манжула).

— *«А черноморская губерния?! — последовала реплика из-за* стола добровольцев.

— «Да, завоеванная кубанскими казаками...».

Лукомский вскочил и, бросив запальчивую фразу:

— «Я не могу допустить оскорблений по адресу Добровольческой Армии», — схватил портфель и убежал.

Его тут сумели вернуть. Но всему наступил конец, когда приступили к вопросу о кубанской армии. Добровольцы решительно *возражали против требования кубанцев восстановить кубанскую* армию. Свои возражения добровольцы аргументировали техническими соображениями. Кубанцы, отлично понимая, что дело тут не в технике, а в политике, не менее решительно настаивали на своем, напоминая данные добровольцами еще при Корнилове на *этот счет их обещания. Длительные острые на этом собрании* прения к положительному результату не привели, а на следующее

назначенное собрание добровольцы совсем не пришли, а прислали особое послание за подписью всех членов комиссии с их стороны, род особого ультиматума. В концентрированном виде в нем было изложено все их «учение» о временной единоличной власти Главнокомандующего Д. А., неограниченной в военном отношении, с допущением в гражданском отношении «куцой», по определению кубанцев, автономии. В заключительной части послания указывалось на бесцельность дальнейших совместных занятий комиссии впредь до того, пока рада не примет нескольких, отвечающих взглядам командования, постановлений, первым из которых должно быть подтверждение радой существующего уклада службы кубанских казаков в добровольческих частях. Другими словами, кубанцам предъявлялся ультиматум не только отказаться от права и намерения иметь собственную кубанскую армию, но даже отказаться и от старого обыкновения кубанских казаков отбывать военную службу в своих особых кубанских частях, — именно старое, еще при старом режиме казачье обыкновение. Краевая Рада отказалась принять ультимативное предложение добровольческих генералов.

Согласительная комиссия, «поработавшая» более десяти дней закончилась ничем, даже больше, того, — она заострила конфликт и вогнала его вовнутрь. Когда читали послание добровольцев в раде, то с мест раздавались крики — «позор!» и т. п.

Положение в раде нас, сторонников объединения, благодаря наличию такого «ультиматума» добровольцев, стало более трудным:

«Объединители с реакцией», обнаружившей неприкрытое стремление обратить кубанских казаков в орудие своих целей и использовать для того-же все ресурсы края...

Мы все же добились, что Краевая Рада постановила разъяснить, что первые два пункта тезисов, объявленных радой 10 ноября, были ею приняты, как удостоверение существующего политического положения, а последние семь пунктов, как выражение лишь мнения и пожелания рады, т. е. совсем не непременные кубанские требования.

Таким образом, состояние обострившегося спора о формах объединения, сошло с повестки Краевй Рады лишь несколько притушенным, но не разрешенным.

ГЛАВА XXXXI.

Жить и бороться с большевизмом мы продолжали вместе. Интересы рады — всех ее членов — сосредоточились теперь на работах комиссии по управлению и самоуправлению, т. е. краевой кубанской конституционной комиссии.

Если бы произошло какое-то соглашение с добровольцами о власти, оно, в первую голову, должно было бы сказаться в выработанном положении этой комиссии: уже не временная краевая самостоятельность, а какая-то степень делегирования части краевой власти какому-то виду центра общегосударственной или объединенной союзной власти. В этом направлении и развивались споры между представителями обеих главнейших радянских группировок за формулы, ограничивающие краевую самостоятельность, и наоборот.

Когда стало ясно, что соглашение сейчас невозможно, то внутри-радянская острота спора сразу притупилась. Внимание сторонников обще-российской ориентации сосредоточивалось теперь на том, чтобы сохранить потенциальную возможность постановки вопроса об октроировании краевой власти в пользу какой-то общей с обще-российскими задачами власти.

В результате споров и направление работы конституционной комиссии получилось следующее:

в текст самой конституции было внесено мало изменений, по сравнению с тем, как было принято в Совете Правительства. Были закреплены положения типа «Третьей французской республики» в отношении главы Края, Войскового Атамана, он получил ограниченное право «вето», права представителя Края, но не на управление им. При этом и среди членов рады не обнаружилось широкого стремления к наделению атамана более широкими полномочиями. Правительство, ответственность которого устанавливалась перед Законодательной Радой, получало широкое право законодательной инициативы, между прочим, в порядке особой статьи (57), когда отсутствует рада и т. д. Вотум недоверия рады правительству или контролеру обязывал их подавать в отставку.

За атаманом сохранялось право роспуска законодательной рады, в случае ее конфликта с исполнительной властью. Но было внесено ограничение в зависимости от прохождения в раде краевого бюджета.

Существование двух рад было принято и было принято также примечание, что впредь до выработки положения о выборах в законодательную раду, таковая избирается из среды самой Краевой Рады. Другими словами, все оговоренные права исполнительной власти в случае ее конфликта с законодательной радой переносились на Краевую Раду.

Попробуй атаман распустить при таких условиях законодательную раду, он будет иметь дело тогда с самой Краевой Радой, где встретится к тому же с теми, конфликт с которыми привел к роспуску рады. Краевой Радой атаман сам избирается и поэтому вполне от нее зависит, хотя в конституции не устанавливалась его специальная ответственность перед радой. По смыслу закона он, атаман, избирается на определенный срок и за свою деятель-

ность в случае ее незаконности, отвечает только по суду, особым образом организованному.

...Неясность взаимоотношений властей, отсутствие ответственности законодательной рады перед краевыми избирателями послужило впоследствии источником тяжелых осложнений...

В конституционной *комиссии сторонники единения добились*, чтобы рамка, в которую должна быть вставлена эта конституция, сохранила бы все признаки краевой готовности вступить в общегосударственную систему объединения.

Эта мысль была последовательно проведена, начиная с самого наименования «конституции»: «Временное положение об управлении». Затем строго выдержана скромность звания самого государственного образования: ни республика или то, или другое подчеркнутое понятие государственности («Всевеликое», например, «Войско Донское» и пр.), а Край, т. е. часть целого. Мало того, все эти мысли о скромности, временности и вынужденности самостоятельности были подчеркнуты в особой декларации, предпосланной конституции:

«Мысля себя неразрывно связанным с Россией, — единой и свободной, — население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью.

«Ныне же Кубанский Край, стоя на пути государственюго строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением».

Всем нам всегда стоящим на основе единства государства российского, эта декларация представлялась необходимой, — во-первых, в силу внутреннего сознания населением этого единства, и, во-вторых, в силу борьбы со всеми толками о Кубанской самостийности.

Еще раз подчеркивалась в порядке полноты отвественности и краевой авторитетности, что существующие частные мнения и увлечения самостийностью не могут быть приписываемы целому.

В то же время была внутренняя потребность засвидетельствовать, что Кубанский представительный орган мыслит Россию свободной в целом и в частности, вопреки тому, как подавляли госу*дарственную свободу большевики из Москвы, и как вынашива*лись рецепты подавления ее отсюда из недр противобольшевицких сил.

Следует отметить, что это настроение свободы и народоправства, как основ государственного строительства, были тогда общепринятыми в среде членов рады.

Вздумал как-то генерал Карцев, получивший мандат от ст. Варениковской, сделать заявление в раде, что Кубанские казаки мыслят Россию монархией, — и что же? Станичный сбор этой

станицы предложил — по телеграфу, — своему депутату или сложить полномочия, или отказаться от своих слов, произнесенных в раде.

Генерал, крупный помещик из тех, кого награждала царская власть за счет казачьего войскового фонда землей, предпочел отказаться от полномочий в раде.

К конституции было приложение: текст присяги Войскового Атамана и членов рад при вступлении тех и других в свою должность.

Первоначальный проэкт этого текста составлялся зеведующим отделом законодательных предположений Колычевым, и в нем были слова: «...нося в сердце своем любовь к матери, России».

В Совете Правительства этот текст подвергся изменениям.

Быч настоял по формальному мотиву на том, что нельзя обязывать носить в сердце любовь, и надо исключить из текста присяги вышеприведенные слова, включив обязательство служить «к пользе государственной и к процветанию Кубанского Края».

Употребление рядом двух понятий, — государственного и Кубанского Края, — по нашему мнению должно было свидетельствовать о двойном значении службы атаманской и депутатской, — значении общегосударственном и краевом.

Краевая констиуция была принята радой в последнем чтении 5-го декабря 1918 года.

Избрание Войскового Атамана.

Предстояло еще избрание Войскового Атамана.

В кандидатах на этот пост недостатка не было. Старый режим приучил казаков к тому, будто казачьим Войсковым Атаманом должен быть непременно человек военный и в высоких чинах. Вследствие этого, всякий честолюбивый полковник начинал мечтать об атаманской булаве, уж нечего и говорить о генералах, да еще чем-либо отличившихся. О тех данных, которые необходимы главе края, — уважение к закону, политическая грамотность, необходимая, наконец, широта жизненных взглядов, — об этих данных кандидатствующие полковники и генералы мало думали.

В то же время кандидатура гражданского человека представлялась массовому избирателю чем-то маловероятным, если даже не подлинным, недопустимым новшеством, хотя теоретически при выработке конституции было принято, что «Атаманом может быть избран всякий природный казак или казак приписной, состоявший казаком не менее пятнадцати лет».

К числу серьезных кандидатов в данный момент относились двое: Филимонов и Быч. Объективных данных было больше у последнего. Человек волевой, работоспособный, несомненно демократических убеждений. В годичный срок своего служения на

посту председателя правительства Л. Л. Быч обнаружил и стойкость, и административную опытность, и необходимое для того времени мужество.

У Филимонова всех этих данных было меньше. Он не обнаружил сильной воли; мы не видали его работоспособности, под сомнением была его демократичность. Против понятия его стойкости при затруднениях вопиял факт малодушной попытки уйти с поста в минуту острой опасности; затем неумеренная любовь к комфорту, к удобствам жизни...

Словом, при богатстве выбора, не быть бы Филимонову у нас атаманом. Но при сознаваемом безлюдьи перевес брали положительные особенности этой кандидатуры. У Филимонова был уже полутора-годичный стаж служения кубанцам на высшем выборном посту, его высшее юридическое образование (военное), — знание, следовательно, закона, некоторые внешние блестящие данные: дар слова, общая подвижность, жизнерадостность.

Главное же, Филимонов — человек российской ориентации. Быч же *имел дурную славу неумеренного сторонника украинской ори*ентации и враг добровольчества. Его избрание повлекло бы за собой дальнейшее углубление розни, быть может, даже разрыв, и вообще какое-то крайне неясное и опасное будущее. Это был бы атаман узко-партийный, гнувший свою линию.

Эта его «ориентация» была главным мотивом против него в наших демократическо-линейских кругах.

И кандидатура Филимонова у нас вызывала разногласия, но, скрепя сердце, шли на нее и не согласные с ней. Все же это был в общей сложности серьезный конкурент Бычу. Быть может, мы допустили ошибку. Быть может, правильнее было бы сохранить атаманский пост от занятия его человеком, к которому ни у кого не было полного доверия и достаточной полноты уважения, но дилемма — Быч или Филимонов — сама по себе предрешала наш выбор.

В день выборов мы шли в раду, чтобы дружно голосовать за Филимонова.

Баллотировка:

Быч или Филимонов?

Перед самой баллотировкой Л. Л. Быч неожиданно появился позади председательского стола рады и, попросив слова для внеочередного заявления, объявил, что он «снимает свою кандидатуру». Был ли это маневр, что я де к власти не стремлюсь, или это было *серьезное решение, продиктованное серьезным убеждением* (каким?), но во всяком случае, сторонники Быча, и из них первый председатель рады Рябовол, несомненно, и по должности и по близкому отношению к Бычу, были наиболее в курсе дела, — так

вот, эти друзья как-будто сознательно не сделали прямых выводов из заявления Быча, а, наоборот, предложили баллотировать Быча в порядке казачьей дисциплины. Если рада прикажет, то он де не посмеет отказаться...

Большинство голосов все же оказалось у Филимонова, получившего 275 голосов. В урне же Быча — всего лишь 195 шаров.

ГЛАВА XXXXII.

Земельный вопрос.

Общим ходом российской революции вопрос о земле сельскохозяйственного значения был предрешен: частная собственность на нее должна быть отменена. У казачества в старом Запорожье и на Дону земля этого назначения составляла коллективную — ВОЙСКОВУЮ — собственность. На Кубани эта коллективная — войсковая — собственность на землю установилась с приходом туда казаков Черноморского Войска. Именно, «всему войску» была определена верховной государственной властью «В ВЕЧНОЕ ВЛАДЕНИЕ» земля и все состоящие на земле всякого рода угодья, на водах же рыбные ловли... остаются в точном и полном владении и РАСПОРЯЖЕНИИ Войска Черноморского»... Именно так было записано в грамоте Императрицы Екатерины II-ой, Императоров Павла 1-го и Александра 1-го.

Эта общевойсковая земля была распределена между «куренями» (станицами). Образовались юртовые земли для безвозмездного земледельческого пользования по их станичным планам и назначению.

Но уже в 1842 году всероссийское правительство сочло нужным вмешаться в распределение этих юртовых земель между казаками и установило размеры участков: для рядовых казаков в 30 десятин, для обер-офицеров — в 200 дес., для штаб-офицеров — в 500 дес. и для генералов — в 1.500 дес.

В станицах и хуторах юртовые земли распределялись равными паями между всеми казаками согласно постановлениям станичных и хуторских сборов, сообразно с приростом населения в каждой станице.

Но на этом дело не остановилось. В 1868 г. центральной государственной властью было дозволено частным лицам, долголетним арендаторам того или другого офицерского участка, выкупать его себе в собственность, в 1870 г. вообще все земельные участки казачьих офицеров и других чиновных лиц, которые до того были лишь «в пользовании» этих лиц, перешли, по распоряжению верховной власти, в полную их собственность, и было дозволено

офицерам и генералам продавать участки земли и совершать другие сделки, обычные для земельных собственников.

Кроме того, Тифлисское Межевое Отделение, центральное для всего Кавказа, стало находить в пределах общей земельной площади Кубани «излишки» земли у казаков и стало обращать эти «излишки» в категорию «казенной», т. е. общегосударственной земли. Такие же «излишки» вырезывались даже из станичных юртовых земель (см. пример, приведенный мною в первой главе этой книги). После из этого накопившегося от «излишков» (и других подобных изысканий упомянутого Межевого отделения) значительного запаса казенной земли на Кубани стали вырезать крупные земельные участки (в 3.000 десятин) и определять их в собственность избранным генералам и крупным чиновникам центральных учреждений. Обычно эти чиновные земельные собственники продавали частью или целиком свои дарственные земли крупным овцеводом или другим предпринимателям. Так множились двумя основными указанными здесь путями земельные собственники на Кубани.

В своем докладе Краевой Раде по своему ведомству земледелия в ноябре месяце 1918 г. я отмечал, что в обще-казачьем общинном пользовании на Кубани находилось всего 5.633.317 десятин пригодной для земледелия земли, во владении же личных собственников в это время было подобной земли немного больше 1-го миллиона десятин земли: 500.000 десятин у крупных собственников и столько же у всех мелких. Таким образом об учреждении и последующем распределении между малоимущими или совсем не имущими земли насельниками Кубани мог быть поставлен вопрос в раде только о 500.000 десятин кубанской «удобной» земли крупных собственников.

Но претворение в жизнь этих теоретически гладко выражаемых положений революционного мышления встречало чрезвычайные затруднения и в общей психологии и во всей существующей хозяйственной системе, базирующейся на принципе неприкосновенности частной собственности.

Как провести реформу в жизнь?

Мы видели, как в течение ряда лет отлынивало от радикального разрешения аграрного вопроса дореволюционное российское правительство, как осторожно и нерешительно подходило к нему и Временное пореволюционное Правительство, откладывая дело до Учредительного Собрания. Этот мотив нам был очень знаком. Мы сами привыкли сложнейшие и ответственные вопросы откладывать впредь до «решения Краевой Рады» и вообще впредь до чего-то. В общем сумбуре рада решений не выносила. И так накоплялась целая система важнейших неразрешимых вопросов, которые давили на жизнь и загоняли ее в такую щель, из которой трудно было находить затем выход нормальным порядком. Иначе сказать, для большевиков подготовлялась жатва.

Выше, мы только что ознакомились с образованием подобной системы неразрешимых вопросов в области финансово-экономической.

В аграрном вопросе я этого допустить не хотел.

Раньше я рассказал, как Краевая Рада, а потом «паритетная» законодательная рада в 1917 году дальше декларативных заявлений да положения о паритетных земельных комитетах не пошли.

Все это пока носило скорее характер изыскания удобных форм для агитационной борьбы с большевицкой демагогией. Но вот теперь нужно было ставить вопрос практически.

Молчаливое будто бы безучастное отношение Совета Правительства к направлению моей ведомственной работы, о котором я рассказывал в связи с подготовительными работами к раде, тоже было весьма показательным.

Но ответ нужно было давать, и мы были вполне мобилизованы, чтобы произвести работу в том направлении, какое будет указано радой. Мой заведующий земельным отделом С. И. Долгополов, весьма преклонного возраста, прошедший в свое время через горнило народническо-социалистических течений русской общественной мысли, имел к тому же значительный стаж практической работы в качестве третьего земского элемента, человек был высоко-честный. Но ответственность за инициативу все же не хотел здесь принять на себя.

И затем вопрос самостийности.

Лично я в Совете Правительства и в раде представлял кубанское течение обще-российского направления. Наша линейская группа всегда обращала взоры к будущему Всероссийскому Учредительному Собранию, которое должно де авторитетно разрешить судьбы России. Должно же быть когда-то оно! Но когда?...

С земельным вопросом в создавшейся обстановке ждать нельзя было. Кратко характеризуя свое настроение, могу сказать, что я старался понять, как воспринимается сущность этого вопроса в окружающей среде и какие логические выводы можно будет сделать из ее понимания, в какой степени новое пореволюционное сознание может быть связано с прошлым и явится естественным его продолжением.

Правильный учет и того и другого, по нашему мнению, гарантировал бы благоприятное отношение к нашему решению и будущего Учредительного Собрания.

Кубанское казачье войско по смыслу закона, по содержанию вышеотмеченных грамот «высочайше дарованных» этому Кубанскому казачьему войску, — пользовалось земельной автономией. Вся поверхность войсковой территории, недра, леса, рыболовные воды, как лежащие внутри краевой территории, так и у берегов морей, омывающих войсковую территорию, на семиверстном рас-

стоянии, и пр. угодья, — теоретически значились неприкосновенною собственностью Кубанского казачьего войска, каковое одно было в праве ими распоряжаться.

Но по дореволюционной практике, центральная власть, повторяя в грамотах старые формулы, фактически опутывала старое войсковое право «распоряжения» своею собственностью такими формальностями и так настойчиво прибирало все к своим рукам, что в конце концов местная войсковая власть не в праве была распорядиться самостоятельно (без разрешения петербургской канцелярии) войсковым капиталом в сумме свыше 300 рублей.

Но буква закона, однако, была на нашей стороне и обеспечивала за полномочным войсковым органом право распряжения, тем более, что никаких признаваемых нами центральных канцелярий теперь не существовало. Да и революция есть освобождение жизни от мертвящих формальностей.

Несомненно эти соображения легли в основу декларационных заявлений рады 1917 года, третий пункт которых по аграрному вопросу был формулирован так:

«Кубанское казачье войско владеет, пользуется и распоряжается своим землями, лесами, водами и недрами самостоятельно и независимо».

Мне оставалось только делать отсюда прямые выводы и подвигать дело к практическому решению.

В краевой конституции осени 1917 года и в проэкте конституции, предлагаемой теперь на рассмотрение рады, мы стали на путь расширительного привлечения к управлению отдельных частей населения.

Рада сказал: не войско, а Край, т. е. не одно казачье население пользуется полным правом распоряжения в Крае, а все коренное население его: казаки, горцы и коренные крестьяне.

Нужно было и из этого положения тоже делать свои выводы.

Кубанское войско шло на жертвы для общего блага, для установления правопорядка, обеспечивающего правильное политическое и экономическое развитие Края.

Я эти выводы делал.

В своем докладе раде, — в порядке общих докладов Правительства ей, — я изложил [1]) сущность современной обстановки земельной реформы на Кубани, причем весьма настойчиво подчеркнул, что благоприятного разрешения земельного вопроса на Кубани нужно ждать не только от ожидаемых прирезок за счет существующих в Крае частновладельческих крупных земельных площадей, казенных, войсковых, монастырских и прочих, но также и от повышения интенсификации сельского хозяйства и от обра-

---

[1]) См. Стенографический отчет пленарных заседаний Чрезвыч. Рады Кубанского Края. Созыва 28/X. 1918 г. Стр. 261-271.

щения так называемых «неудобных» для сельского хозяйства земель в «удобные».

...Сотни тысяч десятин земли были заболочены плавнями. Уже при старом войсковом правительстве были произведены изыскания для возможной их осушки. На эту категорию земель и на другие подобного положения земли я указывал, как на будущий кубанский земельный резерв.

Иллюстрируя свою мысль примерами из ближайшего пережитого, когда псевдо-эс-эровская демагогия бросала в массу стянувшегося в Край со всех сторон населения соблазнительный призыв к уравнительности землепользования по принципу «хоть по сажени, да всем», — когда широкий отзыв на этот призыв пришлых людей нанес местному казачье-крестьянскому населению тяжелый удар, я доложил раде о важном значении так называемого «производственного интереса» краевого сельского хозяйства.

Конец войны с его продовольственными недостатками, вынужденной широкой поощрительной инициативой государственной власти к повышению производительности местных хозяйств (путем отпуска кредитов, освобождения домохозяев от мобилизации), так же наглядно показывал членам рады важное государственное значение именно этого «производственного» интереса.

То разорение, которое понесло население Края в результате борьбы из-за этой земли, стоило неизмеримо больше, чем эта земля. А сколько крови было пролито... Каким тяжелым бременем должно лечь все это на сознание поколений, предки которых уклонились бы от разрешения назревшего вопроса.

Любое радикальное разрешение вопроса с выкупом или без выкупа, предлагавшееся в дореволюционное время, было бы спасительным для государства и для народа, и предохранило бы от неисчислимых жертв революции.

Я заявлял, что откладывать еще на будущее время решение этого вопроса нельзя, за основу его решения следует взять общие пожелания рады 20 декабря 1917 года с теми поправками, которые уже внесены жизнью.

Рада одобрила мой доклад и поручила своей земельной комиссии рассмотреть в деталях вопрос и представить ей на утверждение «Общие положения о земельной реформе в Кубанском Крае».

Число членов земельной комиссии Краевой Рады, помнится, было что-то около пятидесяти. Присылали в нее фракции рады или специалистов агрономов, — поскольку они были в наличности, — или хороших опытных хозяев.

Большинство членов комиссии были все же рядовые казаки, горцы и крестьяне.

Об этом первом горниле нашей аграрной реформы можно сказать, что оно было чисто народным решением.

Но эти практики-хлеборобы Кубанского Края, посланные радой в аграрную комиссию, разбирая именно практически поставлен-

ный в раде земельный вопрос, проявили большую вдумчивость и всесторонность суждений при рассмотрении этого близкого им, знакомого и на практике усвоенного вопроса. Приглашенные в комиссию мои ведомственные специалисты многому от них научились.

После ряда совместных и поучительных заседаний мы потом засели в ведомстве за работу и формулировали основные положения кубанской земельной реформы, которые вновь были предложены на рассмотрение земельной комиссии и с малыми ее поправками наши предложения пошли в раду, а 7-го декабря 1918 г. были утверждены радой. Распубликованы были позже по утверждении их войсковым Атаманом.

Первая статья этого закона гласила об отмене в Кубанском Крае частной собственности на землю и о перенесении этого права собственности на Кубанский Край, как самоуправляющуюся единицу. Все земли, леса, недра, надземные богатства и воды объявлялись подлежащими отчуждению в Краевой земельный фонд (ст. 5-я) и в непосредственное владение и распоряжение Краевой власти (ст. 8-я). В особую категорию относились: а) городские земли (ст. 4-я), б) земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющими обще-краевое культурно - экономическое значение (ст. 6-я) и в) земли бывших собственников под усадьбами, виноградниками и торгово-промышленными предприятиями (ст. 7-я).

Все эти последние категории земель получали в законе особую оговорку и давалось поручение Краевому Правительству и Законодательной Раде выработать при детализации земельного закона особые положения и о них, дабы при новом земельном праве не было нанесено ущерба ни развитию городов, ни очагам земледельческой культуры, ни, наконец, связанной с землей промышленности.

Основной особенностью нового земельного закона было, во-первых то, что существовавший у населения взгляд на незаконность частной собственности на землю в пределах войсковой территории, находил теперь себе выражение в «Основных положениях» реформы; во-вторых, что Кубанское Краевое Войско в лице своих представителей, принявших в подавляющем числе участие в решении вопроса, отказалось от своих прав в пользу нового коллективного собственника земель, недр и пр. «Кубанского края» с его населением.

Но отчуждение безвозмездное признавалось только в отношении тех земель, которые перешли в руки собственника тоже безмездными способами (высочайшее пожалование и пр.). Земли же, дошедшие до настоящих владельцев путем купли, подлежали отчуждению с возвратом собственникам из Краевой казны непокрытой доходами части цены, обозначенной в крепостном документе за вычетом залоговых обязательств (ст. 9-я).

Закон признавал обязательство казны оплатить все неиспользованные коренные улучшения, произведенные бывшими собственниками на землях, отчуждаемых как безвозмездно так и возмездно.

Ясно была, следовательно, обозначена тенденция закона возвратить собственникам затраченные ими средства на приобретение и улучшение земель. В то же время земли, вымежеванные из войсковой территории, сначала в срочное пользование, а потом в собственность офицерам, чиновникам и другим частным лицам, за службу и в силу особого благоволения старой власти, — эти земли рада возвращала в Краевой фонд без всяких компенсаций для прежних владельцев. Понималось, что эти земли отработали к данному времени пенсионный срок.

Впрочем, в законе была и еще одна особенность:

Если нынешние собственники не имели раньше других источ*ников дохода, кроме отчуждаемых земельных участков, а по возрасту или болезни не могли обеспечить себя личным заработком, то закон утверждал за ними право на пособие из* Краевой *казны, — престарелым и инвалидам пожизненно, больным до выздоровления* и детям - сиротам до совершеннолетия.

Вместо отбираемых земель у благотворительных, учебных и культурно-просветительных учреждений и организаций устанавливались для них субсидии в порядке сметных предположений, по расчету из средних арендных цен соответствующего района Края.

Декларативно обращались в Краевой земельный фонд также земли юртовые, т. е. земли станичных, хуторских, аульных, сельских и пр. обществ, но фактически впредь до издания закона об окончательном распределении, эта категория земель оставалась в *пользовании соответствующих земельных обществ в существующих границах.* Что *касается земель крестьянских и мещанских товариществ, а также мелких собственников, то в их пользование оставлялись участки, не превышавшие среднего размера ду*шевого надела, — пая, — излишки отчислялись в Краевой земельный фонд на общих основаниях, — с принятием во внимание так же, как и при прочих отчуждениях, особого учета земельных улучшений на этих участках их прежних собственников.

Правом на получение земли из Краевого земельного фонда обладало, вообще говоря, все трудовое земледельческое коренное население Края, но малоземельные казаки, крестьяне и горцы должны были быть наделены землей в первую очередь (ст. 14-я).

Взяли верх, следовательно, стремления подкрепить в первую очередь уже существующие в Крае, но ослабевшие, вследствие малоземелья, хозяйства, т. е. стремления продиктованные, на первый взгляд, эгоизмом законодателя, при ином же подходе к делу, — *соображения отмеченного выше «производственного» интереса местного земледелия.*

Кубанская Краевая Рада, где заседало свыше 500 представителей практиков-хлеборобов, давала директиву нам, исполнителям, руководствоваться при временном распределении земли, как временной нормой, средним душевым наделом земли данного отдела, т. е. каждой седьмой части Краевой территории. В дальнейшем имелось в виду определить опытным путем, а также путем статистического обследования, тип и размеры нормально производящего мелкого земледельческого хозяйства для каждого района Края и, руководствуясь уже той нормой, произвести окончательное распределение.

Таким образом, мы самостийно разрешили земельный вопрос, но делали усилие, чтобы это его новое пореволюционное решение находилось в органической связи с местным предреволюционным, чтобы делатели того же дела впоследствии могли лишь развивать дело, а не делать скачков в неизвестное будущее.

Новое разрешение вопроса во многом (в основном) представляло лишь исправление несправедливого и извращенного старого, тем более, что это доброе старое еще живо было в общей казачьей традиции, со времен Запорожья, со времен первых лет пребывания на Кубани казаков запорожцев.

При докладе статьи первой об уничтожении частной земельной собственности председатель правительства Л. Л. Быч предложил мне заявить от имени правительства, о необходимости сохрнить, как особую ограниченную категорию собственности, мелкую земельную собственность. Я отказался. Тогда сам Быч сделал соответствующее заявление. Но успеха он не имел. Один член рады (от станицы Гастогаевской) с кафедры рады заявил: «Я дуже, дуже бажаю (люблю) Л. Л. Быча, но что касательно земельки, то я с ним не согласный»...

Текст, доложенный комиссией, был принят радой почти без изменений. 7-го декабря было закончено рассмотрение Краевой Радой наших «Основных положений земельной реформы в Кубанском Крае». Рада сопроводила заключительное чтение принятием трех дополнительных постановлений и трех особых резолюций.

В постановлении первом поручалось Краевому Правительству, в виду остроты малоземелья во многих населенных пунктах нагорной полосы, принять все меры к тому, чтобы, до окончательного распределения земельного фонда, отчуждаемые земли, по возможности, представлялись указанному населению малоземельных горных сел и станиц во временное пользование.

Постановлением вторым поручалось правительству принять все меры, не исключая и репрессивного характера, к тому, чтобы «все частновладельческие земли сельско-хозяйственного назначения не остались незасеянными в текущем сельско-хозяйственом периоде».

Наконец, постановлением третьим, «воспрещалась вырубка лесов на частновладельческих землях».

ГЛАВА XXXXIII.

Избрание Законодательной Рады.

Предстояло избрать членов Законодательной Рады.

Можно было бы произвести избрание депутатов в Законодательную Раду по принципу прямого большинства, которое мог собрать в пленуме рады тот или иной список кандидатов или же применить часто у нас практиковавшийся способ избрания: списки кандидатов, намеченных группами, проводились по большинству *сначала в отделах, а на пленуме происходило лишь их утверждение.*

Первый способ был несомненно выгоднее большинству, одержавшему победу при выборах Атамана. Второй способ был выгоднее черноморской группе.

Дело в том, что старое административное деление кубанской «области» на семь отделов заключало ту особенность, что, кроме сплошных черноморских отделов — Ейского и Таманского — и сплошных линейских — Лабинского и Майкопского — были отделы смешанные, но с преобладанием в них элемента черноморского — Екатеринодарский и Кавказский. Баталпашинский отдел, населенный, преимущественно, казаками хоперцами, по настроению чисто линейскими, по своей малочисленности не мог уравновесить *неравенство распределения сил в двух названных смешанных отделах.*

Если бы производились выборы в пленуме, то голоса тех линейцев, которые пропадали в смешанных отделах, как меньшинство, наоборот, подкрепили бы весьма существенно список депутатов линейцев. К тому же среди линейцев этих отделов нашлись типичные ренегаты, которые связали свою судьбу с руководителями черноморцев: В—в, К—ов и другие менее видные, но еще более беспринципные. Этих черноморцы при выборах довольно охотно поддерживали, чтобы демонстрировать к тому же свое яко бы беспристрастие.

Мы не дооценили тогда всех этих особенностей и позволили при выборах в Законодательную Раду ослабить значение своей победы при выборах Атамана.

При данной системе выборов в Законодательную Раду прошли все руководители черноморской группы и привели вместе с собою особое беспринципное «болото», — обстоятельство сыгравшее потом свою весьма печальную роль.

Вручение Атаману булавы.

Торжественно была вручена вновь-переизбранному Атаману булава. Слеудет отметить некоторую подробность этих торжеств.

Со времени еще существования отдельного Войска Черноморского времен еще Запорожья остались реликвии былого вольного казачьего управления, былой боевой славы, наконец, осталось собрание государственных грамот, в коих подтверждались имущественные и войсковые права казаков, их права на самоуправление.

Все это собрание приобрело в просторечии наименование «Войсковых регалий». Всякое казачье торжество сопровождалось и при старом режиме торжественным выносом «регалий» на войсковую площадь. После революции этот вынос приобрел особое значение. Он будил воспоминание о былой казачьей воле и подкреплял теперешнее стремление к ней.

Теперь к торжеству «вручения Атаману булавы» регалии были доставлены в Екатеринодар из той станицы, где они хранились, пока рада и правительство блуждали в ледяных походах. Был соблюден особый полный церемониал их выноса. Впереди шел старый почтенный полковник с седой бородой мерным степенным шагом, за ним вели светло-серую лошадь с перекинутыми через седло старинными литаврами, в которые некогда ударял «довбищ», чтобы созвать Запорожцев на раду, затем особо приглашенные старики попарно несли старые куренные значки, потом грамоты, потом знамена и т. д.

Шествие торжественное и трогательное. Особенно теперь после пережитого, когда существование самого казачества оказалось под вопросом.

Перед этими знаками Войсковой славы вновь избранный Атаман произнес положенную по конституции присягу, получил в свои руки атаманскую булаву — знак атаманского достоинства — и произошло вместе с тем положенное по древнему обычаю помазание Атамана землей (грязью), чтобы не загордился высоким избранием!

Приказы рады.

Заключительным этапом работ Краевой Рады нужно считать ее «приказы», обращенные к населению Края и к кубанским войскам.

В приказе № 1 Чрезвычайная Краевая Рада, именем избравшего ее народа, провозглашала:

— Отныне на Кубани не должно быть произвола и насилия.

— Все лица, подозреваемые или обвиняемые в каких-либо преступлениях, а также в большевизме, должны отвечать только по суду.

— Равный для всех закон и справедливый законный суд — лучший залог закрепления нашей победы над насилием и произволом большевиков.

Рада повелевала Войсковому Атаману, Краевому Правительству, отдельским и станичным атаманам, аульным и сельским старшинам:

1. Немедленно принять строжайшие меры к прекращению самосудов, произвола и насилий над свободою, личностью, жизнью, честью и имуществом всех проживающих в пределах Кубанского Края.

2. Немедленно пересмотреть все дела арестованных и освободить незаконно и невинно арестованных.

3. Принять меры к охране от насилий тех большевиков, которые добровольно сложат оружие и возвратятся домой согласно призыву Главнокомандующего Добровольческой Армией.

4. Производить аресты и обыски только на точном основании закона.

5. Прекратить самовольное, без утверждения Войскового Атамана, приведение в исполнение смертных приговоров по постановлениям чрезвычайных военных судов.

6. Не допускать телесных наказаний.

7. Привлекать немедленно к строжайшей ответственности всех лиц, злоупотребивших представленной им властью.

Краевая Рада прервала свои занятия как бы на Рождественские каникулы.

В основном она сказала свое слово:

— Единство России, демократизм, временность самостоятельного существования Края, народность земельной реформы, борьба с большевизмом до конца, единство военного командования, неприемлемость диктатуры, как системы организации гражданской власти...

Но ведь это только общая идея. В содержании ее много осталось совершенно неясным. Более того, остались неразрешенными наиболее злободневные вопросы краевой экономики и политики. Рада не оставила ясности даже в вопросе об общем направлении той и другой.

Особенно остро должна была почувствоваться неясность и недоговоренность в вопросе об образовании объединенной власти. Этот вопрос, — в связи с прениями по докладу Быча, в связи с протестом добровольцев, их выходом из рады, неудачей работ согласительной комиссии и пр., — оставался висеть в воздухе и представлялся теперь крайне чреватым в будущем всяческими осложнениями.

Добровольческие писатели того и последующего времени очень склонны объяснить двусмысленность и недоговоренность декларации времени гражданской войны общим монархическим настро-

ением рядового бойца Армии, в действительности это было не так. Краевая Рада посылала на фронт Приказ № 3 с заявлением:

«Мы, кубанцы, мыслим себя неразрывно связанными с Россией, единой и свободной и мы твердо стоим на своей прежней позиции: Россия должна быть Федеративной Республикой свободных народов и земель».

Излагалось содержание работы рады по осуществлению в жизни *«идей народоправства»* и по *разрешению «второго важнейшего* вопроса краевой жизни», вопроса «земельного»: «право частной собственности на землю в Кубанском Крае *уничтожается»*.

Рада хотела говорить с воином:

— Без монархизма и самостийности, при свободном владении и пользовании землей, при оставлении, однако, права «распоряжения» ею — основного элемента понятия «собственность» — за общекраевой властью.

Заграничная делегация Краевой Рады.

В виде как бы личной компенсации Л. Л. Быч получил от рады особое *назначение, на которое тогда не было обращено должного* внимания.

В значительной части это решение обязано одному из трюков председателя рады Рябовола. Он провел его, как говорится, «под шумок», когда вообще депутаты устали, когда значительная часть депутатов не отделалась от сознания, что вот де *Л. Л.* Быч старался для Кубани, а его не почтили избранием, — обычное в подобных случаях направление мыслей у рядовых казаков.

Рябовол в конце одного из заседаний предложил раде послать делегацию на запад Европы, для осведомления западно-европейского общества о положении дел на Кубани и вообще на юге России, а также для защиты «наших интересов».

Делегации посылать в пореволюционное время казачьи представительные учреждения привыкли. Необычайность заключалась лишь в том, что теперь посылалась делегация за границу, в Париж, где в это время заседала мирная конференция и где решались «мировые вопросы». Но по сознанию среднего члена рады, почему же не послать делегацию и туда...

Председатель подсказал при этом и имя кандидата в главы делегации, *указал* способ, как создать для него соответствующий антураж, да, кстати, предложил ассигновать соответствующую сумму денег на эту делегацию, — миллион рублей, при курсе в 38—40 рублей за фунт стерлингов, — сумма очень значительная, около 30.000 фунтов стерлингов.

Рада согласилась и на ассигновку, и на возглавление делегации Л. Л. Бычем. В помощь ему определялось прикомандировать по одному делегату от каждого отдела и национальную от горцев. Создалась таким образом делегация в девять человек. В нее по-

пали лица из обычного его, бычевского, антуража: Манжула, Намитоков, Билый Игнат и др. Представители Ейского отдела выдвинули, было, своего испытанного «дипломата» — И. Л. Макаренко. Но это совсем не улыбалось Бычу. Этот его пересидел бы в Париже, да еще совсем неизвестно, какую Макаренко погнул бы там линию. Быч запротестовал. Когда в принципе дело было сделано, он мог позволить себе роскошь выбора.

В качестве мотива в пользу пересмотра ейчанами дела об их кандидате, было сделано указание, что в делегации нужны специалисты по военным делам. Ейчане вняли призыву разборчивого первого делегата и избрали на Конгресс мира в качестве военного специалиста делегата все того же близкого Бычу генерала Савицкого.

Союзники в Екатеринодаре.

Во время заседаний Краевой Рады имел место эпизод с весьма авторитетной по тому времени поддержкой идеи единства России не в смысле добровольческой практики, но во всяком случае в смысле той общей идеологии, из которой генералы Деникин, Драгомиров и др. выводили свою практику:

— Единая и Неделимая Россия.

Отсюда «носители национальной идеи» выводили свои требования, свой ригоризм по охране «чистоты служения идее»:

— Объединение власти признавали только в виде диктатуры, объединение вокруг *«нас»* (добровольческого *командования)* и пренебрежение к *«провинциализму»* и *«негосударственности»* стремлений краевых образований...

В Екатеринодар прибыли «союзники» — британские и французские офицеры. Они посетили Краевую Раду чуть ли не прямо с вокзала. Последнее обстоятельство могло быть истолковано кубанцами в свою пользу.

— Союзники, не откладывая, сделали нам визит...

Но в раде от имени союзников выступил лейтенант Жан Эрлиш с речью, произнесенной с большим пафосом... Быть может, это была первая речь в раде, произнесенная в европейском стиле и заранее рассчитанной компановкой ее частей. В ней была обязательная для европейцев доза демократизма. Но Эрлиш повторил полностью добровольческий лозунг, правда, на свой особый манер:

— Единая и Нераздельная Россия!

В кубанском ответе обходилось это неудобное речение и напиралось на демократизм в приветствии. Отвечали союзнику по-французски.

Был ясный солнечный день. Улицы переполнены народом, общее оживление, много бодрости...

Кубанско-Рябоволовская половина была определенно смущена, другая половина недоумевала, к чему бы это?

Добровольцы тоже не имели основания радоваться.

— Единая и Нераздельная, но все слова за демократию.

— Да кто они, которые приехали? Каковы их полномочия?

Крайние крылья из лагеря добровольцев и кубанских экстремистов радовались разоблачению:

— На Эрлише лишь мундир французский, а сам он из «наших одесситов», Иван Николаевич Эрлих...

...Союзников угостили обедом с необходимым церемониалом и тостами.

Рядом с гостями — союзниками — во главе стола сидели Главнокомандующий Добр. Армии ген. А. И. Деникин и Кубанский Войсковой Атаман ген. А. П. Филимонов. Каждый из них произнес соответствующее случаю слово. Из союзников, кроме «француза» Эрлиша, произнес краткий тост англичанин, морской офицер, приветствовал «старых союзников».

Нельзя было делать каких-либо обнадеживающих выводов из этой первой встречи. По существу это была со стороны союзников первая разведка в наши края. Но тем не менее она всех нас ободрила.

Второй — 1918 год гражданской войны кончался при благоприятных ауспициях, особенно для нас кубанцев. Вся краевая территория была очищена от большевицкого воинства и именно в городе Екатеринодаре произошла первая встреча живой России с посланцами победительницы — Европы.

Конец I-ой части.

Приложение к Кубанскому Сборнику №

КАРТА КУБАНСКАГО КРАЯ

40 км. 0 40 80 км.

АЗОВСКОЕ МОРЕ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

ВСЕВЕЛИКОЕ В. ДОНСКОЕ

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБ.

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

КУТАИСК. ГУБ.

СУХУМСКІЙ ОКРУГ

ЧЕРНОМОРСКАЯ ГУБЕРНІЯ

Крым

Керчь

Ей. О.

К. О.

Л. О.

Т. О.

Ек. О.

М. О.

Б. О.

Ейск

Темрюк

Славянская

Екатеринодар

Армавир

Ставрополь

Майкоп

Лабинская

Новороссийск

Анапа

Геленджик

Туапсе

Сочи

Адлер

Баталпашинск

Пятигорск

Кисловодск

Ростов

Баку

Эльбрус

Р. Кубань

36° 37° 38° 39° 40° 41° 42° 43° 44°

46° 45° 44° 43°

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

(Вышла из печати в 1962 г.)

		Стр.
Введение. (Краткие сведения из истории Кубани)		5
От автора		19
Вступление		20
Глава	I	21
»	II	25
»	III	27
»	IV	32
»	V	34
»	VI	40
»	VII	47
»	VIII	52
»	IX	57
»	X	59
»	XI	61
»	XII	65
»	XIII	68
»	XIV	70
»	XV	72
»	XVI	74
»	XVII	79
»	XVIII	81
»	XIX	82

Стр.

»	XX	Смерть Корнилова	84
»	XXI		88
»	XXII		95
»	XXIII		103
»	XXIV		107
»	XXV		112
»	XXVI		118
»	XXVII		122
»	XXVIII		124
»	XXIX		134
»	XXX		140
»	XXXI		146
»	XXXII		152
»	XXXIII		159
»	XXXIV		168
»	XXXV	Доно-Кавказский Союз	172
»	XXXVI		175
»	XXXVII		181
»	XXXVIII		187
»	XXXIX	Доклад Л. Л. Быча о политическом моменте	191
»	XXXX		198
»	XXXXI		201
»	XXXXII	*Земельный вопрос*	206
»	XXXXIII	Избрание Законодательной Рады . . . Вручение Атаману булавы. Приказы Рады. Заграничная делегация Краевой Рады.	214
